Федор Ошевнев
Чертова дюжина ножей +2
В СПИНУ РОССИЙСКОЙ АРМИИ
рассказы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник рассказов военной тематики жестко, но достоверно показывает армию изнутри — глазами офицера, курсанта, солдата; всю сложность их духовного мира в столкновении индивидуальных и профессиональных интересов.

- Федор Ошевнев
  -
  - ОТ АВТОРА
  - САМОСУД
  - ЗА НЕЧАЯННО БЬЮТ ОТЧАЯННО
  - «ШТОПОР»
  - ГЛОТОК ЛИМОНАДА «ДЮШЕС»
  - ВСТРЕЧНЫЙ УДАР
  - АДЮЛЬТЕР
  - «САМОХОД», ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ САМОВОЛЬНОЙ ОТЛУЧКИ
  - ПЕРВОИСТОЧНИК
  - ВСТРЕЧАЙ, ПРИЕЗЖАЕМ ЭЛИСТИНСКИМ…
  - ПОЧЕМУ ПРОЦЕСС НЕ ПОШЕЛ?
  - ПРИСТУП ВЕЖЛИВОСТИ
  - ЗААВТОРСТВО
  - «ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ»
  - «ТРЕХЛИТРОВАЯ» ЖЕНА
  - ЗА СЛАБУЮ ПОЛОВИНУ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Федор Ошевнев
Чертова дюжина ножей +2 в спину российской армии

Рассказы

Автор выражает сердечную благодарность Безотосному Игорю Александровичу, Константинову Игорю Викторовичу, Павленко Олегу Петровичу, Хрумало Валентину Викторовичу, Цветову Александру Алексеевичу, Коцоренко Александру Петровичу, Афанасьеву Аркадию Савельевичу, благодаря чьей бескорыстной поддержке смогла увидеть свет эта книга.

ОТ АВТОРА

Писать предисловие к собственной, и далеко не первой, книге — занятие, скажем так, довольно неблагодарное.

Самого себя заранее хвалить не принято. Тем паче — ругать… Тексты и без помощи автора все покажут и скажут. Вопрос: с чего тогда начать?

Возможно, все-таки с названия сборника. «Чертова дюжина ножей + 2 в спину российской армии» — полагаю, напоминает о «ножах в спину революции» Аркадия Аверченко. Мало того, в 2008-м ваш покорный слуга уже издал сборник «Чертова дюжина ножей в спину российской милиции», включавший тринадцать рассказов милицейской тематики. (Нынешний, армейской направленности, их насчитывает, соответственно, пятнадцать.) Так не грешит ли автор своего рода «двойным» плагиатом, повторяя не только одного из классиков юмора, но и себя самого?

Наверное, грешит. Тем же «смехом сквозь слезы». Хотя у меня он явно не похож на аверченковский, присутствуя только между строк.

А вот милицейский и армейский сборники во многом, безусловно, схожи: в обоих четко прослеживаются конфликтные мотивы меж начальством и подчиненными в силовых структурах. Причем то Ошевневу неправ в своих поступках бывает исключительно начальник. Корни же данных столкновений стары, глубоки и со временем отнюдь не отмирают, а, скорее, даже все больше обнажаются.

Пожалуй, лучше и точнее других определил суть вооруженных сил государства как одного из его социальных институтов Лев Давидович Троцкий — блестящий организатор и незаурядный публицист, фактический творец Октябрьского переворота, один из создателей и первый руководитель Красной Армии. Его перу принадлежат слова: «Армия вообще представляет собой осколок общества, которому служит, с тем отличием, что она придает социальным отношениям концентрированный характер, доводя их положительные и отрицательные черты до предельного выражения».

Не в бровь, а в глаз, блистательно сказано! И разве не о том же самом наедине с самим собой размышляет в камере на гауптвахте герой рассказа «Самоход» — солдат, совершивший под влиянием момента самовольную отлучку, «…в армии командир может тебе приказать исполнить все, на что его фантазия сработает, — хоть в голую задницу себя чмокнуть, а ты… Пожалуйста, жалуйся. Но только после строгого и точного

исполнения приказа». И далее неожиданно для себя нехотя признает: «Главное же — в военной системе по-иному нельзя: ведь если каждый солдат вдруг да вместо исполнения конкретно порученного в приказном порядке дела начнет его теоретически „обсасывать“, развалится просто наша армия».

А она и без того ныне близка к развалу. Из-за множества приобретенных еще в советские времена именно отрицательных черт, в третьем тысячелетии доведенных уже «до предельного выражения». Прежде всего она избавляется от самых лучших, под разными предлогами безжалостно выбрасывая их из своих рядов («Заавторство», «Самосуд», «За слабую половину»), либо — в крайнем случае — «жалеет», ссылая в тмутаракань («Адюльтер», «Глоток лимонада „Дюшес“»).

На руководящие посты здесь зачастую выдвигаются люди недалекие, невежественные, грубияны. Для них подчиненный — человек третьего сорта, не ставящийся ни в грош. Под видом «дальнейшего укрепления воинской дисциплины», улучшения службы его не грех обматерить, а то и вовсе поднять на него руку («Почему процесс не пошел?», «Приступ вежливости», «За нечаянно бьют отчаянно»).

Погонная система строго взыскивает за великодушие («Встречай, приезжаем элистинским», «„Трехлитровая“ жена»), зато поощряет послушность, элементарную трусость («Встречный удар»).

Особняком от остальных стоят рассказы, где главные герои — рядовые солдаты, абсолютно не понятые начальством, «не живущим жизнью подразделения»: уже упоминавшийся «Самоход», «Первоисточник». К ним примыкает «Штопор», где действие лермонтовского «Фаталиста» перенесено на территорию российского летного училища времен начала перестройки, в курсантскую среду.

И наконец, много лет пролежавший «в чернильнице», терпеливо ожидавший своего рождения рассказ «Торжество справедливости». Его заголовок закавычен, а сюжет в значительной степени автобиографичен (в меньшей мере на реалиях, заимствованных из собственной жизни, построены «Самосуд», «Заавторство» и «За слабую половину»).

Казалось бы, молодой офицер, главный герой «Торжества справедливости», от имени которого и ведется повествование, в итоге добивается своей цели: несправедливо наложенное на него взыскание изымается из личного дела. Но каким способом! «Минус на минус дает искаженный, незаконный плюс».

Редактор одного толстого журнала усмотрел в этой вещи черты притчи и одновременно в ее герое — «героя нашего времени».

Как автор, ничего по этому поводу сказать не смею: вам, читатель, виднее.

Закончить же хочу утверждением: общий итог всей «чертовой дюжины ножей + 2» — то же закавыченное «торжество справедливости». Поскольку в действительности ее в армии отыскать явно труднее, чем черную кошку в темной комнате.

Федор Ошевнев

САМОСУД

После очередной — на этот раз двухмесячной — командировки в «горячую точку» командир мотострелковой роты Игорь Кедров без единой царапины возвращался к семье, домой. Здесь не просыпались ночами от треска автоматных очередей на улицах; не опасались, что из неприметного авто, проезжающего мимо КПП воинской части, вдруг вылетит граната; не ждали пули или ножа в спину во время патрулирования по чужому городу, население которого на дух не переносило миротворцев в погонах. Здесь был мир — привычный, пусть со своими проблемами, не всегда справедливый, но — мир…

Людмила встретила Игоря так, как и должна была встретить офицера, вернувшегося из длительной командировки на войну, любящая жена: кинулась на шею, расцеловала под восклицания: «Ну, наконец-то! Слава Богу!» и срочно погнала нареченного под душ, а затем переодеваться, сама же захлопотала на кухне.

Но, сев за накрытый стол, который венчала запотевшая непорочная бутылка «Таможенной» водки, капитан быстро понял: не все спокойно в королевстве Кедровых. Это проглядывало и в напряженно нахмуренных бровях жены; и в ее ответах на мужнины вопросы о житье-бытье — дважды невпопад; и в неловком движении — за малым не просыпала кофе, а размешивала его быстро, нервно побрякивая ложечкой о стенки керамической кружки.

— Случилось что? — еще не допив забеленного сгущенкой любимого напитка, спросил Игорь.

— Представь, да, — моментально откликнулась Людмила.

— Серьезное?

— Серьезней не бывает.

— Так рассказывай. — И Кедров отставил кружку.

— Дочь твою одноклассник ни за что избил! — с прорвавшейся ноткой злости выпалила жена.

— И… сильно?

Перед глазами Игоря возник образ Иринки, тихони-семиклассницы.

— Да уж… Со всей дури полной папкой с книгами по голове! А бил подло, сзади… На перемене подскочил. Иринка чуть не упала, плачет, а все вокруг смеются, и этот гаденыш громче остальных.

— Учителя знают?

— А толку? Ходила я уже к директрисе…

— Такого слова вроде бы как нет, — опрометчиво заметил

Игорь.

— Зато человек есть! — тут же взорвалась Кедрова. — Дама за сто килограммов! Вся из себя: что костюм, что прическа, плюс на каждом пальце по бриллианту! И заявляет: а может, он нечаянно… Какое, говорю, если он Иринке проходу не дает! То лягушку в рюкзачок, то кнопку на стул… То подножку, то в спину кулаком… А бриллиантовая, на пару с классной руководительницей, хором: нет, Леша хороший! Он просто очень моторный… Что, Карлсон, что ли? Ну да я точно знаю, почему они его выгораживают. Папочка у этого хулигана преуспевающий коммерсант, он же главный школьный спонсор. Потому в классе и доска импортная, и мебель… Ремонт текущий — покраска-побелка — опять за счет фирмы… Да все учителя на этого нового русского молятся, словно на чудо-икону!

— Ну а ты сама с этим папой когда-нибудь встречалась?

— Представь, да. В середине зимы «очень моторный» у нашей безответной рюкзачок отобрал, полный снега напихал, а ей — за шиворот… Стала я папе после родительского собрания выговаривать — он на них лично ходит; нравится, видно, что учителя ему задницу лижут… Так он от меня прямо открестился!

— Но хоть что-то по этому поводу сказал?

— Сказал… Он-де по образованию психолог. И глубоко убежден, что дети меж собой все проблемы сами решать должны, без взрослых. Тогда, значит, развитие свободнее… Вот, говорю, пусть впредь его сын с второгодником Мамоновым такие проблемы и решает… Есть там у них: в плечах — метр, рост — под два… А этот чертов новорусский, дуб со златой цепью на шее, только ухмыляется. Говорит, если Алексею очень хочется с вашей дочкой общаться, не препятствуйте… Глядишь, в будущем и породнимся!

— Вот пидор! — помимо воли вырвалось у Игоря.

— Ага! В лицо ему и скажи! — почти прокричала Людмила. — У него, я слышала, полная фирма телохранителей! С пистолетами! Никакой твой рукопашный бой не поможет!

— Как сказать…

— А как хочешь! Да, кстати… — сбавила тон жена, — его после последнего случая все-таки в школу вызывали. Записку-отписку, наглец… Мол, весь в делах и заботах, переговоры с заграницей… Словом, на пустяки не размениваюсь. Классная мне и заявляет: а что тут школа может сделать? Не силком же уважаемого человека тащить!

— На крайний случай можно и так — через милицию…

— Давай, помечтай… Нет, преподобного Лешу, конечно, директриса при мне вежливенько так отчитала… Да только ему

на эти нотации давно начхать! Другие-то одноклассники, по примеру дурному, тоже руки распускать начали!

— Что конкретно от меня требуется? — решил уточнить Кедров.

— Как что? Ты — отец, вот и принимай меры. Хоть какие-то — моих дамских сил здесь явно не хватает! — И Людмила в сердцах загремела посудой.

— Слушай, а почему именно на Иринке отъезжают? — вслух задумался Игорь.

Жена прекратила мыть тарелку.

— Не понял? Эх ты… Забыл, когда в очередной раз переехали? Новенькая она, а класс тяжелый, сложный. Кстати, это именно благодаря твоей распрекрасной службе мы всю жизнь по чужим углам маемся, а дочь уже которую школу меняет. Результат…

— Что ж, диспозиция ясна. — И боевой капитан поднялся со стула. — Будем думать…

— Представь, давно пора бы. Пока дочери все кости не переломали…

…Тот день был субботним, и, когда вернулась из школы дочь — хрупкая, большеглазая, — Кедров, что было ему несвойственно, попытался вызвать ее на откровенный разговор.

— Он что, действительно именно тебе проходу не дает? Этот Леша? — спросил Игорь и поразился: глаза Иринки сразу заслезились и в зрачках заплясали огоньки страха.

— Он меня… Каждый день… — всхлипывала девочка. — Сегодня за хвост ка-ак дернет! Будешь, говорит, ябедничать — по стенке размажу! А за ним и эти: Мокрицкий, Перегудов… Дави, кричат, ябеду-беду! Лешка еще и на свитер плюнул…

Игорь стиснул зубы.

Оставшуюся часть дня офицер усиленно размышлял: искал достойный выход из, увы, вполне заурядной для сегодняшней российской школы ситуации. А ближе к вечеру постучался к соседу, бывшему сослуживцу, ныне же подполковнику запаса, который судился с финуправлением округа за так называемые «боевые» деньги, незаконно не выплаченные ему после командировок в «горячие точки».

— Слушай, Григорьич, ты вот своего адвоката так хвалил, так расхваливал… А телефончик-то его можешь дать? — попросил Игорь.

— Что, тоже «боевые» зажали? — поинтересовался сосед, листая старенький блокнот.

— Да нет. Тут кое-что другое… образовалось, — уклонился от прямого ответа Кедров.

Созвонившись с адвокатом, он объяснил, откуда у него телефонный номер защитника, и попросил о консультации — разумеется, не бесплатной.

— А когда вам удобно? — поинтересовался собеседник на другом конце телефона. — Я, в принципе, и сейчас свободен. Если сами сможете в центр подъехать… Нет, для меня — не поздно.

— Для меня — тем более, — уточнил офицер. — Диктуйте адрес. Так… Есть… Смогу быть примерно через час.

Мужчины встретились у входа в небольшой парк, и, прогуливаясь по его центральной аллее, Игорь внятно изложил адвокату суть школьной проблемы и как именно собирается оную решать.

— Ну, общую ситуацию я уяснил… — Адвокат приостановился и слегка потер подбородок. — И что вы предполагаете сделать, понял. М-м-м… По-армейски прямолинейно, однако и нестандартно. Вот будет ли прок? Ладно, пойдемте назад… Так сколько вашей дочери лет? Только точно — это важно.

— Через два месяца четырнадцать исполнится, а что? — не понял Игорь.

— Вот это хорошо. Это даже отлично! — взбодрился консультант. — Понимаете, в Российской Федерации уголовная ответственность наступает только с четырнадцати лет, посему в вашем случае состава преступления не усматривается. Словом, на момент совершения вашей дочерью в течение следующих двух месяцев каких-либо противоправных действий — ну ведь не убивать же вы, в конце концов, ее руками кого-то собрались, — она при любом раскладе не будет являться субъектом преступления. По максимуму — разве поставят на учет в милиции. М-м-м… Ну а на вас, полагаю, составят административный протокол по статье 5.35 КоАП РФ.

— А если попроще? Что еще за КоАП такой? И о чем статья?

— Кодекс об административных правонарушениях. Статья же эта называется «Ненадлежащее исполнение родительских прав». Максимум триста рублей штрафа. И то — возможно, конечно, я ошибаюсь, все-таки у меня не тот профиль, — но, кажется, военных и вовсе не штрафуют. Сообщают о «ненадлежащем» на службу, руководству, оно и разбирается — по своей линии.

— Лучше бы три сотни штрафа… — задумчиво произнес Кедров. — Это мелочевка. А вот замполиту компру слить — тот может такое кадило раздуть!

— Сожалею, — развел руками адвокат. — Протоколы по пять-тридцать пять рассматривает специальная комиссия при администрации района. Поставить ваше начальство в известность

о… м-м-м… пока еще не случившемся противоправном действии она стопроцентно обязана. В самом худшем случае материал передадут прямиком в военную прокуратуру, ну а там… разберутся. Взыскание в итоге все равно какое-либо получите, протокол же потом в архив спишут — и финита ля комедия.

— Ч-черт! — выругался Игорь. — Взыскания не хотелось бы. Только… в данной ситуации другого выхода не вижу.

— То есть путь законный вас совсем не интересует? — уточнил адвокат.

— Это не путь, а тупик, — возразил Кедров. — Жалобы учителям и районным чинушам? Заявления в ментуру и прокуратуру? Абсолютно не вижу перспективы.

— Да, это тягомотно, соглашусь… — Адвокат несколько шагов поразмышлял. — М-м-м… А если, скажем, детальную бумагу напрямую в комитет по образованию подготовить? Есть там один чиновник… Сергей Петрович. Можно подсуетиться, чтобы она на разбор именно к нему и попала. А уж после его представлений — он по натуре обожает все дерьмо до упора разгребать — не одна директорская задница из насиженного кресла как от катапульты вылетала. С вечным клеймом «знак педагогического некачества».

— Нет, я уж как-нибудь сам, — открестился Игорь. — Ладно. За консультацию благодарствую. Так сколько там я должен?..

А вернувшись домой, боевой капитан окончательно уже утвердился в мысли: в случае с преподобным Лешей, который тоже пока по возрасту не подпадает ни под одну уголовную статью, требуется активное контрнаступление. То бишь надо суметь поставить неуправляемого подростка — по-видимому, еще и активно поощряемого отцом — на место Иринки, на своей шкуре дать ему почувствовать унижение и боль.

Вот и оставался лишь тот самый прямолинейный армейский вариант. Хотя Игорь и прекрасно осознавал его последствия: такой своего рода артиллерийский огонь, под которым немудрено серьезное ранение получить…

— Ну и как, решил что-нибудь? — поинтересовалась к вечеру воскресенья жена у Кедрова.

— Так точно, — кивнул тот. — Сейчас вот Иринке буду подробный инструктаж давать.

— Что еще за инструктаж? — насторожилась Людмила.

— Ох, смотри…

— Да уж как-нибудь без тебя погляжу, — невежливо отозвался офицер и с нажимом в голосе произнес: — Сама требовала — теперь не вмешивайся. Теперь это уже мое, мужское дело…

* * *

После командировки Кедрову предоставили десятидневный отпуск. И в понедельник офицер, надев камуфляжную форму и берцы, ближе к обеду зашагал в школу, к дочери. У Иринки как раз подходил к концу последний, пятый урок, когда капитан осторожно постучался в класс. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме обрисовалась худосочная фигура пожилой женщины. Игорь уже знал, что это учительница математики, она же — классный руководитель дочери, прозванная учениками Ожившей Мумией.

— В чем дело? — буравила она жестким взглядом маленьких поросячьих глаз высокого рыжебородого (в «горячих точках» многие военные не бреются) мужчину.

— Я отец Ирины Кедровой. Можно дочь на два слова?

— Что за срочность? — Математичка чуть повернула голову с гладко зачесанными назад седыми волосами, собранными на затылке в жидкий узел. — До конца урока пятнадцать минут…

— Очень нужно.

— Ну, хорошо. Кедрова, на выход…

Уточнив у дочери, на занятиях ли ее обидчик и за каким столом сидит, офицер дождался звонка и вошел в класс.

Иринка, из-за спины упитанного подростка-здоровячка с тщательно расчесанными длинными волосами, указала на него пальцем. Длинноволосый собирал учебники в кожаную, размером с небольшой кейс, папку с золотым тиснением «Petek». Капитану сразу бросились в глаза кофта от спортивного костюма «Nike», в которую был одет подросток, и часы «Ориент» на его запястье.

— Тебя, что ли, Алексеем зовут? — обратился к здоровячку Игорь.

— Ну, допустим, — отцедил тот, настороженно глядя на незнакомого бородача в камуфляже.

— Тогда давай знакомиться, — офицер сел верхом на стул у стола, рядом с длинноволосым. — Заодно и, о делах наших грешных покалякаем… Я — отец Ирины, твоей одноклассницы.

Тем временем все ученики, кроме Кедровой и здоровячка, покинули класс. Ожившая Мумия, тоже было собиравшаяся уйти, выжидательно застыла на учительском месте.

— Нету у меня с вами никаких дел, — уткнувшись взглядом в пол, угрюмо пробурчал подросток. — И вообще: некогда мне, спешу.

— И чего это у вас в семье все такие занятые? — небрежно поинтересовался капитан. — Отцу, вишь, недосуг в школу заглянуть, даже если и вызывают; ты тоже гляди какой деловой…

— Игорь Дмитриевич, а вы, собственно, по какому вопросу? — вмешалась Ожившая Мумия, быстро листавшая журнал, и Кедров понял, что именно искала учительница: его имя-отчество.

— Известно, по какому: вопросу методичной, изощренной травли моей дочери вот этим «милейшим» молодым человеком.

— О чем вы? Никакой травли нет и быть не может, — торопливо возразила преподавательница, готовая замахать руками в подтверждение своих слов. — У нас показательное учебное заведение…

— Стало быть, портфелем по голове никто никого не бил? Врет моя дочь? И остальное: тычки, пинки, дерганье за волосы? Я уж не говорю о порче учебников, когда он ей снегом рюкзачок набил да еще и за шиворот натолкал…

— Ну… — запнулась женщина, и ее и без того бледное лицо еще больше побледнело. — Мы же все эти эпизоды уже разбирали. А по поводу недавнего — вообще простая случайность…

— Разбирали, да не до конца, — жестко отпарировал Игорь. — Так что сейчас мой разбор будет. Итоговый…

— Вы… Вы не имеете права, — беспокойно завозражала Ожившая Мумия и даже со стула привстала. — Убедительно прошу в кабинет директора.

— Что я там забыл? — спросил, пожав плечами, капитан.

— Записку отца-бизнесмена посмотреть, где он всех подальше посылает? А вот хватит, допустим, духу с этой отпиской в городской комитет по образованию явиться? Скажем, к Сергею Петровичу — надеюсь, слыхали про такого? Да в нос ему, как моей жене, этой бумажкой ткнуть… Мол, мы руки умыли, а ты, если желаешь, разбирайся. Ну, я этого чиновника очень хорошо знаю. Вы даже не представляете, что он с вами сделает, когда про все узнает…

Кедров намеренно соврал, решив слегка «наехать» на математичку — дабы беседе не мешала.

Под впечатлением сказанного классная руководительница — расчет оказался верен — вернулась на стул и замолчала, зябко поведя тощими плечами.

— Так за что ты недавно ударил мою дочь? — вновь обратился капитан к подростку.

— Я… нечаянно… — пробормотал тот, отводя теперь взгляд в сторону.

— Врешь, и неумно, — спокойно возразил офицер. — Иринку надо было догнать сзади, размахнуться, а уж потом только шарахнуть… что есть силы. И почему-то ты мою дочь, допустим, с

Мамоновым не перепутал. Или кишка тонка ему по башке врезать?

Длинноволосый затравленно молчал.

— Сумка у тебя в руках на перемене тоже «нечаянно» оказалась? Лягушку в портфель опять «по случаю» запихнул? Шпыняешь постоянно — все «невзначай»? За волосы в субботу кто дергал? На свитер кто плевал?

Незаметно для себя Кедров распалился и последние обличения выкрикивал — как команды на строевом плацу. Подросток от хлестких слов, будто от пощечин, стал вздрагивать и съежился.

— Как вы смеете? — подала голос Ожившая Мумия. — Он же ребенок!

— Смею! — рявкнул офицер. — Я на войне, под пулями, страну от нелюдей защищал! А сейчас здесь, где не стреляют, родную дочь защищать вынужден! Любимая школа-то ее за подачки продала и предала! Око за око, зуб за зуб! Иринка, делай как договорились! Ну! — И, увидев, что девочка колеблется, вскочил на ноги — крупный, страшный в гневе — и отчеканил: — Бей! Бей, иначе всю жизнь сама битой будешь!

Тресь! — огрела Иринка обидчика своим рюкзачком по голове — сбоку-сзади. Классная руководительница судорожно вцепилась в журнал побелевшими пальцами. Увидев, что женщина уже открыла рот — что-то сказать, — капитан показал ей внушительный волосатый кулак:

— Заткнись! Я твою работу делаю! Или предпочитаешь десяток журналистов? Они падкие на скандалы! Живо вашу показушную школу в дерьмо опустят! А ты — места потом трудоустроиться не найдешь! Директор-то все грехи на себя точно не возьмет, коли жареный петух в темечко… Козлом отпущения будешь ты! Именно ты!

Ожившая Мумия превратилась в застывшую мумию. Игорь же тихо, с ноткой фальшивой ласки, спросил:

— Что ж ты, Лешенька, не радуешься? Ведь вон как ржал, когда Иринке со всей дури врезал и она слезами заливалась! Правда, тебе и сейчас весело? Дочь, а ну, добавь!

Тресь! — вновь опустился рюкзачок на голову обидчика.

— Слабо бьешь — не плачет! Изо всех сил лупи!

Тресь! Тресь! Тресь! — раз за разом ударяла девочка одноклассника, постепенно входя во вкус.

— Передохни… — остановил ее отец. — Ну, Лешенька, ты и туп… Не доходит, что колотить тебя будут, пока не заревешь?

В нестойкой тишине за дверью класса послышалось приглушенное хихиканье. Секундой позже на поясе подростка

запищал сотовый, к которому, впрочем, владелец даже не прикоснулся, но, словно дождавшись сигнала, отчаянно заревел, размазывая слезы и сопли по сытому лицу.

— Вы в милиции за свои действия ответите! — пообещала классная руководительница.

— Неужели? А вы — за свое бездействие! На пару с директором! Я ведь не только в комитет по образованию пойду! В прокуратуру тоже! И в Министерство образования подробнейше напишу! Во все российские газеты! В международный суд! Президенту! Отмываться замучаетесь!

Кедров переключился на голосящего сына нового русского.

— Рыдаешь? Что и требовалось доказать! Тот же, кто сейчас подглядывает, по всей школе разнесет, как жидок ты на расправу! Авторитет-то — тю-тю! Но это не все! Дочь, давай!

— О-ой! — взвыл обидчик, когда Иринка что было сил дернула его за разлохматившиеся волосы.

— Стригись короче, — с издевкой посоветовал капитан.

— А теперь — быстро сел! Ну!

Длинноволосый автоматически повиновался и тут же с новым криком взвился со стула, схватившись за ягодицу.

— Вот незадача! — усмехнулся Игорь. — Кно-опочка… Больно? Это тебе только что Иринка подложила…

— Вы!.. вы — садист! — глотала воздух широко открытым ртом Ожившая Мумия, наконец-то разлепившая губы.

— Неужели? А он тогда кто? — почти уткнул плачущему в грудь палец офицер. — Между прочим, сам лично я его не трогал, так? Но вот когда он всячески издевался над Иринкой, вы лично с директором где были? Боялись богатого папочку прогневить?

— Ладно, лягушки у меня нет, — не унимался капитан. — И хоть ты мою мою дочь еще и опплевал — не забыл? — мы на тебя плевать хотели, ан не будем: противно. Но вот сумку ее ты в снегу извозил, книги испортил… Извини, конечно, в апреле на снег недород, а вот лужа под окном имеется. Иринка! Швыряй туда его папку! Тебе мать новые учебники покупала — пускай и его папаша раскошеливается!

С выпученными глазами Ожившая Мумия наблюдала, как самая тихая ее ученица, постоянно подкармливающая ничейных котят и горюющая за любую замерзшую птичку и каждого щенка с перебитой лапкой, радостно выкидывает через форточку пожитки хулиганистого одноклассника и они с брызгами шлепаются в грязноватую воду.

— Мы уходим, — с поклоном пояснил Кедров сыну нового русского, в глазах которого метался животный страх. — Ты же вникай, Леша. Иринка с тобой сделала лишь часть того, что ты с

ней вытворял раньше. Расскажешь папе — станешь ябедой. А таких, как ты сам говорил, надо «давить и размазывать по стенке». Тронешь же мою дочь еще раз — еще раз приду я. И уж тогда возьмусь за тебя всерьез, сегодня были только цветочки. Что тут поделаешь, коль учителя-дармоеды ни на что не способны… Ну, разве милостыню из рук твоего отца хапать… Дружков своих — Перегудова, Мокрицкого — тоже просвети.

— Мокрицкий за дверью и подслушивал, — неожиданно подала голос Иринка.

— Тем лучше. А вы, «многоуважаемая», — саркастически заявил офицер классному руководителю, — так директору и разобъясните: и я — человек занятой. В том плане, что по записке в школу тоже не приду, и одного раза за глаза хватит. Ум есть — будете молчать. Нет — бейте в барабаны, бумерангом по голове получите. Педикгоги!

Офицер взял дочь за руку, вышел из класса и хлопнул дверью.

* * *

— Чокнутый! Дурак! Идиот форменный! — честила вечером мужа Людмила. — Представь себе: теперь ее точно забьют! И нам беды…

— Как сказать… — философски изрек Игорь. — Пока в отпуске, провожать буду в школу. И из школы… Но сыночку я точно рога пообломал. Он по натуре ссыкливый — сразу видно…

— Куда там! — не успокаивалась жена. — Голову Иринке прошибет — будешь тогда на лекарства в своих «горячих точках» зарабатывать!

— Не-е, я эту породу знаю… И близко не подойдет. Другое дело — возможно, папочка пообщаться захочет. Всегда милости прошу…

В своих прогнозах, как позднее выяснилось, офицер оказался прав.

Дней пять он провожал Иринку до школы, а затем прохаживался под ее окнами еще с час, чтобы на перемене дочь через окно могла указать на защитника одноклассникам.

Записку с требованием прибыть к директору через Иринку все-таки передали. Игорь, как и обещал, сослался на занятость. В конце ответа приписал: «Рекомендую педколлективу гораздо глубже вникать в климат взаимоотношений школьников, пока в „показательном учебном заведении“ дело не дошло до смертоубийства».

* * *

В пятницу Кедров уже традиционно отвел дочь на учебу. По пути немного поговорили на «больную» тему.

— Что нового в школе за вчерашний день было? — поинтересовался Игорь.

— Да ничего особенного, папа.

— А все-таки?

— Ну… Классная наша, Маргарита Оттовна, опять возмущалась, что ты к директору так и не пришел.

«Вот же дура! — подумал офицер. — При чем тут Иринка? На километр бы эту мымру гладкочесаную к детям не подпустил!» Однако вслух только хмыкнул.

— Обидчики твои, ты говорила, поначалу все притихли, а как теперь?

— Так же, папа. Никто ко мне даже близко не подходит.

— Значит, в этом смысле тебе жить поспокойнее стало.

— Ага. Но вот…

— Что? — насторожился Кедров.

— Катька вчера от меня к другой девочке пересела. И вообще… Сначала многие говорили, какой ты молодец, и что Лешку давно проучить надо было, а теперь вроде как сторонятся. Нет, если я чего спрошу — отвечают. Только… — И голос девочки задрожал. — Только сами уже почти не подходят. Прямо никто. И Катька вот к Зинке ушла, а ведь они никогда не дружили…

— Даже так? — несколько растерялся боевой офицер.

Кусочек пути они прошли молча. И вдруг Иринка нерешительно спросила:

— Папочка, а может, тебе и не надо было вовсе в школу приходить?

— Это ж почему ты так думаешь? — удивился Кедров.

— Ну… Я вчера на переменке мимо нашего Мамонова проходила, а он со своими бывшими одноклассниками из девятого «б» стоит. Так они на меня искоса глянули, и один говорит: Рокфеллера — это так Лешку дразнят — давно пора было опустить. Второй поддакнул: и круто, чтоб не зазнавался! А Мамонов заявляет громко так: «Вот только пахану Иркиному все равно в это дело встревать было не резон»…

— Знаешь, дочь, мне все-таки лучше какого-то второгодника судить, резон или нет, — только и нашел что возразить Игорь. Но подумалось ему, что «больная» тема-то оказалась куда более глубинной.

Некоторое время он подефилировал под школьными окнами — одетый в неизменный камуфляж. А возвращаясь домой мимо

пивной приютившейся на полпути меж его квартирой и школой, боевой офицер шестым чувством понял: его «пасут»…

Остановившись, вроде как высморкаться, он быстрым взглядом влево назад зафиксировал двух мордоворотов в фирменных спортивных костюмах, массивных кроссовках и с короткими ежиками причесок. Отставив в сторону недопитые кружки, мордовороты нарочито лениво пристроились в кильватер капитану. Он же вспомнил, что на пути в школу видел рядом со «спортсменами», за столиком, еще двух «качков»: в свитере под горло и мощнейшего сложения, в темном костюме, но без галстука. Сейчас «качки» топали Кедрову навстречу, а мордовороты приближались сзади. Место разборки было выбрано квалифицированно: справа — высокий забор детсада, слева — глухая стена гаражного кооператива. Улочка немноголюдна, да и кому из случайных прохожих захочется нарываться на кулак или, чего хуже, на нож.

Клещи!!!

Игоря охватило тревожное возбуждение, как перед боем. По сути, капитан словно бы вновь очутился на войне. Особой. На которой ему запрещалось применять оружие и, кроме умения сражаться голыми руками, не было иных средств дать отпор превосходящим силам противника. И все-таки до чего точно удалось просчитать ситуацию! Иринку-то по утрам провожал умышленно — ждал, что папаша-бизнесмен клюнет на удочку и пришлет телохранителей либо наемников за сатисфакцией… Дождался!

Ускорив шаг, чтобы быстрее встретиться с идущими на него и одновременно увеличить разрыв меж собой и настигающими, Кедров двигался прямо на атлета в костюме, оставляя его напарника правее.

— Ну, ты, б…! — выкрикнул атлет, приблизившись до трех шагов.

И рванулся вперед, выбрасывая правую руку с кастетом, усаженным короткими металлическими шипами. Таким сработанным по особому заказу холодным оружием можно запросто размозжить переносицу или переломить челюсть. Владелец кастета, похоже, и рассчитывал на первый — эффектный — удар, многократно проверенный на упрямых должниках и всяких лохах. Но перед ним находился мастер рукопашного боя…

Подшаг навстречу нападавшему — и офицер тут же развернул корпус по часовой стрелке. Летящий кулак со смертоносным железом просвистел мимо: враг провалился вперед. Перехватить правой рукой его запястье, продернуть

противника чуть дальше и — короткий, вполсилы, удар ребром ладони по кадыку. Сделано!

«Ударил бы мощнее — прямая дорога на кладбище, — мысленно резюмировал Кедров. — А прием-то получился как четко: будто на тренировке…»

Продолжая движение, капитан с силой приподнял подбородок атлету и зажал его шею под мышкой, в удушающих тисках. Правую руку врага — на излом… Оттащить плененного от дружков…

Весь прием занял секунды три, так что «качок» в свитере не успел активизироваться. «Спортсмены» и вообще еще только подбегали к месту схватки — правда, с уже выщелкнутыми лезвиями ножей-выкидушек в руках. «Свитер» наконец-то сподобился выхватить электрошокер и газовый пистолет.

«Легко уделал — надо ситуацию дожимать», — оформилась новая мысль, и капитан дико заорал:

— Стоять, суки! Еще шаг — и он покойник! — И тут же с притворной вежливостью поинтересовался у атлета, одновременно стаскивая с его беспомощной руки кастет: — Слышь, братан, тебя как зовут?

— Ник… кита, — в два приема выговорил тот, судорожно цепляясь за удушающую горло руку левой кистью. Остальные противники в замешательстве топтались на месте.

— Ну что, Никишок… Жить-то хочешь? Не то… — Игорь на секунду сдавил кадык плененному, и тот глухо захрипел.

— Эти звуки ласкают слух, — с издевкой произнес офицер, продевая в кастет пальцы правой руки. — Приятелям-то разобъясни: ежели кто дернется, первый труп — ты. Как минимум и еще одного закопаю, а повезет — всех! Дурилки! — опять закричал Кедров. — Я Афган и пять «горячих точек» прошел! Сколько тварей лично на тот свет отправил — со счета сбился! Четырьмя меньше, больше — без разницы! — Чуть тише добавил: — Я к смерти давно готов, а вот вы? — И внимательным властным взглядом обвел застывшие, меловые лица врагов.

— Чуешь, что одной ногой в могиле? — продолжил капитан беседу с Никишком. — Оглянуться не успеешь — только позвонки хрустнут! — И после секундной паузы заорал: — А ну, на х… отсюда! Да бегом, бегом!!! — Опять перейдя на обманчиво дружеский тон, как бы попросил: — Никишок, походатайствуй… — еще раз, на миг, придавив тому кадык.

— Уйдите… Прошу… Иначе эта падла… — атлет заперхал.

— Здесь точно четыре падлы, — уточнил капитан. — И точно знаю, что ни одна из них — не я… Ножи и остальной арсенал — на землю! Ну! И свалили — больше не повторяю, ломаю ему шею!

— Уходите!!! — взвыл полузадушенный атлет.

Дружки нехотя повиновались.

Дождавшись, пока обезоруженное трио удалилось метров на сто, Игорь одной рукой собрал с асфальта оружие, рассовал за пазуху и по карманам. Двигаясь то боком, то задом, протащил плененного шагов на тридцать в противоположную от друзей сторону. Двое случайных прохожих шарахнулись вбок…

У валявшегося близ дороги обломка бревна Кедров отпустил сломленного врага, и тот мешком свалился на облизанный дождями комель, обеими руками массируя горло.

— Слышишь меня хорошо? — спросил офицер.

Не отнимая рук от шеи, атлет с усилием кивнул.

— Тогда своему боссу — или кто он тебе — передай: за дочь любому глотку перегрызу! Усекаешь? А если хозяин твой не вникнет, сквозь всех телохранителей достану и через сотню пыток пропущу! В Афгане всякому научился… Уж там знают, как человека о собственной смерти умолять заставить!

Капитан и изрядно помятый атлет расходились в разные стороны. Игорь даже не оглядывался: настолько был уверен, что этот бой он выиграл… И вдруг остановился, взглядом упершись в новенький «джип», припаркованный на противоположной стороне расширяющейся улицы. Через открытое окно с заднего сиденья престижного авто, на офицера злобно смотрел холеный мужчина с тонкими усиками и цейсовским биноклем в руках.

«А вот и сам заказчик», — догадался мститель и замедлил шаг. Правая рука против воли опустилась на локтевой сгиб левой, и Игорь резко вскинул вверх одноименную с ней кисть.

Угадав, кому адресован сей неприличный жест, пассажир «джипа» торопливо поднял тонированное стекло. Шикарный автомобиль резво и почти бесшумно рванул с места…

* * *

Через сутки, ближе к вечеру, в квартиру Кедровых постучался мужчина в милицейской форме.

— Участковый инспектор, лейтенант Суржиков, — представился он и предъявил краснокожую «ксиву». — Тут на вас, товарищ капитан, заявление поступило. О групповом хулиганстве… Со стороны вас и, соответственно, дочери вашей, несовершеннолетней… Разобраться следует…

— Что ж, проходите, — нехотя пригласил Игорь в комнату нежданного гостя. В принципе, капитан допускал и такой ход развития событий, так что был к нему готов.

Участковый инспектор неторопливо достал из папки-«лентяйки» стопочку бумаг.

— Значит, так: что мы имеем. Есть протокол заявления от гражданина Юрчилова Станислава Викторовича по поводу подстрекательства вами вашей дочери на избиение его сына. Что в дальнейшем на ваших глазах и имело место… Подтверждается свидетельскими показаниями педагога Кутовой Маргариты Оттовны — она же классный руководитель потерпевшего и подозреваемой… Вот выписка из журнала приемов и отказов от госпитализации амбулаторных больных горбольницы номер два, а также акт судмедосвидетельствования от двадцать третьего апреля сего года. Согласно ему, у Юрчилова-младшего зафиксированы телесные повреждения в виде гематомы мягких тканей головы. Со слов отца, подросток также жалуется на непрекращающиеся головные боли… Да и вообще: произошедшее не могло не повлиять на психическое состояние несовершеннолетнего… Он в своем объяснении подтверждает изложенные отцом факты. Что можете пояснить по этому поводу?

— На протяжении длительного времени Юрчилов-младший методично и изощренно травил мою дочь, — начал Кедров, — мучил ее и систематически избивал. Однако педагоги всегда покрывали маленького садиста.

— Ваши слова бездоказательны, — перебил лейтенант милиции. — У Алексея Юрчилова — прекрасная характеристика. Подписана классным руководителем и директором школы…

— Конечно, — усмехнулся Игорь. — Чего не сделаешь… в надежде на папино подаяние.

— Не понял…

— Ладно, проехали. Давайте тогда только о последнем эпизоде: учителя подтверждают, что недавно Юрчилов ударил мою дочь папкой с учебниками по голове?

— Про этот факт действительно упоминалось, — поморщившись, вынужден был согласиться участковый. — Но директор поясняет, что, во-первых, вы сильно преувеличиваете. А во-вторых, случаю давалась принципиальная оценка. Мальчик в присутствии вашей супруги извинился, и инцидент считается исчерпанным.

— Ах, считается… А ну, иди-ка сюда, — позвал Игорь жену из комнаты Иринки. — Разобъясни-ка товарищу начальнику по поводу принципиальной оценки…

— Малолетнего преступника пришли защищать? А где вы были, когда он мою дочь избивал и оплевывал? С учителями заодно? Да он ее совсем затерроризировал! — налетела Кедрова коршунихой на участкового инспектора, с жаром перечисляя все

случаи унижения дочери. Лейтенант милиции несколько минут молча слушал материнские претензии, а затем протестующе поднял руки вверх, как бы закрываясь от словесного потока, низвергавшегося на его голову:

— Хорошо, хорошо… — И опустил руки на стол. — Значит, так: мы во всем тщательно разберемся, если неприязненные отношения между детьми действительно имели место.

— Представьте, имели! — выпалила Людмила. — А вы тут устраиваете… игру в одни ворота! Да моя Иринка и мухи не обидит!

— И все же: разве она не избивала Юрчилова рюкзаком?

— Слегка погладила, это точнее, — не согласился капитан. — Подтверждаю: в моем и учительницы присутствии. Только действовала по собственному почину… Поняла, что мой разговор с Алексеем ни к чему не приведет: тот хамил, врал, вину признавать не собирался. Скажу больше: он и надо мной начал издеваться. Мне, мол, некогда по пустякам болтать, спешу, да и вообще — если что и произошло, то нечаянно, ненароком… Вы согласны, что шарахнуть сколько есть мочи сумкой по голове одноклассницы возможно походя, даже этого как бы и не заметив?

— Мы разберемся, — повторился участковый инспектор. — Только это тоже не метод — устраивать самосуд. Необходимо было еще раз посетить директора, встретиться с отцом подростка, к нам в конечном итоге обратиться…

— Пардон, никакого самосуда, — уточнил Игорь. — С моей стороны… Ну, стукнула Иринка одноклассника — в отместку, несильно, девочка она хиленькая. Ну, за вихор дернула… От этого же не умирают, так? Напомню: все, что она сделала, неуправляемый мальчишка с ней творил раньше и больше… Давайте тогда уж обоюдно их действия разбирать…

— Сейчас мы больше о ваших действиях речь ведем, — гнул свою линию лейтенант милиции. — Кутова настаивает, что девочка действовала по вашей указке, и уверена, что у вас заранее сговор был.

— Хех! — усмехнулся Кедров. — Да ради куска хлеба — в смысле места в школе — она вам сейчас засвидетельствует, будто я каждую ночь в кабинете директора первоклассниц насилую! Повторяю: мальчишка мне нахамил, дочь поняла, что из разговора толку не будет, ну и… Какой тут может быть сговор? Так и пишите…

— Ну, хорошо. — Участковый инспектор взял из «лентяйки» чистый лист. — Теперь надо бы и от несовершеннолетней объяснение принять.

— Категорически возражаю, — отрезал капитан.

— Почему?

— Чтоб лишний раз ребенка не травмировать. Да и без педагога вы малолетних опрашивать не имеете права…

— Время тянете? Ладно… Значит, так: завтра в школе опросим.

— А я сегодня дочери строго-настрого запрещу с любым на эту тему разговаривать, — предупредил Игорь. — И посмейте только на девочку давить — по судам затаскаю!

— Благодарю за откровенность! — и участковый инспектор резко захлопнул «лентяйку».

…И этот бой был выигран. Правда, после ухода милиционера Игорю пришлось выслушать критическое мнение Людмилы о сложившейся ситуации. Но теперь и жена, и дочь в любом случае должны были действовать заодно с главой семьи, как бы ни складывались обстоятельства…

* * *

Через несколько дней, когда Кедров уже вышел на службу, его вызвали в военную прокуратуру: все собранные по факту «группового хулиганства с предварительным сговором» материалы были переданы туда. С тяжелым сердцем шагал капитан по улице: а вдруг адвокат в своих предположениях все же оказался неправ?..

— Разрешите? — постучался и приоткрыл светлой полировки дверь в кабинет военного прокурора Игорь. И четко отрапортовал: — Товарищ полковник, капитан Кедров по вашему приказанию прибыл!

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил хозяин кабинета, сидящий в черном кожаном кресле на колесиках за массивным рабочим столом. Перпендикулярно к нему примыкали еще три, «рангом поскромнее», с придвинутыми по обеим сторонам рядами полумягких стульев. Боевой офицер сдернул пятнистую кепку и осторожно умостился на одном из них.

Выдержав паузу, полковник — лысый, с широким пористым носом и выпирающим кадыком — задал риторический вопрос:

— Понимаете, товарищ капитан, по какому поводу вы здесь?

— Да уж догадываюсь.

— Тем лучше — не будем ходить вокруг да около. Конфликтная ситуация в школе наличествовала?

— Имела таковая место, — нехотя признал Кедров.

— А поскольку вы — армейский офицер, то и материалы

проверки по заявлению гражданина Юрчилова были, соответственно, направлены милицией в наш адрес.

— Ну, это-то понятно.

— Вот и ладно. Итак, с документами мы внимательно ознакомились. Выло над чем подумать… М-да-а… Посему — сделали запрос в воинскую часть, характеристику и личное дело ваши нам переслали. Скажу откровенно: впечатляет. Афганистан — кстати, в свое время я тоже в Кандагаре побывал, и даже знавал вашего бывшего командира полка Чайкина. К слову: не в курсе, где он сейчас?

— В Подмосковье, на пенсионе. На даче затворником живет, редиску выращивает.

— М-да-а. А какой лихой офицер был! Ладно, у каждого по жизни свой путь… Значит, Афганистан — орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги»… Чечня, Дагестан, Чечня, опять Чечня… Орден Мужества, две медали «За отвагу», «За отличие в воинской службе»… Целый иконостас!

— Скажете тоже. Да у того же Чайкина — куда круче… Вот только он свои награды недавно все хотел переплавить и потом результат в реке утопить.

— Что-что-что? — удивился военный прокурор.

— Эхх! Не хотелось вам говорить, — вздохнул Кедров. — В религию командир качнулся. И круто. От беса, кричал, все эти награды дадены, за души людские загубленные. Грехов, значит, на нем много, успеет ли к смертному часу замолить? А не то — гореть ему на адовой сковородке… Спасибо, жена и сын вовремя неладное углядели — кое-как скопом забрали медали и ордена. Теперь вот у соседей хранят. И вообще, товарищ полковник, вы ж меня сюда вызвали не о наградах моих да и чужих речь вести…

— Ох и ершист ты, однако, капитан, — неожиданно отказался хозяин кабинета от официального «вы». — Подразумеваю, оттого-то до тридцати семи — и все в младших офицерах. Характеристика-то на тебя, с одной стороны, положительная, а с другой — ввернули: «Не всегда соглашается с мнением вышестоящего начальства».

— Ага. Особенно если оно выдает на-гора идиотские приказы, а когда я их по мере возможности все же стараюсь исполнить, от косяков попробуй застрахуйся. Я же потом еще и крайним оказываюсь, если возражать начинаю и не соглашаюсь чужую вину на себя принять. Дурдом!

— М-да-а… Ладно, я тебе как афганец афганцу. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении тебя мы, конечно, вынесем. Только вот что еще для этого сделать надо. Тут, в материалах, имеется акт

судмедэкспертизы — по поводу полученных несовершеннолетним Юрчиловым телесных повреждений: на удивление быстро спроворили! — так и ты дочь на медосвидетельствование тоже своди. Направление мы подготовили, вот, а заключение в дело подошьем.

— Без проблем, — отозвался Кедров.

— Идем дальше. Вот бумага. Немедленно пиши объяснение, что по статье 51 Конституции РФ никто показания против себя и близких родственников давать не обязан, а значит, молчание дочери закону не противоречит. Это чтобы на рапорт участкового ответить, где он на тебя и дочь бочку катит: мол, отказываются давать показания. Однако вот жену твою почему-то опросить запамятовал — ну ничего, мы это живо поправим…

— Раз оно так пошло, товарищ полковник, тогда и я скажу, — насупился Игорь. — На днях на меня было совершено разбойное нападение. Четверо неизвестных мужчин окружили, по дороге из школы — дочь провожал. Молодые, накачанные, с холодным оружием. И если бы не мой богатый опыт в рукопашке, лежать бы точно сейчас в реанимации. Ну, за что боролись, на то и напоролись. Да, кастет, ножи и шокер, что у этих громил отобрал, припрятал. Надо — отпечатки там или что, так принесу.

— Один против четверых? — изумился военный прокурор. — И сдюжил? Однако! Кстати, рапортом-то своему командиру доложил?

— А смысл? — вопросом на вопрос ответил офицер. — Оно понятно, что это люди Юрчилова были, я даже его самого в «джипе» неподалеку лицезрел, только вот поди докажи…

— Ну и напрасно, — не согласился полковник. — Если подобное повторится — немедленно рапорт по команде и в милицию заявление.

— Да уж… — скептически протянул Игорь. — Если повторится — они умнее будут. В плане, подготовленнее…

…Прошло еще несколько суток.

В деле появились новые документы: школьная характеристика на Иринку — на одно достоинство три недостатка. Плюс — свидетельские показания несовершеннолетнего Антона Мокрицкого, подглядывавшего за ходом конфликта. Наконец-то приняли подробное объяснение и от Людмилы. В документы подшили второй акт медосвидетельствования — теперь уже несовершеннолетней Кедровой, «давно и часто жалующейся на аналогичные головные боли». Опрошенная в прокуратуре Ожившая Мумия свою роль в затяжном ЧП поясняла неубедительно…

И в итоге гарнизонная военная прокуратура в возбуждении

уголовного дела в отношении гражданина Кедрова И. Д. и гражданки Кедровой И. И. по части 2 статьи 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство» отказала — «за отсутствием состава преступления».

О чем и был официально поставлен в известность командир мотострелкового полка.

Можно было считать, что выигран главный бой?.. Однако жизнь внесла свои коррективы…

* * *

Вскоре Игоря вызвал к себе в кабинет заместитель командира полка по воспитательной работе. Пасмурное лицо подполковника задушевной беседы явно не обещало.

— Мало мне, товарищ капитан, было запросов из военной прокуратуры, так теперь ваша фамилия еще и у заместителя командующего по тылу на слуху! — официально, на «вы», начал старший офицер, хотя обычно бесцеремонно «тыкал» младшим по званию.

— В каком смысле? — насторожился Кедров.

— В отрицательном, — уточнил подполковник и перешел на «ты». — Генералу поступил сигнал, что ты человека нужного обидел. Так и сказал: очень нужного. И фамилию назвал. Догадываешься, о ком идет речь?

— Само собой…

— Так вот: генерал требует, чтобы ты прилюдно, в школе, извинился перед одноклассником твоей дочери и его отцом и вообще уладил как-то этот вопрос. Можешь считать таковое приказом.

— Мне лично извиняться не за что, — отрубил Игорь. — А вопрос… Что ж, если «как-то», то он уже улажен.

— Это тебе лишь кажется, — наклонился к нему главный воспитатель полка. — Не забывай: я тоже материалы несостоявшегося уголовного дела читал. И склонен думать, даже уверен, что на деле все происходило именно так, как учительница пишет. Был в твоих действиях криминал! Был! Только тебе подвезло: испугом отделался. Впрочем, и к лучшему: пятна еще на всю часть не хватало…

— А в действиях подрастающего садиста вы криминала не находите? — возмутился Кедров. — И что учителя все знали, да молчали?

— Такие оценки давать неправомочен, — сразу открестился от ответа на скользкий вопрос подполковник. — Моя обязанность

— отследить твое поведение и, если требуется, наказать по всей строгости!

— Интересно, за что? В возбуждении-то отказано…

— А за то самое! Например, за ненадлежащее воспитание дочери — в духе рукоприкладства! За нежелание в конфликтной ситуации общаться с руководством школы! За оказание психологического давления на несовершеннолетних своими прогулками в форменной одежде под окнами учебного заведения! Вам что, товарищ капитан, для этого форма дана? — вновь перешел на «вы» и поднялся с кресла подполковник.

Игорь тоже встал — субординация — и заявил:

— Будь на месте моей дочери ваша — вы б наверняка рассуждали иначе! — И осекся, поняв, что наступил на больную мозоль старшему офицеру: детей у него — по слухам, из-за его стерильности — не было.

— Я попрошу, товарищ капитан… — побагровел и, прищурив глаза, повысил голос «воспитатель», — не проводить неумные и оскорбительные параллели! Хорошенько подумайте над предложением генерала — иначе я не гарантирую вам прохождения дальнейшей службы в нашей части!

— Артиллерия бьет по своим? Тогда мне только и остается, что самому к генералу на прием записаться!

— Это если мы позволим, — процедил подполковник, — а для начала еще командир полка имеется. Так что главный разговор впереди. Свободны!

…Вечером того же дня капитана поджидал второй неприятный сюрприз: жена со слезами сообщила, что ее уволили — а работала Кедрова инспектором социальной защиты в администрации одного из городских районов.

— Сказали, что меня и держали раньше только из жалости, — возмущалась Людмила. — У меня же строительный техникум — «не по профилю». «На ваше место претендует классный специалист…» Я уже и у юриста была — по КЗОТу, говорит, нарушения нет…

— Ничего-ничего… Устроишься где-нибудь по специальности, — пытался утешить жену Игорь.

— Ты в своем уме? — напустилась она на мужа. — Это где и кто нынче хоть что-нибудь строит? И какой из меня прораб, если с нашими переездами я вообще проработала года полтора, а потом прочно в домохозяйки…

— Будем что-то подыскивать… Через биржу, через газеты… — только и смог ответить Кедров.

Но на том сюрпризы не закончились. Назавтра Иринка принесла из школы сразу две двойки. Потом они пошли

сплошным потоком: по три-четыре в день. Учителя спрашивали девочку на каждом уроке, вопросы задавали самые каверзные, ловили на всякой мелочи и постоянно выговаривали ни за что. Особенно в том преуспевала Маргарита Оттовна.

— Четверть века преподаю — и впервые вижу такое нежелание к учебе! Ты, смотрю, по «неудам» скоро и Мамонова переплюнешь! В чем дело? Элементарщины решить не в состоянии! — с явным наслаждением ругала Кутова Иринку, вызвав ее к доске и предложив задачу повышенной сложности. — И нечего мне тут крокодиловы слезы лить! Все равно тройки не выплачешь!

Быстро уяснив ситуацию, одноклассники объявили девочке тихий бойкот: никто и пальцем не трогал, но теперь вовсе не общались, принципиально поворачиваясь к ней спиной и игнорируя робкие попытки завязать разговор. Иринка, чего с ней раньше никогда не случалось, стала прогуливать школу.

А через две недели — за это время жена Игоря так и не нашла себе новой работы, а у офицера в части стали готовить документы на его перевод в тмутаракань — классный руководитель принесла супругам на дом официальное уведомление… Решением специальной комиссии из ведущих педагогов школы, возглавляемой представителем городского комитета по образованию, ученица седьмого класса Кедрова была признана неспособной обучаться в показательной школе с математическим уклоном, куда принимаются лишь особо одаренные дети. Кандидатка же не выдержала испытательный срок, в связи с чем родителям было предложено перевести девочку в другую школу — и даже указано, в какую именно.

Только тут Людмила вспомнила, что какую-то бумагу по этому поводу она раньше, при приеме дочери на учебу после очередного переезда семьи, действительно подписывала, но как-то не придала тому особого значения…

— Пускай так, — всхлипывала Иринка. — Пускай переводят, лишь бы побыстрее. Но почему здесь, даже если в сто раз хуже меня отвечают — всем тройки… Даже Мамонову ставят, а он, бывает, вообще молчит… Ко мне в классе никто не подходит! Не разговаривают! Отворачиваются! А учителя кричат, что я лентяйка и тупица! За что? Папа, за что?

Жена кричала на Игоря, обзывала всяко. Он угрюмо молчал, понимая, откуда дует ветер. Семье методично «перекрывали кислород» по всем каналам.

* * *

Прошло еще несколько дней…

Получив законный выходной после воскресного наряда, капитан решил идти ва-банк. Собственно, а что ему еще оставалось?

Позавчера Иринку так довели в школе, что она попыталась покончить с собой. Выбрала не петлю или прыжок с крыши высотного дома, а отравление. Наглоталась снотворного, которое иногда принимала на ночь мать. И, если бы та не вернулась рано домой, получив отказ в трудоустройстве в двух местах, неизвестно, удалось ли бы спасти решившуюся на самоубийство.

Сейчас жизнь девочки уже была вне опасности, но пока еще Иринка находилась в реанимации…

В так называемой посмертной записке — есть такой термин, — а вернее, целом письме девочка сообщала родителям, что после уроков Юрчилов-младший вновь изо всех сил ударил ее папкой по голове, во дворе школы. И пообещал теперь избивать каждый день. Когда же Иринка закричала, зовя на помощь директора школы и классного руководителя, которые как раз в эту минуту вышли на порог, обе женщины, прекрасно видевшие действия сына нового русского, по-военному сделали поворот кругом и спрятались в здании, да так оттуда и не вышли, сколько девочка ни плакала. А Юрчилов-младший важно уселся на переднее сиденье «джипа», возле которого стояли пятеро крепких мужчин, и с комфортом отбыл домой…

…Собираясь на свою личную войну, офицер не стал надевать камуфляжной формы. Облачился в непривычный гражданский костюм, повязал галстук, обул надраенные тупоносые туфли. Немного подумал и прикрепил на грудь все свои начищенные — не до блеска, а чтобы чуть высветлились — боевые награды.

По широкому асфальтированному тротуару Кедров твердо шагал к офису фирмы Юрчилова-старшего, нежно поглаживая в кармане гладкие бока гранат-«эргедешек». Слегка нагревшийся металл успокаивал, вселял дополнительную уверенность в своих силах, убеждал в собственной справедливости.

А вокруг шелестели зеленой, слегка запылившейся — не было дождей — листвой деревья и цвиркали в этой зелени птицы… Солнечные лучи, еще не очень жаркие, спускались с безоблачного неба. И не верилось боевому капитану-мотострелку, что сегодня, через считанные минуты, в одно мгновение, единственный маленький осколок «эргедешки» может похоронить под собой весь этот привычный мир с его явными и тайными войнами. Однако твердо знал решившийся на крайность офицер одно: случись даже самое худшее — и в мир иной, которого мы все боимся, но куда неминуемо придем, он шагнет только вместе со своим

главным врагом. Шагнет без колебаний.

…Ах, как не хотелось делать этот непоправимый шаг! Но на все теперь оставалась одна — Господня — воля.

1999

ЗА НЕЧАЯННО БЬЮТ ОТЧАЯННО

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь! — рубил воздух ладонью в такт хлестким «воспитательным» фразам командир учебного батальона подполковник Ушаков, распекая вытянувшегося перед ним в струнку подчиненного — командира учебной роты майора Ишова. — Лучшая рота! — брезгливо поморщившись, зло продолжил разнос комбат. — И лучшие сержанты, организовавшие лучшую ночную пьянку! Самоустранились от личного состава! Не живете жизнью подразделения!

— Да я, товарищ подполковник, с них семь шкур… — вклинился было в критический монолог Ишов. Но — напрасно…

— Молчать! Молчать, пока я вас спрашиваю! — едва не подпрыгнул в кресле Ушаков от неуместного оправдания. — Меня пустые словеса не интересуют! С людьми работать надо! Кропотливо! Методично! Тогда и пьянок в роте не будет, и вообще ЧП! А сейчас — засучайте рукава и шагом марш немедленно наводить порядок в подразделении!

И комбат довольно расслабился в кресле после ухода подчиненного, промаршировавшего строевым шагом до дверей кабинета.

Из дверей ротный вылетел пулей, через строевой плац пронесся снарядом, в казарму вломился гранатой с выдернутой чекой. «Взрыв» последовал незамедлительно…

* * *

Выходец из младших командиров, майор Ишов являл собой хрестоматийный типаж холерика, тяготеющего к психопату истероидного типа. По простоте душевной он сам однажды сознался комбату, что если не поорет в казарме хотя бы раз за полдня, то «зримо чувствует», как бразды правления уплывают у него из рук. Стоило же ротному самому попасть «на ковер» к начальству — пусть даже не за чьи-то, а за личные прегрешения, — как офицер немедленно спешил передать испорченное настроение своим подчиненным (обходное защитное поведение), восполняя энергетические запасы особенно громкими криками и порой доходя до рукоприкладства. К тому же изначально низкая культура — Ишов воспитывался в семье хронического алкоголика — и почти полное отсутствие сдерживающих центров никогда не позволяли майору признать

собственную неправоту перед подчиненными, и даже самая невыгодная для него ситуация в таких случаях неизбежно и грубо выворачивалась им наизнанку.

Скажем, после «строгача» за опоздание на «тревогу» — а именно под ее прикрытием Ишов и ночевал у любовницы — ротный моментально вызверился на комвзводов и сержантов, их заместителей, обвинив всех скопом в нарушении порядка заправки солдатских постелей.

— Верхняя простыня должна складываться вдоль, а не поперек, как это, оказывается, уже месяц вытворяется в роте! И я только сегодня узнаю! — никого не слушая, на повышенных тонах упрямо долдонил он.

Наконец удалось напомнить ротному про устное распоряжение командира части об изменении порядка заправки, однако Ишов растерялся лишь на секунду, а в следующую завопил:

— Да что вы все ко мне с этими ср…ными простынями поприцеплялись? Я спрашиваю: когда в прикроватных тумбочках будет наведен должный уставной порядок?

Его-то, по «рекомендации» комбата, Ишов и собирался сейчас наводить. Причем во всей казарме единовременно. Итак…

* * *

«Взрыв» последовал незамедлительно. На головы наряда по роте обрушилась лавина ругательств: лексикон у ротного был небогат, но ярок.

— Почему, б…, дневальный на тумбочке не рапортует, а шепчет? Почему свободный дневальный, как сволочь, не стрижен, на ушах висит? Почему все опухли ото сна — к такой-то матери, заняться нечем? В казарме, б…, сплошная грязь, а они хреном груши околачивают! Почему пол ни х… не намастичен? Бездельники! Скоты! Всех после наряда на «губу» засажу!

И по мере выплескивания бранных слов на солдат ротный вновь начинал ощущать себя великим руководителем, проникаясь осознанием собственной значимости: а как же — сто восемьдесят девять подчиненных, включая офицеров, и все обязаны беспрекословно ему повиноваться! — и цементировал щели в пьедестале царя и бога подразделения, который бесцеремонно пошатнул комбат.

Тр-рах! — слетел Ишов с этого пьедестала, поскользнувшись хромовыми сапогами на беспощадно намастиченном полу.

— Идиот! — чуть не с кулаками набросился майор на

дежурного по роте, неловко поднявшись с желтоватых пахучих досок. — Чокнулись, б…, столько мастики в пол вгонять? Где экономия, мать вашу так?! А по, тревоге побегут — друг друга покалечат?!

Наученный горьким опытом, ефрейтор молчал, с трудом сохраняя серьезный вид, поскольку изнутри его распирали и смех, и желание напомнить начальнику более раннее его высказывание относительно мастики и пола. Майора же, снедаемого злостью, переполняло острое желание немедленно излить ее на кого-то еще, помимо наряда по роте, и он прорычал:

— А ну, кто еще из бездельников в наличии?

— Так все ж в учебном корпусе, на занятиях, — осторожно ответствовал дежурный. — А старшина с каптерщиком на вещсклад ушел. Один Рязанцев в подвале паяет.

— Вот я сейчас проверю, какого хрена там этот Умелец наработал, — с угрозой не по делу пообещал Ишов.

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал…

* * *

Рядовой Рязанцев в роте, да и во всей части, был единственным детдомовцем. Именно поэтому беседовали с ним, по прибытии вчерашнего призывника в подразделение, не только взводный, но и сам Ишов в паре с замполитом роты. Худощавый горбоносый солдат с асимметричным лицом и уныло опущенными уголками губ отвечал тоже уныло, односложно.

Найденыш. Младенцем на задворках вокзала подобрали. Родители не объявились — отправили в детдом. Там фамилии воспитанникам иногда давали по названиям городов страны: Москвин, Калужцев. Так и он свою получил. Окончил восьмилетку — направили в строительное ПТУ. Выучился на маляра-штукатура, но может и другое: класть кирпичи, плитку, по-плотницки, электриком. Полгода работал на заводе, жил в общежитии. Потом призвали на срочную. Все…

И лишь услышав от замполита глупейший вопрос — из серии обязательных на первой беседе с солдатом: чем собираешься заниматься после армии (это при сроке-то службы в неделю!), рядовой неожиданно оживился и стал рассказывать, что очень хотел бы иметь Свой Дом — то есть какой-то жилой угол, жену, детей и, естественно, работу. Только обязательно от нормы, чтобы можно было сверх нее сколько-то давать и за несколько лет как-то скопить на этот свой угол.

— Это ты про квартиру, что ли? — решил уточнить замполит.

— Не-е… Про частный угол, — разъяснил солдат. — Квартиры мне не дадут.

— Почему ты так думаешь? — удивился ротный идеолог.

— Я не думаю, — поскучнел Рязанцев, и уголки его губ опустились еще сильнее. — Знаю. Мужики на заводе все так говорили. Мол, тебе, из детдома, да одиночке, ни в жисть не дадут. Женатому только и с блатом. А женишься — куда идти? К чужому на постой? Там дети пойдут… Не-е, свой угол заработать надо. Хоть комнатешку…

— Ну и много детей-то, в своем углу, по «дембелю», настрогать распланировал? — с подковыркой поинтересовался Ишов, которому рядовой по неясным причинам, но сразу не поглянулся, а замполит от такого вопроса недовольно поджал губы, однако смолчал: начальнику, да еще армейскому, замечания делать чревато последствиями.

— Не меньше как трех, — серьезно, не почувствовав подковырки, заявил Рязанцев. — Не-е, может, четырех?

— Дурное дело нехитрое, — язвительно усмехнулся ротный, некстати вспомнив свое собственное детство, щедро сдобренное колотушками, коими отец-алкоголик от души оделял будущего офицера и двух его сестер, сроду не принося домой ни копейки. — Только потом-то чем рты прокормишь?

— Руки прокормят. А они — вот они, — протянул вперед ладони рядовой. Уже загрубелые, в мелких шрамах и неожиданно крупные. — Не-е… Прокормлю. Говорю — по-всякому работать могу.

— Это мы еще проверим, — с долей скептицизма заявил Ишов. — Шагом марш к старшине: в туалете плитка поотваливалась, пусть инструмент и фронт работы обеспечит. И смотри у меня… Умелец!

Но Умелец — как быстро и окрестили Рязанцева в роте — свои слова о «всякой работе» с блеском оправдал, и с тех пор старшина постоянно выдергивал бывшего детдомовца с учебных занятий, будто морковку из грядки: разного текущего ремонта в подразделении круглый год хватало и перехватало. К наукам же военным, а в особенности к политподготовке, Умелец относился с завидным равнодушием. Зато лучше всех заправлял «кирпичиком» постель, даже быстрее и ловчее сержантов наматывал портянки, умело стирал и гладил «хебе», без малейшей тени отвращения убирался в свою очередь в туалете. И никогда за время службы на ее тяготы и лишения никому не жаловался, как и вообще ни на что.

Был случай в первые дни службы: наглый здоровенный

сослуживец из того же взвода стал отбирать у Рязанцева на обеде кусок хлеба — я, значит, не наедаюсь, а ты тощий, обойдешься. Так здесь детдомовец на открытый конфликт не пошел, а часть пайки компенсировал своеобразно: стал подходить к хлеборезочной уже после еды и просить вроде как добавку — горбушку. На третий день женщина-хлеборезка показала постоянного попрошайку дежурному по части, и тот вычислил, из какой роты рядовой, передав информацию замполиту подразделения. Будучи искушенным в солдатских взаимоотношениях, офицер отследил неуставную ситуацию и жестко пресек ее раз и навсегда.

После разборки в канцелярии роты солдат-здоровяк сунулся было в курилке к Рязанцеву — со своей разборкой: настучал, гад, значит! На что Умелец резонно возразил:

— Не-е… Я в жизни никого не закладывал! А вот ты — тормоз. Пайку-то мою при всех, нагляком, отнимал. А шакалы — они ж тоже не слепые. Тебя и пож…пили.

Но при крайних обстоятельствах детдомовец готов был принять бой.

Как-то его окликнул старослужащий из музвзвода:

— Эй, сюда! Я не понял, солдат! Бегом! Ты че, б…, туго всасывать? — И несильно, больше для порядка, одной рукой ударил Умельца в грудь, а другой протянул ему свои грязные портянки: — Вечером прихожу в казарму и удивляюсь: они уже чистые и выглажены!

— Не-е… — не взял портянок молодой солдат. — Я тебе не чмырь!

— Ты че, салага, совсем ох…л? — ухватил Рязанцева за ворот музыкант. — Че, службу, б…, понял?

Но детдомовец, накрыв его ладонь своей, неожиданно ловко вывернул кисть старослужащему и оторвал ее от кителя. После чего только и ответил:

— А че ж тут непонятного? «Деды», как ты, и в ПТУ были. Навалом. Тоже слабых по-всякому трахали.

— Так ты сильный, б…, да? Тогда готовься — ночью подымем; за базар, душара, ответишь! — пригрозил разозленный музыкант и собрался было уйти, отложив расправу над взбунтовавшимся наглецом до поры до времени, но тут Рязанцев его остановил:

— Не-е… Ты не убегай… Толпой-то вы мне по бороде быстро настучите — и разговора нет. Только я с тебя одного потом спрошу.

— Это как, салага? — даже развеселился музыкант. — Ну-ка, не понял…

— А просто, — пояснил Умелец. — Половинкой силикатного кирпича по «чердаку». У меня в ПТУ один «крутой» раз стипуху отнял, ну я ему назавтра полбашки и снес. Три месяца в «травме» отдыхал. А бил сзади — оно таким макаром вернее. И учти: я свое слово всегда держу!

— Ты че, опупел, что ли? — пошел на попятную «дед». — Тебя ж тогда посадят…

— Не-е… Замнут для ясности. Как в ПТУ. В случае же чего — тюрьма-ли, армия, детдом — мне все едино. Везде своя камера, казарма или там спальня на десятерых. Подъем-отбой, невкусная жратва по распорядку. И без зарплаты… Не-е, мне терять нечего. А вот тебе…

Обескураженный музыкант молча убрался восвояси, и больше детдомовца никто под себя подмять не пытался.

С тех пор Умелец довольно счастливо и легко (на его взгляд) продолжал тянуть лямку солдатской службы — то подштукатуривая казарму, то беля ее изнутри, то ремонтируя нехитрую «военную» мебель: табуреты в спальном помещении, стулья и столы в ленинской комнате. В последние же дни переквалифицировался в электрика, изобретая пульт для дневального, где мыслилось свести воедино тумблеры тревожной сирены, вечернего и дежурного освещения, различных световых табло — формы одежды, уличной температуры, — плюс туда же подключить телефон.

С паяльником в руке Рязанцев мараковал над замысловатым пультом в подвальной комнате-мастерской роты, а в это время в казарме, наверху…

* * *

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал. Перейдя через порог примитивной мастерской, из потолка которой там и сям торчали водопроводные и канализационные трубы, а меж ними, посредине помещения, чужеродно нависала лампа дневного освещения, Ишов сразу углядел на самодельном столике, перед увлекшимся работой рядовым, початую водочную бутылку. Из горлышка поллитровки вился какой-то слабый дымок, но на эту деталь офицер внимания не обратил: вся его злость за ночную сержантскую пьянку, «разбор полетов» в кабинете комбата и дурацкое падение в казарме мгновенно выплеснулась в не контролируемый разумом поступок.

Ишов рванулся к бутылке с водочной этикеткой, словно

взбешенный бык к красной тряпке, ухватил поллитровку ближе к дну и со словами: «Ага, сука, и ты такой же!» — резко плеснул содержимым стеклотары поперек лица удивленно поднявшего голову рядового. Плеснул и тут же доплеснул еще раз.

— А-а-а-а! — дико закричал Рязанцев, обхватив ладонями лицо. — А-а-а-а!

— Э-э, ты чего? — опешил Ишов и тут же испугался, замер, поняв, что именно он натворил.

В бутылке из-под водки была концентрированная соляная кислота. Ротный сам же ее и принес в этой самой стеклотаре, выпросив несколько дней назад в лаборатории горюче-смазочных материалов учебного полка. Из ядовитой техжидкости, растворяя в кислоте цинковые стружки, готовили необходимый для пайки хлористый цинк.

— Ну, ну, — засуетился вышедший из ступора Ишов, безуспешно пытаясь успокоить не переставшего голосить, и все старался оторвать его плотно прижатые к лицу ладони от обожженных мест и выяснить, не попала ли кислота в глаза.

Химический ожог быстро дал серый, плотный на ощупь обширный струп, широкой полосой проходящий под глазными нишами, через переносицу. Брызги кислоты разлетелись и по лбу, и по щекам рядового. Облегченно вздохнув наконец — глаза у него вроде не пострадали, — ротный потянул Рязанцева наверх, в казарму, к умывальнику.

— Ну, ты чего? Сейчас промоем — и все будет нормально, — уговаривал Ишов. — Ну, ведь не больно уже, правда?

— Не-е… — наконец отозвался солдат. — Жжет. Сильно…

— Сейчас, сейчас, — и майор приказал дежурному по роте звонить в санитарную часть, старшему врачу полка.

Минут через двадцать медицинский «уазик» увез пострадавшего в гарнизонный военный госпиталь, в кожное отделение. Там обожженное кислотой место быстро обработали слабым щелочным раствором и обильно смазали жидкой мазью с антибиотиками.

— И как же тебя угораздило? — спросил потом у Рязанцева хирург.

— Не-е… Это не я, это ротный. Из бутылки плеснул. Ни с того ни с сего. А там — кислота, — пояснил детдомовец.

— Он что, с ума сошел? — возмутился военврач.

— Да ладно, — примирительно махнул рукой Рязанцев и полуутвердительно спросил: — До свадьбы-то ведь заживет? — И тут же поморщился: — Жжет все-таки еще.

— Иди в палату, ляг на спину и постарайся заснуть, — посоветовал хирург, обходя вопрос о свадьбе. И взялся за

телефонную трубку — сообщить руководству госпиталя о неординарных обстоятельствах травмы вновь поступившего больного.

Рядовой же, внутренне почувствовав неладное, впился в глаза врачу вопрошающим взглядом:

— Так у меня лицо заживет? Следы несильные останутся? Не-е, мне со следами никак нельзя, да?

Но хирург, ничего не ответив по сути, заторопил медсестру:

— Уводите, уводите больного…

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты…

* * *

— Проходите, присаживайтесь, — пасмурно-официально произнес и указал Ишову на стул в торце длинного стола в своем кабинете командир полка. Его заместители и старший врач части, присутствовавшие тут же, старались с проштрафившимся офицером взглядами не встречаться.

— Я давно замечал, товарищ майор, — ровным, бесцветным голосом заговорил комполка, — что ваши методы укрепления воинской дисциплины порой выходят за рамки уставов. Заметьте: учитывая личное рвение к службе и стабильно высокие показатели подразделения, вам многое прощалось. Да и защитник всегда был — ну, прямо отец родной, — кивнул полковник в сторону потупившего взор комбата, — он же и учитель. Зря, что ли, во время оно в его взводе сержантом и начинали? Только чем закончили? Горькими плодами рукоприкладства, которые пожинать теперь всей части придется? Да вы хоть соображаете, товарищ майор, что совершили уголовное преступление и скоро будете беседовать со следователем военной прокуратуры?

— Да не знал я, клянусь, правда не знал, что там не водка! — мрачно пробурчал Ишов, и сам прекрасно понимая шаткость этого аргумента.

— А следовало б поинтересоваться… — комполка сделал ударение на глаголе сослагательного наклонения. — Кстати, пусть даже в бутылке действительно оказалось бы спиртное, а солдат пьян, и это еще не повод и не право выплескивать алкоголь в физиономию нарушителю воинской дисциплины: дисциплинарный устав предусматривает достаточный перечень законных мер-взысканий. Так что отвечать будете по всей

строгости закона — я уже и военному прокурору суть ЧП доложил.

— Так сразу? — комбат тяжело оторвал взгляд от полированной столешницы. — А может, можно было… как-то… — и изобразил недвусмысленный жест, перекрестив над столом руки и быстро их разведя.

— Нет, нельзя, — спокойно возразил полковник и кивнул старшему врачу части: — Объясните.

— При средних и тяжких телесных повреждениях — скажем, когда у военнослужащего сломана челюсть, пробита голова или, как сегодня, серьезный химический ожог, руководство госпиталя обязано поставить в известность военную прокуратуру, — буднично сообщил тот. — Ее сотрудники проводят соответствующую проверку, и далее, по результатам последней, не исключается возбуждение уголовного дела. Наше шило в мешке никак не утаишь — оно налицо и на лице, так что товарищ полковник абсолютно прав в своем решении превентивно поставить в известность прокурора о… хм… ну, в общем, понятно. И еще. По наружным химическим ожогам я, конечно, специалист небольшой — наши пациенты чаще всякой дрянью внутренне травятся, — но ныне разговор особый. От обширного попадания на кожу концентрированных неорганических кислот лечатся месяцами, и тем не менее на теле навсегда остаются заметные рубцы. По науке и уголовному кодексу — неизгладимое обезображивание лица…

Минуту молчания нарушило шумное астматическое дыхание заместителя командира полка по МТО, и он быстро достал карманный ингалятор, жадно вдохнул порцию аэрозольной смеси. До Ишова наконец-то дошла вся серьезность его положения с перспективой попадания на скамью подсудимых, и майор-холерик, набычившись, вдруг вскочил со стула и с отчаянной жестикуляцией, на повышенных тонах, зачастил:

— Это что же мне теперь, из-за какого-то, значит, подкидыша… — и на секунду запнулся… — в тюрьму идти? В благодарность за все пятнадцать лет, что из сапог да из роты не вылазил? По-русски ж говорю: почем я знал!

— Молчать! — слегка приподнялся в кресле комполка. — Вам слова никто пока не давал! Что за хамство, товарищ майор?! Вот они, сержантские замашки в действии! Подкидыш! Да для суда какая разница! Ладно, сядьте пока да помолчите…

— Офицеру в руках себя держать уметь надо, — басом прогудел зам-астматик, наконец отдышавшись. — А ты бутылкой махал — не думал, а теперь как паршивый кот: нагадил, и в кусты сбежать захотелось? Не по-мужски, не по-мужски…

— Анатолий, прекращай истерику! — сказал начальник штаба полка, пристукнув ладонью по столу. — Знал, не знал — не о том сейчас речь.

— О чем же? — вступил в разговор замполит полка, меж тем как Ишов медленно, горбясь, опустился на неудобный стул.

— О том, как из создавшегося положения достойно выйти, — пояснил начштаба. — Закон законом, но он ведь, по поговорке, что дышло… Да и с прокурором… Он, я в курсе, заядлый охотник. Вот выезд ему с обеспечением по полной программе и организовать. Когда у нас там сезон-то открывается?

— Сомнительно… — качнул головой комполка. — Впрочем, вы его лучше меня знаете, так что вам и карты в руки: честь мундира в любом случае попытаться спасти надо.

— А солдата? — вспомнил о пострадавшем замполит.

— А что солдата? — отозвался начштаба. — Подлечат его в госпитале — специалисты-кожники там хорошие…

Старший врач части беспокойно побарабанил пальцами по столу.

— Товарищи офицеры, вы, видимо, не до конца меня поняли…

— Отставить, — голосом и жестом остановил его комполка. — Напротив, все понятно и солдату можно только посочувствовать. В отличие от другого нашего «героя». Эх-х! Моя бы воля — в порошок растер… — И полковник леденяще уставился на виновника экстренного совещания. Больше на нем выражение «неизгладимое обезображивание лица» никто не употреблял.

* * *

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты. Если бы только быть уверенным в благополучном исходе лечения! И тогда — беспокоиться больше не о чем: кормят нормально, спать дают вволю, в домино и шашки играть можно, а телевизор — в соседней палате. Чего еще желать? Лишь бы лицо…

Лицо добросовестно обрабатывали жидкой серой мазью. Детдомовец было полюбопытствовал, из чего она делается, но, услышав незнакомые слова — «ферменты» и «гормональная терапия», — махнул рукой: мол, ладно, вы свое дело знаете…

Однако через несколько дней лечения внимание к Рязанцеву стало ослабевать (оно, впрочем, и понятно: появились новые

пациенты), хотя в перевязочную солдата вызывали регулярно. Сам Умелец теперь подолгу простаивал перед зеркалом, рассматривая ставший багрово-сизым струп, на ощупь остающийся твердым. Нет, зеркало отражением не радовало.

Дважды к детдомовцу наведывался следователь военной прокуратуры, дотошно расспрашивал о происшедшем. Даже задал идиотский, на взгляд рядового, вопрос: а не возводит ли Рязанцев напраслину на начальника, не опрокинул ли нечаянно на себя ядовитую техжидкость сам?

— Не-е… Что ж я — дурной, себе лицо травить? — яростно запротестовал солдат и даже головой несколько раз отрицательно мотнул. — Это товарищ майор. Бутылку с кислотой сам принес, а потом забыл. И вообще: упади бутылка — ну, руку бы обжег. Не-е… — И без всякого перехода сменил тему: — А товарищу майору что будет? Ведь он же это… как его… рукоприкладство, ага?

— Разберемся, — туманно пообещал следователь-капитан.

…Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор…

* * *

На двадцатый день явно незавершенного лечения, несмотря на протесты начальника кожного отделения, Умельца из госпиталя выписали — по личному распоряжению его начальника.

— Будешь долечиваться у нас в санчасти, а потом амбулаторно, — неохотно пояснил старший врач части, приехавший за рядовым.

— Это как? — не понял тот.

— В санчасть из роты ходить, — дополнил офицер. — Помолчал и еще добавил: — Ну, это потом, а пока еще в палате полежать придется…

Обширный химический ожог заживал плохо, гноился, мок. В санчасти вечно не оказывалось на месте дежурной сестры, а новую порцию мази забывали приготовить. К тому же вокруг лечебного учреждения кругами ходил старшина роты, вымаливая Умельца «ну хоть на часок», потому как «в подразделении сплошной завал», и диалоги старшего прапорщика и старшего врача учебного полка порой доходили до выражений, которым мог позавидовать даже майор Ишов.

Словом, прошло дней десять — и Рязанцев стал ощущать, как кожа под глазами стягивается, а сами глазные щели начинают деформироваться.

Именно тогда детдомовец впервые серьезно обеспокоился за будущее собственного лица. Вынимая из кармана синей пижамы восьмигранное зеркальце и критически вглядываясь в него, он со страхом отмечал, что…

Правая глазная щель расширилась, почти округлилась…

Левая, напротив, сузилась до щелевидной формы, словно у наций Востока.

Переносицу, в центре горбинки, пересекал глубокий и толстый рубец.

Рубцы поменьше и многочисленные точечные поднимались высоко на лоб и пятнали щеки.

Какое счастье, что Рязанцев хотя бы успел, когда Ишов плеснул в него кислотой, инстинктивно зажмуриться и сохранил глаза!

И тем не менее Умелец хотел и продолжал верить, усиленно убеждая себя, что со временем следы химического ожога в большой мере сотрутся, загладятся.

Верил — пока не произошел инцидент в курилке…

Как и многие его сослуживцы, детдомовец страдал известной пагубной привычкой, отравлявшей легкие: приучился к сигарете еще в ПТУ, а позднее, работая на заводе (деньжата там появились поболе стипендии), уже дымил весьма основательно. В армии, на солдатском семирублевом денежном довольствии, которое к тому же постоянно реквизировал на корню старшина — на приобретение утюгов, спортпринадлежностей, ткань для подворотничков и много иного, — с куревом у Рязанцева дела обстояли куда хуже. Так что на первых месяцах службы, в редкие минуты отдыха, Умелец чаще всего скромно подсаживался в уголок курилки, где остальные солдаты делились новостями из писем и разглагольствовали о райской жизни после «дембеля», при сем щедро изничтожая табачные изделия, и молча ждал.

Ждать он умел.

И порой его угощали целой сигаретой или оставляли солидный бычок — окурков Рязанцев не подбирал и из чувства своеобразной гордости сам сигарету никогда не просил. Но — не всякий раз фартило — порой безденежному солдату приходилось «натощак» слушать разговоры о **Доме**, которого в роте, да и во всей части, не было только у него одного.

…Взращенный без семейного очага и ласки порой всю жизнь потом чувствует себя ущербным…

В госпитале Умельцу с куревом было проще: многие офицеры, узнав о его несчастье, отмеченном на лице, охотно оделяли рядового сигаретой-другой, а вот в санчасти пришлось бы совсем худо, если бы только старшина роты не выдал

Рязанцеву его «кровные» рубли — дендовольствие за прошедший месяц, освободив от какой-то очередной дани. Впрочем, эти невеликие деньги закончились как раз перед выпиской и возвращением в подразделение.

А накануне, на одном из построений роты, Ишов сам предупредил весь личный состав: «Если только какая б… на Рязанцева пальцем покажет, или обзовет, или вообще — лично, вот этими руками придушу!» Увы, «отеческий» совет дошел не до всех: четверо самых крепких солдат в тот день втихую были засланы на мясокомбинат, зарабатывать колбасу для дня рождения комбата, и в казарму возвратились только к вечерней поверке.

Через сутки же один из этих крепких — тот самый здоровяк, который в начале призыва какое-то время отбирал у детдомовца хлеб, — похвалялся в курилке:

— Перед самой армией я отцу как следует рожу наквасил, когда он в очередной раз домой «на рогах» приполз. Ох и п…дил: за все сквитался! И приду домой — с порога опять сразу неслабо в пятак получит! Пусть, гад, привыкает, кто теперь в доме будет хозяин!

— Не-е… Какой ты хозяин, — неожиданно для всех вдруг прервал угрожающий монолог здоровяка Рязанцев. — Тут родителя-то отдубасить маловато… Ты вот сначала **Свой Дом** заимей… — И мечтательно добавил: — Эх, если бы у меня отец был… Любой, какой-никакой, я б его никогда и пальцем не тронул.

— Ну, ты, подкидыш! — неожиданно взорвался в ответ на укор здоровяк. — Ты гля, как он хайло разинул! Твое дело сиротское: получил в рожу кислотой — и сиди, помалкивай!

— Ты че, офонарел? — ткнул его в бок сосед-ефрейтор.

— Он и так ни за что пострадал, — заступился за Рязанцева еще один солдат. — И вообще, разве не слышал, что ротный сказал…

— Да ср…л я, кто там чего сказал! — не дослушав, перебил защитников Умельца вконец разозленный здоровяк.

— Ни за что, говоришь? А вот не хрена было по подвалам отсиживаться! В учебке — учись, а то ишь, хитрож…пый, пригрелся под боком у старшины! И туда же: отец! У него! Пальцем не тронул! Зато мой предок чуть что — за ремень и годами не просыхал! Да я б такого родителя… — И окончательно добил детдомовца внезапной фразой: — А ты и сам-то теперь отцом навряд ли будешь!

— Это еще почему? — тихо вопросил Умелец.

— Это еще потому, как суродовали тебя — пусть и зазря, но

до гроба, а за такого квазимодо… Да ну ни одна дура зрячая не пойдет! — выплеснул всю злобу здоровяк и замолчал, поняв, что явно хватил лишку.

Молчали и остальные солдаты, перекрестив взгляды на Рязанцеве. Детдомовец медленно поднялся с лавочки и, сутулясь, тоже не сказав ни слова, с безвольно повисшими руками, побрел из курилки.

Из страха перед командиром роты все свидетели растоптанной мечты о **Доме** впоследствии долго об услышанном и увиденном не распространялись.

* * *

Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор. Со стороны солдат — пока неосознанный, а вот со стороны офицеров…

Через день после того, как детдомовца впервые обозвали уродом, его вызвали в военную прокуратуру гарнизона.

В кабинете следователя-капитана, который некогда беседовал с рядовым в госпитале, над рабочим столом висели рядышком портреты двух Ильичей. Под ними важно восседал хозяин помещения, для солидности густо обложившийся всякими бумагами. Рязанцев осторожно примостился на полумягком стуле по правую руку военного юриста.

Слева от него, напротив Умельца, рядком уселись майор Ишов, комбат и заместитель командира полка по политической части.

— Товарищи офицеры, товарищ рядовой! — начал отрепетированную речь следователь. — Напоминаю вам, что восьмого августа сего года, по телефонному сообщению из гарнизонного военного госпиталя о факте причинения военнослужащему телесного повреждения, была назначена прокурорская проверка и возбуждено уголовное дело. В результате проведенного мною расследования было установлено, что в тот день, около десяти ноль-ноль, командир учебной роты майор Ишов А. Н., находясь в подвальном помещении подразделения, выплеснул в лицо своему прямому подчиненному, рядовому Рязанцеву С. И., около ста пятидесяти миллилитров концентрированной соляной кислоты, открыто содержащейся, в нарушение установленного порядка хранения ядовитых технических жидкостей, в стеклянной бутылке с водочной этикеткой. Тем самым рядовому Рязанцеву был причинен обширный химический ожог верхней части лица, без ущерба для

зрения. Впоследствии пострадавшего госпитализировали, и он находился на излечении в кожном отделении гарнизонного госпиталя в течение двадцати суток, после чего был признан годным к дальнейшей строевой службе без ограничений. Учитывая, что действия майора Ишова, виновного в причинении рядовому Рязанцеву химического ожога, вызвавшего впоследствии временную потерю трудоспособности, были совершены по неосторожности, то есть без прямого умысла, поскольку офицер не предполагал наличия в бутылке ядовитой технической жидкости, а стало быть, не преследовал цели унижения достоинства подчиненного и причинения ему увечья, упомянутые действия подпадают под статью 114 Уголовного кодекса РСФСР «Неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», а так как период временной нетрудоспособности составил двадцать суток, то есть по продолжительности длился менее трех недель, химический ожог в данном случае следует отнести к категории менее тяжких телесных повреждений, за которые пункт второй вышеназванной статьи УК РСФСР предусматривает наказание исправработами на срок до одного года или общественное порицание…

Следователь выдержал паузу — опять-таки для солидности — и закончил речь:

— Однако, учитывая положительные характеристики командира учебной роты и ходатайство командования части, военный прокурор гарнизона счел возможным не привлекать майора Ишова к уголовной ответственности, но применить в отношении его меры общественного воздействия, направив постановление о прекращении уголовного дела в войсковую часть, где проходит службу офицер, для принятия решения по этому делу коллективом офицеров на суде офицерской чести.

Еще следователь пояснил, теперь уже обращаясь к Рязанцеву лично, что если тот не согласен с постановлением о прекращении уголовного дела, то вправе подать жалобу по инстанции.

Нет, не в характере детдомовца было кому-то и куда-то плакаться, хотя главное он уловил: за его изуродованное лицо ротный никакой ответственности, по сути, не понесет. Однако неоднократное рассматривание не заживших еще до конца шрамов и отталкивающе-безобразных глазных ниш настроило Умельца отнюдь не на лирический лад, и он решительно обратился к капитану:

— Не-е… Это, выходит, мне тоже можно в любого кислотой брызгать — и ничего? Ага?

На что следователь поморщился и нехотя ответил:

— Ну, я же уже объяснил: все решит суд офицерской чести.

…Суд офицерской чести ходатайствовал перед командиром полка об объявлении майору Ишову неполного служебного соответствия занимаемой должности. Выписка из приказа была официально вручена рядовому Рязанцеву в кабинете комбата.

Через две недели новым приказом командира полка «за высокие показатели в воспитании личного состава и большой вклад в наращивание материальной базы подразделения» проштрафившегося командира роты поощрили, сняв ранее наложенное взыскание.

В тот же вечер Ишов в канцелярии громко орал, по-всякому костеря Умельца, напрочь отказавшегося от очередной ремонтной работы и заявившего, что намерен в дальнейшем посещать все учебные занятия. В конечном итоге ротный объявил строптивому подчиненному два наряда вне очереди: «за пререкания и нетактичное поведение со старшим по званию». Через сутки в подразделение зашел комбат и, узрев детдомовца на месте очередного дневального, тут же устроил Ишову страшный разнос за то, что «дневальный на тумбочке — лицо подразделения, а ты, мать твою растак, урода на нее додумался засунуть!»

При этом подполковник не обращал внимания на открытую дверь из канцелярии в холл, где стоял сам «урод», и вовсе не старался снизить тон.

Дальше Умелец был обречен «летать» по нарядам, посыпавшимся на него как из рога изобилия: найти повод для наказания Ишову не составляло проблем, — и на долю детдомовца, как правило, доставалась самая тяжелая и грязная работа. И еще. Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвала у Урода закономерную перемену в отношении себя.

* * *

Попытки майора Ишова сплавить куда-нибудь подальше рядового, один вид которого вызывал у ротного душевный дискомфорт, неожиданно натолкнулись на жесткий запрет командира учебного полка.

— Даже и не мечтайте, — прищурив на секунду глаза, заявил он, когда Ишов и комбат сунулись было к полковнику с просьбой перевести детдомовца в другую часть. — Он у вас так до увольнения в запас и будет дослуживать — каптенармусом или еще кем, найдем. Лицезрейте, товарищ майор, ежедневно творение рук своих и не забывайте, что по вас три статьи Уголовного кодекса плачут: за ненадлежащее хранение ЯТЖ, за

оскорбление насильственным действием подчиненного и за умышленное тяжкое телесное повреждение, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица. Или что — ребенок, не понимаете, что следователь по указанию военного прокурора комедию ломал? А уговорить начальника госпиталя выписать пациента с недолеченными тяжелейшими химическими ожогами? А то, что старший врач части на подлог пошел: документально лечения в санчасти не оформлял? Идите, и не дай Бог я когда-нибудь услышу, что вы вашего «крестника» в чем-то ущемили! Вы ему жизнь сломали, так я сломаю вам! И чтобы по этому вопросу больше никаких разговоров! Все ясно? Свободны!

После эдакой командирской тирады Ишов стал значительно осторожнее цепляться к Умельцу, зато распиравшую его злобу частично перенес на весь личный состав роты, еще более нещадно придираясь ко всему и всем. И солдаты это быстро почувствовали.

Вокруг детдомовца постепенно образовался вакуум общения. Никто не обращался к нему больше, кроме как по неотложной служебной необходимости. Никто не хотел делиться сигаретой. Никто не желал поддержать беседу о **Доме** — единственную мечту обделенного жизнью о послеармейском будущем. Даже командир взвода почти не опрашивал Умельца на занятиях. Даже старшина роты перестал, без острой нужды, пускать его в кладовую, ранее облагороженную мастеровитыми руками рядового.

А однажды утром, перед разводом на учебные занятия, к Ишову обратился сосед Рязанцева по койке: в казарме они в спальном помещении располагались сдвинутыми попарно.

— Товарищ майор, переведите меня куда-нибудь от этого урода, — попросил солдат. — Ну, каждый день, при подъеме, да и вообще, невмоготу эту страшную рожу видеть…

И сначала заочно, а затем и в глаза Умельца перекрестили в Урода, совершенно искренне уверовав, что все беды в подразделении именно и только от него…

* * *

Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвали у Урода закономерную перемену в отношении себя. Первым признаком этого болезненного процесса стал первый воровато поднятый с одной из асфальтированных аллей части окурок. Теперь Урод собирал их, сначала стесняясь, а потом и открыто. Выкуривал же в одиночестве, облюбовав себе место в дальнем углу военного

городка, под кустами за мусорной кучей.

Бог знает о чем размышлял детдомовец, уединяясь ото всех в вечерние часы. Он уже не стремился следить за образцовой заправкой койки и чистотой одежды, по два дня не подшивал новый подворотничок, за что неоднократно принимал в свой адрес ругань старшины роты и командира взвода, Ишова и солдат-сослуживцев. Урода все они постепенно привыкали ненавидеть…

Выпускные экзамены в учебном полку по времени совпадали с серединой осени — «унылой порой, очей очарованьем». Однообразная монотонная жизнь в казармах заметно оживилась: уже известны были «хорошие» и «плохие» места, куда будут отправлять выпускников «учебки» для дальнейшего прохождения службы. И теперь солдаты вели бесконечные беседы на темы: «вот бы хорошо было попасть поближе к дому» или «здорово бы к родителям хоть на сутки по пути заскочить».

Урод слушал эти разглагольствования отрешенно: свою дальнейшую армейскую судьбу — каптерщика в роте Ишова, до самого дня «дембеля», — он давно знал. Да и какой там из него был бы младший специалист, если половину времени обучения он ремонтировал казарму и лежал в госпитале и санчасти, а всю вторую половину «пролетал» из наряда в наряд.

Восьмигранное зеркальце детдомовец давно выбросил в туалет, а в бытовую комнату, где кругом висели большие настенные зеркала, старался заходить как можно реже, и если уж заходил — погладиться там или подшиться, — то на лицо свое совсем не глядел и радовался, что изуродованные щеки пока не знают бритвы. Но если подобным образом Урод и обманывал себя, то скрыться от взглядов сослуживцев он никак не мог.

…В тот вечер накануне последнего солдатского экзамена Ишов вновь заткнул Рязанцева в наряд по роте. Сам же допоздна засиделся в канцелярии: зашился с бумагами. И перед вечерней поверкой вышел в холл казармы, лелея тайную мысль: «оторваться» на ком-то из подчиненных, чтобы вновь поднакопить растраченную за день энергию. Скажи кто майору, что он — «грязный» энергетический вампир, тот бы очень удивился. Сарказм судьбы: на глаза ротному первым попался именно рядовой Рязанцев, убиравшийся в бытовой комнате. Урод и в зеркало-то вовсе не смотрел, но протирал полировку его рамы. Протирал-протирал да и остановился на минутку передохнуть, и как раз в эту минутку в бытовку заглянул Ишов. Гневу ротного не было предела.

— Ты! Урод х…в! — завопил майор. — Ты, сука, долго еще будешь морду свою по зеркалам изучать? Что, служба, б…, медом

кажется, от безделья исстрадался? Или, может, жениться в роте вздумал — дом, дети, в казарме угол отдельный отгородить? Живо, скотина ленивая, тряпку в руки!

Помолчал, наблюдая, как детдомовец трудится, протирая полировку, и добавил, со смаком выговорив слово:

— Урод!

— Не-е… Это вы сами меня им и сделали, — звеняще тихо произнес Рязанцев, застыв с тряпкой в руке, и Ишов вдруг разглядел, с какой лютой, неугасимой ненавистью через зеркало смотрят на него из изуродованных глазных ниш блестящие глаза солдата. Безобразное лицо его побагровело, а глубокий, идущий через переносицу шрам побелел. От двери майор даже усмотрел, с какой страшной силой сжала влажную тряпку большая ладонь рядового: на пол часто закапала вода.

— Ладно-ладно, — пошел ротный на попятную, вспомнив обещание комполка в отношении «крестника»: кто его разберет, полковника, а вдруг перерешит да и отдаст прокуратуре на растерзание, — тебе же по-русски разъяснили: без умысла все получилось, нечаянно… — и осторожно притворил дверь в бытовую комнату.

Офицер-холерик не мог знать, что именно в тот момент, когда Рязанцев услышал из уст виновника его трагедии смачное оскорбление, в сознании солдата мелькнула мысль о суициде. Но как только детдомовец на мгновение представил себя висящим, с высунутым языком, в петле под потолком туалета, солдата передернуло, и он подумал: «Не-е… Почему я?»

…Через полчаса, сразу после окончания вечерней поверки, Урод постучался в дверь канцелярии роты.

— Какого еще? — недовольно отозвался уже было собиравшийся домой Ишов.

Обезображенный солдат вошел и молча прикрыл за собой дверь.

— В чем дело? — нахмурился ротный: визит Урода его подспудно обеспокоил. — Не видишь, я занят!

— У нас в детдоме говорили, — разлепил губы Рязанцев, не спеша приближаясь к Ишову, — говорили, товарищ майор… — И вдруг выхватил из ножен на поясном ремне штык-нож, обязательный атрибут дневального по роте, и резко ударил офицера в грудь, метясь в сердце. Под треск разрываемых тканей Урод закончил фразу: — За нечаянно бьют отчаянно!

* * *

— Да, я хотел убить ротного, — сразу сознался детдомовец на допросе у уже знакомого следователя военной прокуратуры. — Не-е, не раскаиваюсь. Наоборот, жаль, что не убил. А за что — сами знаете…

…Когда Урод замахнулся штык-ножом, Ишов стоял возле своего рабочего стола и частично сумел среагировать, начав уход от удара. Холодное оружие вначале скользнуло по кости, но затем глубоко воткнулось наискосок и вниз, посреди груди. Офицер упал на колени и истерично завизжал. Нет, в канцелярию не сунулась ни одна живая душа: мало ли что взбрело в голову полоумному начальнику! Собственные нервные клетки дороже.

Урод отпустил рукоятку штык-ножа, за которую тут же ухватился коленопреклоненный майор, силящийся вытащить клинок из собственного тела. Солдат помолчал, наблюдая за офицером, и повторил, со смаком выговорив слово:

— Отчаянно!

…И судил рядового Рязанцева военный суд, за попытку умышленного убийства через подготовку к нему. И получил детдомовец от щедрот военных юристов семь лет лишения свободы.

* * *

— За нечаянно бьют отчаянно! Семь лет! Ну и дурак! — усмехался выписавшийся из госпиталя майор Ишов в кабинете комбата. Но тот радости лучшего ученика и подчиненного отнюдь не разделял.

— Считаешь, дешево отделался, да? Все ранением своим решил? Рано в литавры бьешь: ты еще этого фрукта увидишь. Мыслю, он и через семь лет тебя достанет. Хотя…

— Да ну, ерунда, — отмахнулся Ишов. — Тоже мне, Монте-Кристо из него делаете.

— Это ты ситуацию сам до пиковой довел, — возразил комбат. — А мы еще и помогли. Думать надо было…

— Поэт сказал про армию: «Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит», — попытался свести разговор к шутке Ишов.

— Вот уж в корне не согласен, — пожал плечами комбат.

— Ладно, чего уж теперь, — вздохнул ротный, — раз оно случилось. Но я так рассчитываю, что уродская проблема ныне окончательно закрыта…

Но… Прошли-пролетели семь лет, и вот, в день рождения, ставший к тому времени комбатом подполковник Ишов получил на свое имя толстый почтовый конверт без обратного адреса и с

надписью по краю, сбоку: «Осторожно, фото!»

Разодрав конверт, офицер вынул из него прекрасного качества цветной портретный снимок, наклеенный на толстый картон. Перед Ишовым предстало изуродованное лицо бывшего подчиненного. Минувшие годы сделали свое, и шрамы уже не столь явно выделялись на зажившей коже. Впрочем, глазные ниши так и остались деформированными.

Подполковник долго вглядывался в безобразно-отталкивающие черты. Рядовой из прошлого отвечал немым укором.

Внезапно Ишов яростно вскочил с кресла и, матерясь, стал рвать фотопортрет в клочья; плотный картон отчаянно сопротивлялся. На остатках снимка комбат истерично сплясал, выделывая хромовыми сапогами неуклюжие па. Настроение было испорчено самым мерзопакостнейшим образом.

…С тех пор каждый год, именно в день своего рождения, Ишов вновь и вновь получает толстый почтовый конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, **что именно** окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берет свое. И вот уже бывший ротный долго всматривается в заученные черты, обезображенные химическим ожогом. Затем фотопортрет традиционно уничтожается.

Что ж, и в нынешнем году на личный праздник подполковник опять получил все тот же «подарок». Мрачно поглядев на знаковый конверт, Ишов приказал вызванному для «отеческой» беседы ротному выйти из кабинета и извлек из упаковки очередной фотопортрет. Показалось или нет, что глазные ниши изуродованного лица стали менее деформированными?.. А-а, какая, по большому счету, разница?!

И комбат методично изодрал снимок в клочья, смахнув их в мусорное ведро. Потом вновь потребовал подчиненного в кабинет, и через несколько секунд из-за его дверей послышались знакомые «воспитательные» крики:

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь!

1996

«ШТОПОР»

Подходит к концу срок моей действительной армейской службы. И все острее и чаще внутреннее «я» ставит вопрос: как же жить потом, дальше?..

События, круто изменившие мою судьбу, произошли около года назад; тогда я заканчивал первый курс высшего военного авиационного училища летчиков. То памятное лето выдалось на редкость жарким, и — как специально для полетов — постоянно безоблачное небо. В один из таких непривычно для августа знойных дней я, в компании еще нескольких курсантов нашей летной группы, праздно сидел в курилке — после предварительной подготовки к полетам второй смены. В казарму, на обязательный предполетный отдых в койках, мы не торопились: в духоте засыпаешь трудно, а то еще и всякая чушь в сновидения лезет. Вообще-то по времени дежурный врач уже должен был нас разогнать «по матрасам», но эскулап непонятно почему запаздывал.

Разговор в курилке, как зачастую у нас и бывало, все вертелся вокруг предстоящих полетов. Неожиданно кто-то высказался про мусульманское поверье, будто судьба каждого из летчиков «записана на небесах пером Провидения» и коль уж тебе по этой записи определено гробануться — да хотя бы сегодня, — то никакое умение пилотирования не поможет.

Тут беседа неожиданно оживилась: каждый из нас принялся высказываться по этому поводу pro и contra. А кто-то вообще додумался до мысли, что раз поверье это мусульманское, то на нас, христиан, не распространяется.

— Все это, господа будущие офицеры, — заявил, подводя итог, Валерка Градов, один из лидеров летной группы, — есть чепуха и даже без постного масла. Никто из вас лично не был свидетелем сверхъестественных случаев, о которых все столь живо разглагольствуют, только ж это исключительно понаслышке…

— Да нет, конечно, — загалдели мы. — Но ведь столько говорят…

— Вздор! — оборвал галдеж Валерка. — Покажите не пересказчиков, а настоящих, реальных очевидцев подобных чудес. И если уж на то пошло, что кто-то всерьез допускает существование фатальной предопределенности, дамокловым мечом висящее над всяким, зачем же тогда зубрить действия при особых случаях в полете? Зачем, спрашивается, катапульта и голова на плечах? Зачем вообще было выбирать рисковую

профессию летчика-истребителя? С такими взглядами в кабине самолета просто делать нечего…

В это время, явно чтобы привлечь общее внимание, с лавочки поднялся до того не принимавший участия в разговоре Андрюха Сказкин. Картинно затянулся остатком импортной сигареты, щелчком артистично отправил бычок в урну — диск от автомобильного колеса, врытый посреди курилки, торжественно-спокойно оглядел присутствующих и снова сел.

Андрюха был рожден от смешанного брака. Мать-гречанка одарила его смуглой кожей, большими агатовыми глазами под крутыми ресницами, правильным античным профилем и черными, слегка вьющимися волосами. От отца же — потомственного москвича — сокурсник унаследовал высокий рост, худощавое телосложение и приятный бархатный голос.

Чуть ли не министром был отец у Андрюхи. И потому, когда его родители приезжали на церемонию принятия сыном военной присяги, комбат сам водил их по всей казарме, соловьем заливаясь об «идеальных условиях жизни курсантов». Именно тогда-то я и рассмотрел элитарных предков-«небожителей».

Характер Сказкина вполне соответствовал неординарной наружности парня. Он первым лез через училищный забор в «самоход», первым пил водку за шторой окна в Доме офицеров в перерыве какого-нибудь культмероприятия, первым уводил понравившуюся девушку с танцев и в учебе тоже был первым.

От остальных курсантов Андрюха держался достаточно обособленно, не откровенничал и был сух с официантками летной столовой, хотя одна из них, симпатичная «разведенка», прямо-таки таяла под взглядом агатовых глаз. Однако, услышав раз недвусмысленный намек на эту тему, Сказкин кисло поморщился, грубовато заявив, что, хороший вор в своем квартале не ворует.

Была, впрочем, и у него своя слабинка, которой он не таил: страсть к игре на бильярде. Над зеленым сукном забывал обо всем, а шары катать предпочитал только на интерес; в крайнем случае, на щелчки.

Однажды вечером, когда Андрюха и Валерка Градов заканчивали в курсантском клубе очередную партию «американки», завыл сигнал «Сбор». Так в тот раз Сказкин чуть не силой удержал Валерку у стола, пока они не «добили» партию, и Андрюха — редкий случай — победу уступил. Тем временем эскадрилья построилась, экипированная для выхода в район рассредоточения, комэск в горячке костерил запаздывающего (Градов уже успел с тыла просочиться в строй), а Сказкин, наконец появившись после получения оружия, первым делом

подбежал к Валерке и всунул ему в руки свой проигрыш — банку сгущенного молока. И лишь «расплатившись» за игру и демонстративно игнорируя угрожающие крики комэска, занял законное место в строю.

Что ж, самоуверенности Андрюхе было не занимать. Тем более он точно знал, что под покровительством родственников, которые «с верхних слоев» тихо и ненавязчиво «наводили погоду» у сына над головой, ему сойдет с рук еще и не такое…

Со Сказкиным я попал в одну летную группу, и сюда же — Валерка Градов, у которого родитель тоже какой-то большой шишкой был. И началось у нас, троих, стремящихся быть лидерами хотя бы в нашем малом коллективе, тайное соперничество. В негласном противостоянии том уступал я обоим сокурсникам, пожалуй, разве лишь в наглости…

Итак, Сказкин оглядел собравшихся в курилке — человек восемь, — вновь уселся на лавочку и холодно улыбнулся кончиками губ, как бы подчеркивая, что он — существо особенное и лишь по неведомой причине на минуту решил снизойти к «случайным жизненным попутчикам», дабы высказать кое-какие, нам неведомые мысли, до которых успел дорасти лишь он сам.

Точно выдержав паузу, Андрюха заговорил в своей привычной манере: кратко и резко:

— Мужики! — И в интонации, с какой он произнес это в общем-то обычное меж курсантами слово-обращение, сразу почувствовалась нотка пренебрежения. — К чему заниматься болтологией? Предлагаю эксперимент: на деле выяснить, существует ли в этом мире фатальное предопределение. То есть расписан ли всякому в полете смертный час. Угодно будет рискнуть?

— Вот дурак, — хмыкнул курсант по прозвищу Витамин — «погоняло» прилепилось к нему из-за детского пристрастия к сладкому, он и сейчас яростно чмокал ириской. — И придумает же…

— Дурак в штанах, и тот полковник, — отрезал Андрюха.

— Ну так как? Смелых нет?

— А чего ж ты другим неизвестно что предлагаешь? Для начала на себе свой эксперимент и спробуй, — резонно заметил курсант-тяжеловес, по прозвищу Гиря. — А мы оценим…

— Я-то всегда готов… — гордо заявил Андрюха, саркастически смотря как бы сквозь тяжеловеса. — С кем спорим, что предопределение есть?

— Спорю, что нет, — дернул черт меня за язык. — На весь летный шоколад, что у меня есть… двенадцать плиток.

— Так… Ладно, — согласился Андрюха и пригладил

кончиками длинных пальцев маленький косой бакенбард — привилегию «позвоночного» сынка. — Градов, а ну, разбей… Если проиграю, десять плиток у меня в наличии, да ты, Витамин, две должен, прибавишь…

— Ну, хорошо, — сказал я, когда мы торжественно ударили по рукам. — А теперь объясни: каким макаром ты собираешься меня заставить поверить в предопределение?

— Я сделаю «штопор». На «элке». Без инструктора. Прямо сегодня, — раздельно-лаконично ответил Андрюха. Чуть тише добавил: — Любой из вас разбился бы, рискни на это. А я — нет. Я в свою счастливую звезду твердо верю.

Все замолчали, лишь Витамин продолжал чуть слышно чмокать ириской — по инерции.

— Во дает форсаж! — наконец уважительно пробасил Гиря.

— Тебя ж после этого из училища точно выпрут, — тихо сказал мой сосед справа.

— Кого? Меня-а? — растянув последнее слово, переспросил Андрюха, и всем сразу стало ясно: нет, именно Сказкина-то, в отличие от любого из нас, даже при самом худшем раскладе не выпрут.

Градов не произнес ни единого слова. А Витамин, судорожно сглотнув конфетку, вытянулся вперед, почти привстав с лавочки, и открыто высказал мысль, которая в тот миг явно вертелась на языке не только у меня:

— Но… Если все-таки, того… гробанешься? Ты ж его никогда…

Поверх наших голов Андрюха презрительно смотрел в голубое небо.

— Тебе угодно выложить за меня двенадцать плиток? — наконец снизошел он до ответа, который процедил, даже не удостоив Витамина взглядом. И курсант-сладкоежка, который шоколад сжирал, чуть ли не едва успев его получить, и каждому из нас был должен по одной-две плитки, осел, как лопнувшая автомобильная шина.

Тут заговорили все разом, поднялся гвалт, а я подумал, что после своего заявления Сказкин как бы получил над нами некую необъяснимую власть, от которой если и освободимся, то только лишь подытожив пари.

Почти против воли я молча взглянул на Андрюху, он жестко встретил мой взор, и — клянусь! — мне показалось, что печать смерти уже коснулась смуглого лица.

«Ведь и в самом деле гробанешься!» — безмолвно прокричали-предупредили мои глаза.

«Скорее — точно нет», — прочел я ответ по глазам зачинщика

спора, вслух же спросил у него:

— И как мы узнаем, делал ты в натуре «штопор» или нет?

— САРПП[1], — пояснил Сказкин. — Как расшифруют — сразу шум подымется.

Я мысленно обозвал себя идиотом: тоже, не мог сразу догадаться.

И тут возле курилки появился припозднившийся военврач. После краткого, но выразительного менторского монолога на тему внутренней дисциплинированности будущего летчика нас разогнали по койкам…

Наверное, мало кто из свидетелей спора спал перед теми полетами. Сам я лежал на койке второго яруса, смотрел на выбеленный потолок казармы, по которому, прямо надо мной, змеилась еле заметная трещина, и думал, что скандал после расшифровки пленки САРППа и точно должен подняться немалый. Ведь «штопор» — неуправляемую фигуру высшего пилотажа, во время исполнения которой самолет одновременно вращается в трех плоскостях да при этом еще весь трясется, как отбойный молоток, на «элке» — учебном чехословацком самолете «Л-49», на котором мы летали в конце первого курса, — нам самостоятельно делать пока было запрещено — категорически. Хотя для опытного инструктора исполнить эту фигуру не составило бы особого труда. Но мы-то «штопор» лишь в теории изучали — при действиях в особых случаях.

Я перегнулся через край койки и посмотрел на нижнюю, по диагонали от меня, кровать. Андрюха ровно дышал, глаза его были закрыты, и я поразился непритворному спокойствию парня и его уверенности в собственных силах-возможностях..

* * *

Андрюхина «элка» в глубоком «штопоре» прожгла землю под зоной полетов на глубину четырех метров. Очевидцы взрыва — рабочие совхоза — уверяли потом, что впечатление было, будто взорвался огромный резервуар с бензином. Люди гражданские — откуда им знать, что топливо в баках самолета есть авиационный высокоочищенный керосин.

В момент воздушной катастрофы я, как и другие курсанты нашей летной группы, находился в воздухе. Всем по радиосвязи приказали немедленно прекратить выполнение задания и произвести посадку с ходу. После приземления группу быстро собрали в классе предполетных указаний и объявили о первой смерти на нашем курсе (как тогда все свидетели спора в курилке

старались спрятать друг от друга глаза!) и о том, что мы вместе со всеми сейчас поедем на поиски САРППа.

Мой инструктор — всю жизнь буду помнить человека, дарившего крылья, — однажды в разговоре предупредил-посоветовал: «Никогда не соглашайся искать САРПП, старайся уклониться под любыми предлогами». По его словам, иной курсант, увидев своими глазами последствия катастрофы и реально устрашившись возможности собственной гибели в будущем (хотя он и раньше прекрасно сознавал это теоретически, однако ум — не сердце), потом длительное время боится летать. А кто и вовсе списывается с летного факультета…

Но мне надо — **надо** было все увидеть, чтобы потом не пытать себя неизвестностью. Потому я не стал отказываться от участия в поисках (Градов и еще несколько курсантов успешно отвертелись от этой миссии), а сел в кузов машины, и нас, вместе с солдатами из батальона авиатехнического обеспечения, повезли за сорок километров к месту катастрофы, на совхозное поле под зоной полетов.

Увиденное меня и потрясло, и, как ни странно, успокоило: наверное, потому, что теперь я как бы зрительно подвел итог спора сам. Куски самолета далеко разлетелись от черной воронки с обугленными краями по пшеничному полю. В стороне от всех, отброшенное страшной силой взрыва, валялось исковерканное, едва угадываемое по форме кресло летчика.

Кресло, в котором сидел Андрюха, размазанный по щитку приборов при ударе крылатой машины о землю. И рядом с этим креслом нашли фрагмент человеческого лица: лоскут кожи в форме почти правильного треугольника — часть щеки, ото рта до глаза и уха, с чудом сохранившимся на коже опаленным клочком косого бакенбарда.

Плюс — собрали еще несколько обугленных кусков человеческого мяса и обломков костей.

Вот так я воочию увидел то, что в нашей, летной среде давно цинично окрестили «жареным железом». Витамина и еще одного из свидетелей спора в курилке жутко рвало. Увы, после взрыва военного самолета от его пилота обычно остается немногим больше, нежели после кремации…

Позднее, когда мы уже возвращались в училище, глядя из кузова крытого тентом «КАМАЗа» на шафранное море спелых колосьев, я впервые в жизни — видимо, довольно поздно по возрасту — неожиданно испытал ужас понимания: смерть неминуема! В тот миг мне неистово захотелось выскочить из грузовика и с криком бежать, бежать… Куда? Зачем? От кого? От неизбежности будущего? Я еле сдержал рвущееся изнутри

паническое чувство… Показалось, что через Андрюхину кончину моя собственная, как бы превентивно, погрозила пальцем-косточкой. И только тогда я вдруг с особенной четкостью осознал, что самолет — это отнюдь не большая супердорогая игрушка, а профессия военного летчика не на словах — на деле несет в себе постоянный процент смертельного риска.

А кассету САРППа нашел солдат из хозяйственного взвода…

* * *

В ночь после авиакатастрофы меня разбудил Витамин. Он шепотом сказал, что надо выйти и посовещаться, как будем завтра отвечать на опросах. Я догадывался, что зовут вовсе не за тем, однако пошел.

В курилке уже топтались Валерка Градов и Гиря. Я усмехнулся, спросив:

— А где же остальные?

— Не твое собачье дело, — тяжело буркнул Гиря и громко засопел.

Мне стало противно: я догадался, что именно курсанты собираются сделать, но вот как это будет происходить?

Тут Градов протянул мне толстую стопку шоколадных плиток.

— Твой выигрыш. Бери, скотина. Жри и радуйся, что из-за тебя человек разбился.

Видя, что я отнюдь не тороплюсь получить причитающееся, Валерка швырнул шоколад, метя мне в лицо. Но сей «благородно-возмущенный» жест я угадал и успел резво отпрыгнуть в сторону, а затем, подскочив к сокурснику, саданул его кулаком по скуле. «Обличитель» перелетел через стоящую позади него скамейку и растянулся на земле.

Вряд ли кто из моих сослуживцев предполагал, что я первым нарушу правило «вето». Драка в нашем летном училище обычно заканчивалась однозначно: всех ее участников безжалостно вышвыривали за борт военного вуза. И потому меж нами, курсантами, существовал негласный уговор: любую конфликтную ситуацию стараться разрешить без помощи кулаков. Теперь же получалось, что на подлость сослуживцев я тоже ответил подлостью, да еще такой, которая ставила под угрозу дальнейшее пребывание в училище сразу четырех человек.

На секунду мои вероятные противники опешили, застыли окаменевшей скульптурной группой — кто стоя, кто лежа возле скамейки. Я перепрыгнул ее и, развернувшись, крикнул двоим

ринувшимся за мной курсантам — ах, как велика смелость, когда видишь спину убегающего врага, а я им стал уже для сокурсников:

— Стойте, сейчас такое скажу!

Парни резко остановились: слишком многообещающи были мои слова. Кряхтя и матерясь, поднялся Градов и тоже присоединился к сотоварищам.

— Если в натуре считаете, что в случившемся виноват я один, — отцедил я, презрительно взирая на сгрудившихся передо мною курсантов, — давайте, мочите… Только до смерти все одно не забьете. А я потом пусть ползком, но доберусь до дежурного по училищу, потребую, чтобы он вызвал генерала, и просвещу его о споре и прочем. А и дешевка же ты, Градов! Авторитета вонючим путем добиться захотел, одним махом двух побивахом! Забыл, как сам нам руки разбивал? И остальные… Эхма! Повыгоняют — так пусть уж всех разом!

Витамин тут же отшагнул от Градова и Гири и испуганно зачастил:

— Они меня заставили! А Андрюху я честно предупреждал — помнишь?

— Заткнись, авитаминоз, — скривившись, оборвал его Валерка. «Прокачал» мысленно ситуацию и наконец прошипел: — Ну, смотри… Повезло тебе, гад… А вякнешь если кому слово… Не было никакого спора, понял? Не было! Вообще ничего не было! Молча в курилке кантовались!

— Молча так молча, — с видимой покорностью согласился я, понимая, что на сей момент Градов смирился с поражением, но при случае не преминет сотворить какую-нибудь подлянку. — Только доктора ты в этом вряд ли убедишь: вон как разорялись, когда он в курилку зарулил. И насчет гада — один из нас, согласен, он и есть. Только я уверен, что «он» — точно не я…

— Ах ты… — задохнувшись в гримасе злобы, выпалил Градов. — Тебя… Тебя вообще… судить надо!

На что я, словами классика, с издевкой ответил-поинтересовался:

— А судьи кто?

Трое «самосудей» отмолчались и, потусовавшись еще несколько секунд, нестройно затопали из курилки, причем Витамин на ходу слабо заканючил:

— Валер, а Валер… Надо ж придумать, что завтра говорить…

На что Градов недовольно отрубил:

— Не вой! Время пока терпит.

А Гиря уже еле слышно резюмировал:

— Я же толковал: зря ты все это…

Проводив взглядом трех несостоявшихся мстителей, я собрал разлетевшиеся и частично раздавленные яловыми сапогами плитки летного шоколада, отнес их на мусорку и присыпал сверху отбросами. Это был мой честный выигрыш, доставшийся чрезвычайно дорогой ценой, которую, впрочем, заплатить довелось другому смертному. Тем не менее шоколадом я вправе был распорядиться по усмотрению.

И еще: меня прямо-таки терзало желание надкусить хотя бы одну плитку, чтобы прочувствовать вкус сласти, замешанной на человеческой гибели. Однако я четко осознавал, что, сделав это, перешагну некую запретную границу, откуда назад возврата нет. Так что с трудом, а перемог, удержался от искушения…

Медленно, неспокойно шел я к казарме по стиснутой свежевыбеленными бордюрами асфальтовой дорожке, окаймленной тщательно подстриженными кустами самшита. Кровавый ущербный месяц высунул свой рог из-за стоянки самолетов; так же отрешенно, как и, надо полагать, много тысячелетий назад, сияли в непостижимой вышине соцветья созвездий. А меня неотступно преследовал в мыслях лоскут-треугольник человеческой кожи с остатком косого бакенбарда на нем.

У кого-то из классиков однажды я читал: мол, предкам нашим, с их слепой верой, что небесные светила активно участвуют в их жестоких и зачастую вовсе мелких спорах — за какие-нибудь гроши или в угоду ущемленному самолюбию, — жить было проще. Верил ли во что-то в этом роде Андрюха? Да, сам же говорил про свою счастливую звезду… И наверняка мысленно не допускал возможности, сваливая самолет в «штопор», что звезда-то эта сегодня ночью так и будет продолжать холодно-ярко светиться, а сам Сказкин на мгновение вспыхнет в факеле взрыва и разом исчезнет для всех землян — вместе со своим внутренним миром, страстями и надеждами.

Но какая смелость была у парня! А может, всего лишь глупое безрассудство? Или это я в кошки-мышки со своей совестью играю, норовя замаскировать гнездящуюся в глубинах души трусость? Смог бы — пусть за неизмеримо большую ставку — рискнуть на «штопор» сам, даже сбрось со счетов последующий разбор полетов с вероятным исключением из училища?

Пойти на столь неоправданный риск… Нет, далеко не всегда цель оправдывает средства… Дурной иезуитский лозунг… Ведь одна только стискивающая сердце мысль о неизбежном телесном конце тошнотворным страхом обволакивает разум и уже при жизни многое прекрасное убивает в нас. Потому, однажды осознав личную обреченность, нахождение внутри сужающегося и

неразмыкаемого круга смерти, мы потом до последнего вздоха не в силах забыть это… Все там будем… Memento mori[2]… А помня о ней, невольно избегаем настоящего, истинного, смертельного риска — даже во имя исполнения великих целей будущего, даже во имя личного счастья, не веруя в их осуществление, возможность. И слепо-бесполезно бродим в настоящем меж тремя глаголами: есть-пить-спать, добавляя к ним время от времени четвертый: совокупляться, плодя себе подобных обреченных.

…Тогда я почти поверил в фатальное предопределение, хотя по итогам спора, в сути, выходило обратное. Поверил, поскольку в «дипломате», принадлежавшем ушедшему от нас в бессрочный отпуск, нашли толстую записную книжицу в бордовом переплете, а в ней — кто бы мог подумать? — были Андрюхины стихи. И на последней страничке книжицы, как бы венчая безвременную кончину человека, косые, торопливые, бежали строки:

Мой след на миг прочерчен в небе,
Как чуткий сон, истаял он.
След оборвался в спелом хлебе,
Что самолетом был сожжен.

Ниже стояла дата: день катастрофы. Разительное доказательство, не правда ли? Но вот до или после спора перед роковым вылетом были написаны эти кричащие строки?

Казалось бы, события последних дней должны были твердо убедить меня поверить в судьбу — счастливую или наоборот, не столь важно, — но я еще сомневался. Опять-таки где-то было читано, что мы часто промахиваемся в своих убеждениях, ибо не знаем точных границ и критериев чувств и рассудка. Впрочем, абсолютно точно это ведает один лишь Бог, имя которому — космические законы, что довлеют над человечеством. И ни познать их, ни тем паче изменить оно не в силах, а накапливаемые в течение жизни каждым из индивидуумов какие-то крохи информации, знаний неизменно уносятся вместе с ним в небытие.

Остаются, правда, слова в книгах и голоса на кассетах, изображения в кинолентах и ущербная, быстро стирающаяся временем память о тебе твоих близких. Ну долго ли мы, сокурсники, будем помнить Андрюху, рискнувшего на эксперимент в условиях пограничной ситуации и проигравшего? Размазанный по щитку приборов, он уже пересек границу неразмыкаемого круга…

* * *

Из-за авиакатастрофы все полеты в училище временно отменили: разбирались в ее последствиях.

Спустя неделю нашу летную группу, издерганную постоянными расспросами-допросами, как и остальных курсантов-первогодков, собрали в зимнем клубе. На разбор причин авиакатастрофы прилетел даже командующий авиацией округа.

Мы сидели в задних рядах клубных кресел, а впереди — офицеры и прапорщики. На сцене стояли три накрытых кумачом стола и полированная трибуна с золоченым Государственным гербом на фасаде. Сзади, за столами, густо навешали плакатов по летной подготовке и укрепили склейку, по которой детально отслеживался ход рокового полета.

Командующий объемно растекся мыслями о грандиозных задачах, поставленных перед нами, будущими летчиками, и о том, что мы их из рук вон плохо выполняем. Потом на трибуну поднялся полковник, прилетевший из Москвы во главе комиссии, назначенной для расследования причин авиакатастрофы. Сверяясь со склейкой, старший офицер разложил полет Андрюхи чуть ли не по секундам: как он на вираже перетянул ручку управления и на скорости «четыреста» вошел в устойчивый «штопор», быстро попытался вывести самолет из него, но неграмотно действовал рулями и, по всей видимости, растерялся. Однако, надеясь на способность самолета самостоятельно выходить из «штопора», если поставить ручку управления на нейтраль, управление бросил. К сожалению, то ли изменение полетных характеристик крыла после грубых курсантских посадок «элки» с сильными ударами шасси о бетон «взлетки» свело на нет свойство крылатой машины самопроизвольно переходить из «штопора» в пике, то ли попросту испугался Андрюха, не успев дождаться этого, но так или иначе, а снова взялся хаотично действовать рулями и, борясь с самолетом, врезался в землю.

Была ли у курсанта возможность катапультироваться? Несомненно. Почему не использовалась? Скорее всего, Сказкин надеялся спасти самолет…

В заключение доклада-разбора председатель комиссии подвел черту под авиакатастрофой: причинами ее посчитали летную недисциплинированность и личную недоученность Андрюхи, а отсюда — его неграмотность в действиях при попытке вывода летательного аппарата из «штопора» и в итоге — паника.

Вот что стало известно после тщательного изучения расшифрованной кассеты САРППа.

На мой взгляд, полковник в основном все проанализировал верно, только до истинной причины, почему курсант самовольно свалил «элку» в «штопор», комиссия так и не докопалась. И частично именно потому, что на следующее утро после попытки ночного обвинения меня в смерти сослуживца ко мне подошел один из свидетелей идиотского пари и вручил шпаргалку с примерным текстом общей беседы в курилке. По листочку выходило, что трепались обо всем и ни о чем, Андрюха же, значит, тогда больше молчал — что, впрочем, на Сказкина было весьма похоже.

У остальных присутствовавших при споре тоже имелись подобные «инструкции» авторства Валерки Градова. Посему, хотя наш врач и поведал следователю военной прокуратуры о каком-то неясном разговоре нескольких первокурсников перед тем злополучным полетом, правды при опросах не выявили.

Я, конечно, чувствовал себя косвенно виновным в смерти Андрюхи. Но молчал — в первую очередь, спасая собственную шкуру. Кому же охота, чтобы его вытурили из училища? Скорее всего, по той же причине молчали и остальные курсанты. А может, рот на замке они держали еще и потому, что Сказкина в летной группе сильно не жаловали — за «позвоночность», исключительность и заносчивость. Особенно Валерка Градов, тот его почти ненавидел. Стеной, которую ни обойти, ни перепрыгнуть, и мертвым стоял перед ним Андрюха, мешая вскарабкаться на пьедестал неформального лидера…

В конце разбора авиакатастрофы командующий поднял несколько курсантов, зачитав их фамилии по листку, разнес в пух и прах за халатную летную подготовку и приказал начальнику училища «наложить на бездельников дисциплинарное взыскание своей властью». В список штрафников угодил и Витамин.

После этого нас, курсантов, выпроводили из клуба, а командующий и члены комиссии еще с полчаса оставались там с офицерами. О чем был продолжившийся разговор, мы догадывались: все на ту же тему.

Полетов не проводили еще неделю. Наконец на утреннем разводе в понедельник, выстроили весь учебный полк. Начальник штаба училища зачитал приказ о наказании тех курсантов, которых в клубе поднимал командующий. Всем им вкатили по строгому выговору. По курсировавшим слухам, были наказаны также и все офицеры, имевшие непосредственное отношение к летному обучению Андрюхи.

Вот и оправдалась издевательско-глумливая поговорка, ходившая в кулуарах меж летчиками-инструкторами: «Разобьется курсант — мне выговор, ему — цветы» (на могилу)…

После авиакатастрофы курсантский состав по приказу начальника училища сдавал многочисленные дополнительные зачеты и проверялся, что называется, по всем показателям. Мы повторно изучили всю летную документацию, и наконец нас осторожно, от простого к сложному, страхуясь и перестраховываясь, начали допускать к полетам.

Сначала выполнялась дополнительная вывозная программа (полеты вместе с инструктором), и только после нее уже приступили к одиночным полетам в зоне — на простой и сложный пилотаж, по маршруту и в составе пары. А все эти дни, как и раньше, во время зубрежки летной теории, меня не покидала неотвязная мысль: точно ли пошел на свой опрометчивый «штопор» Андрюха, желая эдаким макаром в очередной раз доказать свое превосходство и самоуверенно полагаясь в большей мере не на знания и опыт, но на фортуну, которая оказалась как бы действительно «написанной на небесах и чужой рукой»?

«Неужели на этом свете так оно и есть: каждому — свое?» — думал и раздумывал я.

И крепла, крепла во мне мысль: к самостоятельному исполнению одной из самых сложных фигур высшего пилотажа Сказкин ни теоретически, ни практически не был готов…

А жизнь в военном училище постепенно налаживала обычный ритм. Только курсанты нашей летной группы — свидетели памятного спора — продолжали коситься на меня, и в том, я уверен, не последнюю роль играл Валерка Градов. Правда, один из них — но не тот, что передавал мне листочек-шпаргалку, а который после обещания Сказкина сделать «штопор» предупреждал Андрюху, что его могут выгнать из военного вуза, подошел ко мне вечером и сказал:

— Слушай, не казнись чересчур. Все мы, кто тогда там был, одинаково виноваты.

На что я довольно грубо ответил:

— Ну вот иди и скажи об этом Градову. А еще лучше — начальнику училища.

Сокурсник непонимающе посмотрел на меня и предостерег:

— Не буди лиха, пока тихо…

А я, признаться, со дня на день ожидал, что кто-то да и не выдержит распирающей его тайны, где-то обмолвится словом о роковом споре, слово пойдет гулять по летной группе, потом по соседним и в конечном итоге неминуемо доберется до офицерских ушей. И тогда…

Пока же, из страха быть отчисленными из училища, молчали все свидетели пари. И я сам…

* * *

Первым в эскадрилье пройдя вывозную дополнительную программу, я приступил к одиночным самостоятельным полетам в зоне. Через несколько дней меня уже допустили к сложному пилотажу, в то время как другие курсанты (и в их числе Витамин и Валерка Градов — да-да, который после Андрюхиной смерти однозначно стал бояться полетов) еще носились по маршруту и бесконечным кругам.

И вот, незадолго до каникулярного отпуска, второго октября, с утра, когда солнце еще только высветило на горизонте синеющие горы, подернутые белесой дымкой, мне на полетах первой смены досталась та самая проклятая четвертая зона, под которой разбился Андрюха. Впрочем, на деле эта зона больше ничем и не отличалась от всех других.

Под ней проходил один из маршрутов, и, бывало, когда курсант выполнял задание в зоне, а второй приближался к ней заданным курсом на более низкой высоте, в эфир летела команда руководителя полетов: «Такому-то ниже 2500 не снижаться, под вами такой-то…»

Левым разворотом я занял зону и доложил в микрофон:

— 7–51-й четвертую занял, 3500, задание.

— 7–51-й, выполняйте, — раздался в наушниках голос руководителя полетов.

Далеко внизу, под крылом «элки», были разбросаны неправильные многоугольники свежевспаханных черноземных полей. Медно-золотистые кроны защитной лесополосы длинной прямой линией разрезали поля. Кирпично-красные, а больше серые шиферные крыши казавшихся сверху игрушечными домов виднелись в стороне, за пашнями. А на сходящемся горизонте, аквамариновые, просвечивающиеся сквозь дымку, важно высились горы. И меня больно кольнула мысль: всего этого больше никогда не увидит Андрюха, и даже его могилу — настоящую, а не ту, на родине, куда опустили цинковый гроб с лоскутом кожи и толикой спекшейся почвы, — теперь уж и не найти в этом черном вспаханном поле: «Его зарыли в шар земной».

И это — наш всеобщий и неизбежный жизненный итог…

В наушниках раздался голос руководителя полетов, предупреждающий:

— 7–51-й, ниже 2500 не снижаться. Под вами 7–38-й.

Оказывается, внизу, по маршруту, вместе с летчиком-инструктором, сейчас должен был пролететь Валерка Градов. Этот скот в смерти Сказкина винил меня и только меня и наверняка с удовольствием заложил бы про спор в курилке, не

будь у самого рыльце в пуху.

«Вот на-ка, выкуси, — злорадно подумал я, вглядываясь вниз, хотя и понимал, что камуфлированный самолетик в воздушном океане найти — задача не из легких. — А не хочешь мышь белую съесть?»

И как бы разом отключился у меня контролирующий поступки центр. Я резко дал своему «альбатросу» крен восемьдесят градусов вправо, поставив «элку» крылом под углом к земле, и с силой потянул ручку управления на себя. Самолет затрясло, умная машина как бы предупреждала меня о возможных последствиях. Но граница благоразумия осталась позади, и я решительно убрал обороты двигателя до семидесяти процентов. Стрелка указателя скорости теперь слабо дрожала на отметке «300».

Словно бы нехотя перевалившись через правое крыло, самолет встал почти перпендикулярно земле и на мгновение замер, подобно ныряльщику, взлетевшему вверх с трамплина, с раскинутыми руками, уже перевернувшемуся в воздухе головой вниз и начинающему свободное падение. Медленно пройдя точку неустойчивого равновесия, «элка» начала второй виток «штопора» и, постепенно набирая скорость его оборотов, забилась, словно в предсмертной агонии. Педали колотили меня по ногам, самолет вибрировал и крутился так, что я, трясясь в кресле и мертво вцепившись в ручку управления, быстро потерял всякую ориентировку. Аспидные поля, медные кроны лесополосы, аквамариновые горы и светлое небо с неярким диском утреннего солнца на нем слились в разноцветное месиво вокруг меня — как на плохой дискотеке…

Жестко ткнувшись затылком о заголовник кресла, я несколько протрезвел от болтанки, поняв, что меня крутит вправо и что я уже в устойчивом «штопоре».

«РУД (рычаг управления двигателем) на малый газ… — вместе с самолетом вертелись и мысли в голове. — Так, есть… Левую педаль отжать до упора… Ручку управления в нейтраль… Готово… Ну же, давай… Сейчас, сейчас… Что это? Он же не слушается! Не слушается!!! Бросать управление? Катапультироваться? Пока есть время… Нет, угроблю самолет! Или иначе угроблюсь сам! Катапультироваться? Ну нет! Тогда трусость будет грызть меня до могилы! Бог мой, да я уже лечу в нее, и на страшной скорости!»

Не слыша, держит ли со мной связь руководитель полетов, я переживал тогда, видимо, то же, что и в свои последние секунды жизни Андрюха. Обруч неразмыкаемого круга, в котором бушует, не в силах вырваться за его пределы, жизнь и который

десятилетиями сжимается, постепенно приближая человека к смертному часу, но готов также лопнуть ежесекундно, внезапно, сдавил мой мозг, вытеснив из него все мысли, кроме единственной, заполнившей каждую клеточку тела: *«Неужели сейчас я умру?! Не хочу, не-е-е-т!!!»*

…Показалось или нет, что вращение замедлилось? Вращение замедлилось… Замедлилось вращение! Еще, еще…

«Так, — уже гораздо спокойнее подумал я. — А теперь — резко педали в нейтральное положение…»

Самолет уже устойчиво пикировал, теряя высоту, а земля и небо заняли привычные места. Я дал «элке» обороты максимал, собираясь выводить ее из пике.

— 7–51-й, ниже 2500 не снижаться! 7–51-й, ниже 2500 не снижаться! — ворвалась в наушники близкая к истеричной команда руководителя полетов.

Я мгновенно взглянул на высотомер: 1600! А на 1500 — маршрутчик! О боже! Самолет с ним прямо подо мной!

«Ручку управления на себя», — подумал я одновременно с движением…

И в каких-то десяти-пятнадцати метрах я пронесся перед маршрутчиком, пересекая ему путь под углом вправо. Еще не успевшее исказиться от страха и удивления, но уже застывшее маской, мелькнуло сбоку лицо Валерки Градова за стеклом фонаря (лица летчика-инструктора рассмотреть не успел), и, просев еще ниже, я «горкой» ушел вверх, а в наушниках бился в крике голос руководителя полетов:

— 7–51-й, ниже 2500 не снижаться, задание прекратить, стать в левый вираж с креном в тридцать градусов, 2500 до команды…

— Выполняю, — наконец кое-как смог ответить я.

— 7–38-й, высота 1200, следовать на точку, посадка с ходу, — это уже касалось Валерки.

Набрав нужную высоту и став в левый вираж, я повел самолет по дуге. И тут же подумалось: так, выходит, я сам сделал то, что обещал и не сумел сделать Андрюха? То, на чем он зарвался и взорвался, да простит меня покойный за этот невольный каламбур… Что ж, репутацию свою я точно восстановил. Но… Теперь моя летная карьера, скорее всего, накрылась окончательно и бесповоротно: «наводить погоду» над головой некому… Тем более что в запрещенный «штопор» самолет я свалил уже после печального опыта Сказкина и всех последствий-разбирательств, связанных с его гибелью. И еще три жизни плюс две единицы дорогостоящей техники чуть было не угробил. «Три плюс два»… Только получился бы не комедийный фильм прошлого, а реальная трагедия настоящего. И прогремело бы тогда наше

училище на все Вооруженные Силы. Оно, впрочем, и без того прогремело, но два случая подряд — ну, в этом была бы непременно усмотрена система. С дальнейшими оргвыводами.

— 7–51-й, — услышал я новую команду, — спираль до 2000, следуйте на точку 1500.

— Выполняю…

Заняв назначенную высоту и согласовав компас, я доложил — теперь уже совсем ровно:

— 7–51-й, четвертую освободил, иду на точку 1500.

— 7–51-й, займите к третьему развороту 600, посадка с ходу, — тоже спокойно приказал руководитель полетов.

— Выполняю…

Посадка получилась, как и обычно у меня, мягко. Когда освобождал «взлетку», голос в наушниках пригласил:

— 7–51-й, с пленкой и командиром звена — немедленно ко мне. — И коротко-устало добавил: — Больше не летаешь…

Это знаменовало начало конца.

Когда я по рулежной дорожке докатил «элку» до стоянки и выключил двигатель, то почувствовал, что весь взмок, а колени дрожат, будто после капитальной драки. Довольно запоздалая реакция на стресс…

Техник самолета открыл фонарь кабины и, несколько удивленно глядя на меня — видимо, печать пережитого отложилась на лице, — принялся ставить защитные чеки на кресло (чтобы в случае чего не смогла сработать система катапультирования).

Освободившись от подвесной системы, я медленно вылез из кабины. Почувствовал под собой бетон аэродрома, и меня слегка шатнуло на родной и безопасной сейчас земле. Расписавшись в бортовом журнале, сказал технику, что замечаний нет, снял ЗШ (защитный шлем) и шлемофон. И пошел…

Перед классом предполетных указаний стояли Валерка Градов и его летчик-инструктор старший лейтенант Зорин. Узкоплечий, как мальчишка-подросток, офицер — впрочем, имевший репутацию опытного летчика, — злобно вперился в меня: еще бы, по милости какого-то идиота пережить смертный страх! Взора Градова я не видел: сослуживец отвернулся в сторону, насколько позволяли шейные позвонки.

Валеркин инструктор осторожно двинулся ко мне — бочком, агрессивно выпятив подбородок, но тут из класса выскочил мой командир звена. Опередив Зорина, капитан уцепил меня за грудки и яростно затряс, выплескивая в лицо:

— Ты что, с ума сошел? Смерти захотел? — И, видимо, не находя от возмущения дальнейших слов, резко оттолкнул, почти

отбросил от себя.

Отшатнувшись назад, я еще пытался удержаться на ногах, но зацепился за выбеленный бордюр и растянулся на поблекшей восковой траве, растеряв все, что было в руках. Лежа, глупо подумал: «Можно ли считать это рукоприкладством?»

Встав, хотел подобрать свою амуницию, но командир звена отрывисто бросил:

— Оставь! — схватил, как пацана, меня за руку и потащил в класс.

Проскакивая мимо Градова, я попытался все же взглянуть одногруппнику в глаза, но теперь Валерка впился взглядом в пожухлую траву за алебастровым бордюром.

К классу предполетных указаний уже спешил солдат из ГОМОК (группа материалов объективного контроля) с кассетой САРППа, снятой с моей «элки».

* * *

Нудный рассказ о том, как меня таскали по всем инстанциям, опрашивая и допрашивая, опускаю. Что сорвал самолет в «штопор» нарочно, рассказал с глазу на глаз только в беседе с начальником училища, хотя по расшифрованной кассете это и так было отлично видно.

— Причина? — коротко спросил генерал-майор авиации.

— Не верил в судьбу. Но хотел ее проверить: через летную подготовку, — признался я и — гори оно все синим пламенем! — рассказал о споре в курилке. Подробно.

Конечно, по сути, я предавал тогда остальных свидетелей пари, но одному быть козлом отпущения… Нет уж, позвольте. Тем паче о попытке ночного самосуда умолчал.

Начальник училища слушал мою исповедь, не перебивая и вертя в руках огромную восьмицветную авторучку, а когда я замолчал, неожиданно грохнул кулаком по толстому оргстеклу, покрывавшему полированный стол, так, что подпрыгнул перекидной календарь и стопка каких-то бумаг, а бронзовый «МиГ»-сувенир чуть не стартовал с постамента.

— Мальчишка! И уже настолько нравственно глух! Моя бы воля — драл до костей! — И генерал-майор коротко выругался. А поостыв, добавил: — Что ж, случай с курсантом Сказкиным теперь вполне ясен. Но хотя летчик и не может быть пай-мальчиком, тебя все же придется отчислить.

Услышав эти страшные для меня слова, я одновременно прочел в генеральском взгляде искреннее сочувствие: летчика к

летчику.

— Знаю, — обреченно кивнул я, заглушая боль обманутой надежды, до этой секунды еще теплившейся во мне.

— Что ты знаешь? Что ты еще знаешь? — неожиданно вновь разбушевался начальник училища. — Да на тебя государство уже такие деньги положило, а ты!.. За смерть товарища вины не осознал, себя и еще двоих, «за компанию», едва не угробил! О летной технике вообще молчу!

И подытожил:

— Отслужишь год солдатом — пиши рапорт, возвращайся. Из тебя должен получиться толковый летчик.

— Хотелось бы, конечно, — пожал я плечами и поинтересовался: — Товарищ генерал-майор авиации, а… что теперь будет Градову и остальным?

— Разберемся, — отрубил начальника училища. — Тебя данное уже не касается.

Что ж, все было именно так, как оно и должно было быть…

Моя история подошла к концу. Это сейчас, по прошествии года, за который так много раз возвращался в мыслях к пережитому, я пытаюсь логично оценить ситуацию, которую спровоцировал сам, даже не приняв во внимание, как она отзовется на многих других людях…

Тогда же, выходя из кабинета начальника училища, не удержался и, подзуживаемый острым внутренним желанием, задал вопрос:

— Товарищ генерал-майор авиации… А вот как вы сами считаете, есть на свете фатум или?..

Однако вместо какого-либо ответа начальник училища, после короткой заминки, громко приказал:

— В эскадрилью!

Генерал, по-видимому, был не любитель философских прений.

1985

ГЛОТОК ЛИМОНАДА «ДЮШЕС»

На 9 мая старшего лейтенанта Виктора Санталова привычно заткнули в наряд — начальником гарнизонного караула. Неписаный армейский закон: в дни праздничные дежурить назначают лучших. Дабы отцы-командиры были надежно уверены: никто на «сутках» не нажрется и другого ЧП тоже не принесет. При таком раскладе самому начальству ведь отдыхать куда спокойнее.

Санталов судьбу свою — вечно тащить службу, когда другие расслабляются за рюмочкой, знал и глухо роптал. Однако толку с того… Не рискнет же, в самом деле, начальник штаба полка на День Победы загнать в наряд лейтенанта Лоськова, у которого личное дело от взысканий разбухло. Другого за невыходы на службу по причине обильных возлияний и прочие «подвиги» давно бы из армейских рядов турнули. Ан за спиной сослуживца дядя-генерал издалека погоду наводит. Да только и он не всемогущ: любимый племяш по две звездочки на погонах четвертый год уж носит. И длинное погоняло: Лосище Дважды Лейтенант.

Ладно, сие есть разговоры в пользу бедных, а службу, коль назвали груздем, тащить надо. И крепко. Потому как на праздники число всяких проверяющих возрастает в геометрической прогрессии к значимости даты.

Не явился исключением и этот «победный» наряд. С вечера приезжал один из замов начальника гарнизона, незадолго до полуночи объявился комбат, а уже в третьем часу ночи самолично пожаловал комендант. Однако Санталов с подчиненными удачно отчитались как за несение службы на постах, так и за четкость действий по вводным в самой «караулке». Бодрствующая смена знанием уставов блеснула, с заряжанием-разряжанием оружия тоже не подвели.

Наконец поток начальства на время иссяк. Виктор тяжко боролся со сном: обязанности начальника караула неукоснительно предписывают тому всю ночь бодрствовать, а отдыхать — извольте только с девяти до тринадцати следующего дня.

«Противоестественно оно, такое указание, — лениво думал старший лейтенант, изредка экономно отхлебывая из стакана пока не степлившегося окончательно лимонада.

— Человек испокон веков на день-ночь запрограммирован. Нет, конечно, есть и люди-совы… Тот же Пикуль: именно от заката до рассвета творил. Профессии там особые — охотник,

разведчик… Или — сторож… Ладно, согласимся: исключение, приспособление организма, передвижка сонной фазы… Но тут ведь месяц жизни в нормальном ритме — и вдруг хлоп: на сутки поперек природы! Идиотизм? Да какого лешего: в карауле иначе нельзя! И как же все-таки в люлю-то охота! Да-а, брат, констатируем: отвык ты от Чечни! Там столь явной бредятины в голову точно б не влезло!»

Виктор с усилием встал из-за стола и нехотя сделал несколько приседаний. Еще глотнув лимонада, подумал: а сумеет ли три запасенных бутылки растянуть на сутки? И взялся за телефон: пора было проверять исправность средств связи и сигнализации, звонить на посты…

К слову, в учебный полк Санталов попал немногим менее полугода назад, переводом этим по сей день откровенно тяготился и трудно привыкал к новым условиям прохождения службы. Ведь сразу после окончания Новочеркасского высшего военного командного училища связи новоиспеченный офицер был распределен в «горячую точку» — мотострелковый полк, дислоцировавшийся в Чеченской Республике, где и пробыл почти два с половиной года командиром взвода связи. Там, на переднем крае, получил и очередное воинское звание, и орден Мужества. А было так.

По своим должностным обязанностям молодой лейтенант на спецоперации обычно не привлекался, у него служебных задач и по своему профилю хватало. Но однажды руководство части собралось в Ханкалу, в штаб Объединенной группировки войск, с отчетами за квартал. Виктор и уговорил начальника связи взять его с собой в составе боевого охранения. На середине пути, в лесополосе, небольшая колонна напоролась на засаду. Начался затяжной бой с превосходящим противником. Санталов отбивался грамотно, нескольких боевиков лично уничтожил, гранатой. А под занавес схватки, когда к миротворцам уже спешило подкрепление, был легко ранен в предплечье. За мужество и «за кровь» высокой награды и удостоился. Сослуживцы шутили: за такого жениха-орденоносца любая теперь пойдет.

Однако вскоре соединение, с которым Виктор успел сродниться, непонятно почему, чуть ли не в одночасье, расформировали, разбросав личный состав по разным военным округам. И опытный, несмотря на молодость, офицер, по чьему-то росчерку пера нежданно-негаданно угодил в непривычную обстановку «учебки», где несение караульной службы как раз и являлось единственной боевой задачей среди множества сугубо мирных…

Наконец-то наступившие девять утра старший лейтенант

встретил с припухшими веками и проклюнувшейся головной болью, заканчивая очередную смену часовых. После чего проинструктировал оставляемого на время отдыха за себя разводящего… И с каким же наслаждением, не снимая сапог и одежды (уставом не положено!), завалился в комнате начальника караула на топчан, покрытый тонким слоем поролона под дерматином… Великое недолгое счастье в наряде — здоровый, крепкий сон!

Из него Санталова бесцеремонно выдернул сердитый голос заместителя командира полка по воспитательной работе подполковника Барзинчука:

— Товарищ старший лейтенант, подъем! Слышите? Встать! Немедленно! Приказываю!

— Что? — спросонья не понял Виктор.

С главным воспитателем соединения он впервые встретился по прибытии в часть — в таких случаях военнослужащие обязаны сразу представляться: первому — командиру, затем всем его замам. Собственно, обычная ознакомительная беседа. Где родился, учился, служил ранее. Чем на досуге увлекаешься… Ну чем — в условиях Чечни и вечернего комендантского часа? Карты-нарды, да при случае после ужина водки-паленки на грудь принять… Но об этом лучше молчок.

Почти сразу Санталова отправили в очередной календарный отпуск: на дворе конец января, а он еще за прошлый год свое законное не отгулял, да плюс добавочные дни за пребывание в «горячей точке». А когда Виктор в марте вышел на службу, Барзинчук сам на отдых убыл и в части появился только незадолго до майских праздников. По сути, старший лейтенант с ним до сегодняшнего дня особо и не сталкивался. Но вот — пришлось…

— Я вам не что! — рявкнул подполковник. — Извольте принять строевую стойку!

Старший лейтенант поднялся, почти автоматически вытянулся в струнку.

— Вот тут у вас чего? Эт-то как называется?! — тыкал пальцем начальник в сторону черного портфеля, прислоненного к ножке топчана.

— Так сумка же… — непонимающе отозвался Санталов.

— Чтоб туалетные принадлежности не в руках и провиант какой с собой…

— Вы мне зубы не заговаривайте! — угрожающе перебил его Барзинчук. — Бутылка с чем? А? Признавайтесь! — И в остатний раз указал на приоткрытую кожаную тару, из которой выглядывало стеклянное бутылочное горлышко с металлической

пробкой.

— Ага… — наконец понял причину нездорового любопытства главного воспитателя полка Виктор. — Там лимонад, товарищ подполковник.

— Еще и врет, с места не сойдя! — не поверил тот. И в гневе сбился на «ты». — Эт-то его лет пятнадцать, как в стекле не выпускают! Пиво у тебя здесь! Вон, и бутылка-то темная!

— Вообще лимонад в подобной таре сейчас действительно редкость, — согласился Санталов. — Но так уж совпало… Хозяин флигеля, который я снимаю, цех держит, где шипучку разливают именно по старинке. Фирма небольшая, а качество товара отменное: воду качают из подземной скважины. И с клиентурой полный порядок… Короче, хозяин по-дружески к празднику ящик и презентовал. Половину — с «Дюшесом», мне особенно нравится, остальное — «Крем-сода». Еще там «Буратино» штампуют, только тот, на мой вкус, не ахти. А что бутылка темная — так в производстве и из-под пива годятся.

— А ну, дыхни! — приказал Барзинчук.

— Да слово офицера, трезвый я! Разве ж в карауле допустимо!

— Дыхни, говорю! — И подполковник требовательно шагнул вперед, почти уткнувшись приподнятым носом в подбородок начальнику караула: ростом проверяющий не вышел, зато с лихвой компенсировал это тучностью…

Виктор недобро хмыкнул, набрал полную грудь воздуха:

— Хххуу!

— А он и рад стараться! — отшатнулся Барзинчук. — Чуть не оплевал!

— Ну, знаете…

— Знаю! Нечего мне тут пререкаться! Эт-то… Не поймешь толком… Вроде и не пахнет… Ага! Подай-ка сюда бутылку!

— Извольте…

Виктор с плохо маскируемым отвращением вынул «Дюшес» из портфеля и протянул замкомполка. Тот задумчиво покрутил виновницу сыр-бора в руках, ногтем энергично ковырнул этикетку с рисунком груши — не «чужая» ли, перенаклеенная, — и, перевернув стеклотару, резко взболтнул ее содержимое.

— Ни черта не разберешь! Ну-ка, открывашку сюда!

Санталов, у которого на скулах заиграли желваки, приоткрыл дверь в комнату бодрствующей смены, скомандовал свободному караульному, и тот живо принес из столовой консервный нож. Проверяющий прямо на весу резко поддел с горлышка металлическую пробку, докатившуюся до шкафа с оружием, подозрительно принюхался к содержимому «Дюшеса»… Но, так и

не определив без дегустации, что же внутри, снова взболтнул пузырящуюся жидкость и решительно глотнул…

— Вот те на… И правда лимонад! Не ожида-ал… — разочарованно протянул он. — Однако вкус какой-то… эт-то… — и решительно приложился к бутылке вдругорядь, сделав еще два крупных глотка. — Непонятный… Ну-ну…

— Теперь убедились, что не пиво? — с неприкрытой обидой в голосе поинтересовался Виктор.

— Допустим… А ты, похоже, чем-то недоволен? — сразу возвысил голос подполковник.

— Что не доверяете. Разве я повод хоть чем-то давал?

— Да какая разница? Должность у меня такая: доверяй, но проверяй.

— А можно было бы тогда хотя бы не из горла? Стакан же для того существует…

Барзинчук хищно изогнул бровь.

— Эт-то я что, по-вашему, туберкулезный, что ли? — вернулся он к обращению на «вы». — Или — бери выше — ВИЧ-инфицированный?

— Зачем вы так… — несколько смутился начальник караула. — Я не о том. Некультурно же. Потом кому другому… — и не договорил.

— Интере-есно. Значит, вы, товарищ старший лейтенант, в боевой обстановке из одного котелка есть с солдатами брезговали?

— Передергиваете, товарищ подполковник. У нас здесь пока не боевая обстановка, — осторожно возразил Санталов, подозревая слабину своей позиции.

— Щас будет, — усмехнувшись, коротко пообещал замкомполка. После чего рявкнул: — Караул, в ружье!

…Эх и гонял же проверяющий личный состав по вводным! Ох и проверял же солдат на знание статей уставов и табелей постам! Ух и дотошно же инспектировал внутренний порядок во всех помещениях «караулки!»

Недостатки, разумеется, выявились. При перечислении «общих обязанностей часового» караульный бодрствующей смены, рядовой с девчачьей фамилией Танюшкин, благополучно осилил десять из одиннадцати. Однако на финише запнулся.

— Ну, — подгонял Барзинчук, — склероз, что ли? Молодой же вроде… Ладно, даю наводку: «Услышав лай…» Кого?

— Караульной собаки…

— Так, верно, дальше.

— Надо немедленно…

— Без «надо»!

— Ага, немедленно… в караульное помещение…

— Что? Продублировать сигнал? — «помог» проверяющий.

— Ну да, — согласился сбитый с толку Танюшкин.

— Хех! — развеселился экзаменатор. — Товарищ старший лейтенант, эт-то он у вас в телефонную трубку гавкать собрался? Весьма, весьма оригинально!

— Нет! — запротестовал солдат. — И вовсе не так! Надо немедленно сообщить установленным сигналом в караульное помещение!

— Да без «надо», который раз поправляю! Свои обязанности следует отбарабанивать назубок!

У рядового Амосова Барзинчук спросил, кому часовой на посту имеет право отдавать оружие.

— Никому, — отчеканил караульный. — Включая лиц, которым он подчинен.

— Верно, — согласился подполковник. — А теперь — напряги воображение. В дореволюционной России у часового таковое право имелось… по отношению к одному-единственному человеку. К кому?

— Не могу знать, — сразу открестился Амосов. — У меня даже прадед и тот после Октябрьского переворота родился.

— «Не могу знать, не могу знать», — передразнил проверяющий. — А покумекать-то и лень. Государю императору полное право вручить имел.

— Товарищ подполковник, — встрял Виктор, — данный вопрос за рамками наших уставов и обязательного перечня.

— Да ладно, ладно, старший лейтенант, эт-то я так… в порядке общего кругозора, — подозрительно добродушно согласился Барзинчук. — А теперь — внимание. Товарищ рядовой, а когда во время смены на посту не оказывается часового?

Санталов ответ на каверзный вопрос, конечно, знал — еще с курсантских времен. Но Амосов, увы, не мог даже предположить, что, когда часовой уже произнесет: «Рядовой такой-то пост сдал», тем самым сменившись с него, а заступающий караульный, в свою очередь, еще не успеет до конца отрапортовать: «Рядовой такой-то пост принял», формально охраняемый объект на секунду-другую и правда оказывается без часового. Хотя в начале самой процедуры смены постов и сдается под временное наблюдение еще одному, так называемому свободному караульному. Однако необходимо ли было рассказывать про этот секрет Устава гарнизонной и караульной службы солдатам, если никто из проверяющих за три года офицерства Виктора никогда не копал столь глубоко?

Впрочем, ему теоретически нечего было возразить, когда замкомполка записывал в постовую ведомость резюме проверки: «Личный состав караула нетвердо знает общие обязанности часового и порядок смены постов. Неуверенно действует по вводным. В караульном помещении не поддерживается должный уставной порядок. Посуда для приема пищи грязная. Аварийное освещение не укомплектовано. Запас питьевой воды недостаточен. Оружие плохо смазано».

Этаким образом Барзинчук ликующе интерпретировал обнаруженную на кухне «караулки», возле урны, обгоревшую спичку. И нехватку оных — где три, где пять штук — в коробках при керосиновых лампах: не поленился высыпать их и пересчитать: «Должно быть по шестьдесят!» И к уровню воды в питьевом баке придрался: чуть ниже половины, а вдруг при нападении на караульное помещение в осаде долго сидеть придется? И все брезгливо тыкал в скользковатую на ощупь, даже и после тщательного мытья, посуду: а кто мешал в столовой части горчицы попросить? Тогда бы и с жиром быстро разобрались!

С последним же недостатком подполковник вообще нагло перегнул палку. Санталов было заспорил, но лучше бы уж промолчал…

Короче, от законного сна начальника караула был украден целый час, да и потом Виктор еще долго ворочался, раздумывая, насколько велики для него лично окажутся итоги разгромной записи последнего проверяющего. И клял себя за детское пристрастие к лимонаду: не возьми его с собой, все было бы в шоколаде. Или возьми только две бутылки. Или все три выпей еще до законного отхода ко сну. Эхх! Знал бы, где упасть…

Благополучно завершив праздничный наряд, молодой офицер прибыл в подразделение, где состав караула ожидал командир учебной роты — майор Чемборис. Ознакомившись с записями в постовой ведомости и выслушав эмоциональный доклад подчиненного, ротный раздавил недокуренную сигарету в пепельнице и мрачно буркнул:

— Та-ак… От кого-кого, а от тебя… Вот действительно, «порадовал»! Считай, взыскание обеспечено, да и меня, ясен пень, вниманием не обделят.

— Но он же чисто из-за того взбеленился, что я ему про стакан… — снова попытался объяснить комвзвода. — А разве это правильно — из горла хлебать?

— Правильно, неправильно… Да какая теперь половая разница? Язык свой почаще в соответствующее место прячь, тогда все в ажуре и будет — на сто один процент. И вообще: ты сколько лет в армии служишь?

— С курсантскими — скоро восемь…

— А ума, как у допризывника! Не понял, что ли, что наш главный воспитатель изначально исповедует точку зрения: все вокруг преступники, все вокруг враги! Он же — кристально честный их великий изобличитель, которого на эту должность чуть ли не Президент поставил. Та-ак…

Старший офицер задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

— Между прочим, известно тебе, что комиссаров как таковых придумал отнюдь не дедушка Ленин со товарищи?

— А кто же? — искренне удивился Санталов, как-то раньше над этим вопросом и не задумывавшийся.

— Родительница их — американская армия начала девятнадцатого века, — разъяснил Чемборис. — Ну, конечно, той полнотой власти, которой облечены были наши первые замполиты в воинских частях, их заокеанские предки не обладали. Однако те же яйца, вид сбоку: являлись госчиновниками, назначаемыми правительством в армейские части, чтобы на месте лично отслеживать моральный, нравственный и прочий дух людей в погонах.

Закурив очередную «Приму», ротный продолжил:

— Только, мыслю, вряд ли они усердствовали до степени, граничащей с безумием. А у нас это и при Сталине было, и нынче — вполне в порядке вещей.

— Так точно! — поспешил согласиться Виктор и присовокупил к чисто армейскому выражению четверостишье-переделку известнейших классических строк, буквально перед нарядом процитированную любителем подобной «литературы» Лосищем Дважды Лейтенантом:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
Хрен на стене нарисовать —
Сказать: «Икона!» — будут верить.

— Та-ак. На правду весьма похоже… — скупо улыбнулся майор. Секунду подумал и продолжил: — В общем, вникай. Лет пять назад был у меня случай. Дома, вечером, со шкафа на кухне тазик упал да краем мне бровь рассек. Немного, не страшно. Иодом замазал, делов на копейку. Только поутру место травмы припухло, а сам глаз наполовину заплыл. Но служба службой. И конечно, по закону подлости, прямо у входа в часть попался я на глаза тогда еще майору Барзинчуку — его только-только к нам назначили. Так он сразу мне нож к горлу: признавайся, с кем

вчера дрался?! Я ему про таз, мне же в ответ угрозы: не лепи горбатого, а то живо по негативу уволим! Потом на офицерском собрании я битый час доказывал, что не верблюд, да целая комиссия домой ко мне выезжала. Так сказать, для проведения следственного эксперимента: могло, стало быть, или не могло… Нет, на себя Барзинчук тазик скинуть, конечно, не рискнул. Вот и решил навечно оставить под подозрением. Да, любит он из мухи слона… Так что готовься — и по полной программе…

— Но ведь все остальные проверяющие — ни единого замечания! Комендант гарнизона вон даже о поощрении ходатайствует. Это ж чего-то стоит или как?

— Ага, размечтался. Сколько меда портит ложка дегтя, помнишь? А тут его, почитай, в постовую ведомость цельное ведро вылито. Готовься, говорю, задницу подставлять… — подытожил Чемборис.

Битый жизнью ротный не ошибся. Назавтра, при подведении итогов праздничного дня на совещании офицеров, старшего лейтенанта круто распекли за отвратительное несение службы во время боевого дежурства. А еще через день приказом по полку вкатили выговор. В отношении же Чембориса начальство, подискутировав в кулуарах, ограничилось фразой «строго указать».

Положим, то, что социальная справедливость в армии весьма избирательна, молодой офицер уяснил еще в первые месяцы курсантской службы. Однако на этот раз самоедствовал особенно. А тут как раз подошло и тринадцатое число — дата выдачи очередного денежного довольствия. И по негласной традиции в этот день, после службы, немало офицеров полка направлялось в «Пещеру». Так в городе окрестили художественно оформленное под старинный замок кафе, еще на заре перестройки возведенное неподалеку от воинской части. Там лейтенанты, капитаны и майоры поротно усаживались за столики и заказывали, каждый на свой вкус, многоградусные коктейли: крепленое, а уж тем паче сухое вино в такой компании не употребляли.

Обычно при подобных возлияниях (к слову, вызывающих у подполковника Барзинчука перманентную головную боль и время от времени подвигающих его на внезапные инспектирования «Пещеры») Санталов больше двух водочных коктейлей не выпивал. Сегодня же решительно заказал третий, на удивление быстро расправившись затем с содержимым бокала. Мрачно поразмышлял и — небывалый случай — рискнул взять четвертую порцию, что, конечно, не осталось не замеченным сослуживцами.

— Чего это ты нынче разошелся? — спросил Лосище Дважды Лейтенант, выражая общее удивление. — Меня решил

переплюнуть?

— Действительно. Не многовато ли будет? — подхватил осторожный капитан Бушуев, фамилия которого явно не соответствовала характеру офицера, как правило, растягивающего единственный коктейль на весь вечер.

— Ниче, в самый раз, — и Виктор отхлебнул проверенной «Тройки».

— Да ладно, давай, колись, — потребовал Лоськов. — Облегчи душу.

Триста граммов уже употребленного горячительного помогли развязать язык обычно не склонного к жалобам и осмотрительного в прилюдных суждениях Санталова. Виктор с глубокой обидой поведал сослуживцам детали «граничащей с безумием» проверки праздничного караула. И некому оказалось на корню пресечь эти ненужные откровения: комроты в тот день контролировал в подразделении вечерние мероприятия.

Разумеется, действия заместителя командира полка по воспитательной работе вызвали дружное негодование и осуждение взводных. Лосище Дважды Лейтенант даже выдал в адрес подполковника длинную матерную тираду. Чем традиционный ежемесячный «пещерный» поход как-то сам собой и завершился…

Еще через два дня подполковник Барзинчук на сутки заступил ответственным по части от ее руководства. В обязанности такого начальника главным образом входил контроль за соблюдением общего порядка в соединении — от подъема и до отбоя включительно. Но добрую половину дежурства главный воспитатель полка на этот раз почему-то построил именно на взводе Санталова. Изначально он удостоил подразделение своим присутствием еще до завтрака.

— Эт-то что такое, а? Товарищ старший лейтенант, я вас спрашиваю! — триумфально и чуть ли не тыча в нос взводному перочинный нож — изящной отделки, с несколькими лезвиями, — обнаруженный во время утреннего осмотра у рядового Птицына, вопрошал подполковник. — Почему у солдата в кармане холодное оружие? Не положено! Где взял?

— В увольнении был, купил, — потупив взор, тихо выдавил солдат.

— А для чего, спрашивается? Что или кого резать собрался?

— Никого… Так, на всякий случай… Просто понравился… Красивый…

— Ой ли? Командир взвода, разбирайтесь! — приказал Барзинчук. — К обеду объяснительные — у меня на столе! Запрещенный предмет конфискую!

— Есть к обеду, — сдержанно отрапортовал Санталов. Невольно подумал: «И куда ж ты его, начальник, конфискуешь? Не иначе, в собственный карман!»

— У вас вообще во взводе бардак! — продолжал бушевать главный воспитатель, выговаривая Виктору прямо перед подчиненными. — Носовые платки как тряпки! И то не у всех! Подворотнички несвежие! Сапоги плохо почищены! Кто не брит, кто не стрижен! Эт-то… Самоустранились от личного состава, вот!

Подполковник явно сгущал краски. Внешний вид подчиненных старшего лейтенанта был не хуже и не лучше, чем у остальных солдат роты.

По ходу дела перепало и присутствовавшему здесь же ротному: мол, а ты, начальник, зачем тут поставлен?

— Ну, Виктор, накликал ты на свою задницу… — выговаривал теперь уже Чемборис Санталову, пока личный состав управлялся с приемом пищи. — Вторая серия! Вникаешь, чем на этот раз комиссару не угодил?

— Понятия не имею, — пожал плечами взводный.

— Та-ак… А я вот, полагаю, имею, — возразил майор. — Прошлый раз о чем толковал-предупреждал? Язык твой — враг твой! А уши, как лопухи: и под забором, и под окном, и везде растут. Поверь: если уж мне известно, о чем ты в «Пещере» за рюмкой распинался, то и ему, будь здрав!

— Вломили! — понял старший лейтенант.

— Однако по твоей личной дурости, — уточнил Чемборис. — Ох, не знаю, чем все это закончится. И когда… А перспективно — готовься к новой «дыне»…

Расписание занятий того дня включало общественно-государственную подготовку. Очередной ее темой значилась: «Патриотизм — источник духовных сил воина. Писатели, русские философы: их высказывания об этом».

Не успел Санталов озвучить подчиненным вопросы нынешней лекции, как в учебный класс пожаловал Барзинчук. Он добросовестнейшим образом отработал свой хлеб, придирчиво проверив как конспекты солдат, так и знание ими ранее изученного материала. Особо интересовался конституционными основами Российской Федерации, системой руководства и управления Вооруженными Силами страны, требовал перечислить военные награды, начиная с введенных в 1934-м. Вполне понятно, что далеко не на все вопросы пройденных тем экзаменатор получил вразумительные ответы.

— Да они ж у вас ни в зуб ногой! — подытожил главный воспитатель. — Эт-то возмутительно! Немедленно доложу

рапортом командиру части!

Виктор сумрачно молчал, стиснув зубы. На «воспитательной территории» крыть ему, по сути, было нечем: действительно, в нескольких случаях недосмотрел, что находившиеся когда-то в наряде подчиненные позднее пропущенных тем не переписали. Или вот, увы, так и не смог вдолбить самому твердолобому рядовому Трибурту (погоняло Триаборт), в чем разница между Героем Советского Союза и Героем России…

Старший лейтенант уже отлично понял, куда гнет подполковник, и самостийно решил сегодня задержаться на службе до самого отбоя. Разумеется, заручившись в этом плане «добром» Чембориса. И не ошибся: после ужина Барзинчук вновь прибыл в роту и опять-таки все внимание, сосредоточил на взводе Санталова.

Ответственный по части придирчиво проверил содержимое прикроватных тумбочек и заправку постелей, обут ли личный состав в тапочки, комплектность и состояние противогазов. Добрался даже до кладовой, в просторечии именуемой каптеркой, где тщательно оглядел парадное обмундирование подчиненных Виктора.

— Безобразие! — выговаривал подполковник старшему лейтенанту уже после отбоя. — Эт-то просто переходит всяческие границы! Куча грязных носков под матрасами! Тапочки рваные! Туалетных принадлежностей — у кого ни мыла, ни пасты! Хлеб какой-то плесневелый в тумбочках, книги неуставные… «Парадки» мятые, клеймили форму бойцы — кто в лес, кто по дрова, противогазы поржавевшие, с вмятинами, а на их сумках бирки отсутствуют!

— Вы явно преувеличиваете, — упрямо возразил Санталов. — Тапочки всего двоим надо ремонтировать, вчера и надорвались. Носков вообще единственную пару… выявили. И паста, она тоже всегда заканчивается. Закупят завтра, в обед. А бирка с сумки — она тут же, в углу ячейки, лежала, и пришили ее, сразу…

— Молчать! — окоротил оправдывающегося замкомполка. — Сплошная демагогия! Даже и слушать не желаю!

…На следующие сутки, уже к вечеру, взводный и командир роты были вызваны к комбату, который и озвучил взыскание, объявленное молодому офицеру на послеобеденном совещании руководящего состава учебного полка.

— За бездушное отношение к личному составу и низкие показатели в общественно-государственной подготовке — строгий выговор, — как и положено, стоя, официально зачитал хозяин кабинета. — А вам, товарищ майор, за слабый контроль за положением дел в подразделении — обычный. Мне комполка свое

«фу», конечно, тоже высказал. И что теперь скажете, господа-товарищи офицеры? — повысил он тон и, недовольно поморщившись, тяжело опустился в массивное кресло за рабочим столом, не предлагая самим проштрафившимся присесть. — Ну? Я вас слушаю! Язык к небу приклеился? А? Или куда?

— Что тут и говорить, товарищ подполковник. Виноваты, не спорю. Только вот, на мой взгляд, здесь степень вины наказанию не соответствует, — без обиняков высказался Чемборис. — Все ж по мелочам накопано и явно с умыслом. Конфликт у них на праздник вышел, вот Барзинчук дальше и отыгрывается не по-офицерски, напраслину на боевого парня возводит. Понятно, где-то Виктор сам недоглядел, конспекты там, или еще что не проверил… Но эдак, сплеча, шашкой… Ну, вы манеру замполита везде крамолу выискивать знаете…

— Хм… Тоже сказанул — крамолу! Ладно, допускаю, всяко бывает; про твой упавший тазик помню… Но сейчас — в корне не согласен! — осадил майора комбат. — По букве уставов зам кругом прав! «Мелочи», «с умыслом»… Зря плачешься — это все бездоказательно и к делу не пришьешь. Зато недостатков во взводе выявлено — хренова гора с прицепом. Вникаешь, какой булыжник в ротный огород? Плюсуй сюда же итоги праздничного караула… И что? Уж кому-кому, а боевому-то, как уверяешь, парню, да с опытом Чечни… Ну вовсе непростительно. Или и там необъективность проверяющего усматриваешь?

— А это как повернуть, — обидчиво парировал ротный.

— Конечно, если себе загодя цель такую поставить… разгромную. Да как часовые при царе-батюшке службу несли, у солдат выпытывать. Да спички в коробках пересчит…

— Стоп, хватит! — не дослушав, хлопнул ладонью по полированной столешнице командир батальона. — Дешевые отговорки! И вообще: я что, из-за него, — и кивнул в сторону мрачно замершего у двери кабинета Виктора, — с заместителем командира полка ссориться должен? Так прикажешь? Не вижу на то достойных аргументов! Куда два шага, а где и до Пекина раком! Идите-ка вот лучше недостатки выявленные устраняйте!

— Товарищ подполковник… А к командиру части я могу на прием записаться? — наконец-то разлепил плотно сомкнутые губы Санталов.

— Нет! Пока считаю нецелесообразным! — И хозяин кабинета вновь поднялся из кресла. — Все ясно? Свободны! Кру-гом!

— Та-ак. Черт бы вас всех побрал с вашими амбициями! — подытожил Чемборис по дороге в роту. — Дальше-то что делать будем, Витя, а? Расклад явно не в твою пользу…

Старший лейтенант угрюмо молчал, только на скулах

желваки гневно заиграли.

…Минуло полторы недели. Жизнь в воинской части шла своим чередом. Главный воспитатель учебного полка к Санталову во взвод больше не наведывался и лично к нему тоже не цеплялся. (Затишье перед бурей?) Зато Виктор все эти дни единственно что не ночевал в роте — благо холостой покамест, — стараясь ликвидировать даже самые мелкие упущения по службе. В чем весьма преуспел. Но тут судьба-индейка распорядилась сама…

В воскресенье комвзвода, хотя и не был обязан, но все ж таки прибыл в подразделение — правда, несколько позднее обычного, когда солдаты уже заканчивали завтрак. Привычно проверил заправку постелей и шинелей, содержимое тумбочек. Понаблюдал, как подчиненные стираются-гладятся-подшиваются, а кто-то, оседлав табурет, лениво глазеет в окно и оценивает, как другие на спортплощадке стучат в волейбол или качаются на перекладине и брусьях… Переговорил с замом-сержантом, с командирами отделений. В каптерку к старшине заглянул. И перед обедом с чистой совестью пошел в свой флигель: близко от части, отопление — газ, но удобства во дворе.

Перекусив, Санталов посмотрел программу теленовостей. Потом улегся было на диване с книгой, но вскоре задремал. Разбудил тревожный стук в уличное окно: за стеклом, запыхавшийся, стоял посыльный, рядовой Байков.

— Товарищ старший лейтенант, вас срочно в роту вызывают! — прямо в открытую форточку выпалил он.

— А что случилось-то? Тревога, что ли?

— Да нет, другое! Перепелкин в «самоволку» сорвался! — сбивчиво пояснил солдат. — Ни с чего бы вроде… Там уже и ротный приехал, и дежурный по части! И этот, как его… подполковник… Ага, Барзинчук! Он еще ругался, что вам по сотовому никак не дозвониться. Прям сильно…

Виктор торопливо извлек мобильник из внутреннего кармана кителя. Так и есть — на экране высвечивался текст: телефон полностью разряжен.

«Лишний козырь не в мои карты, — тут же оформилась мысль. — А вкупе с самоволкой… Блин, уж если не повезет… Правдолюбец чертов… И кто бы мог подумать?! В тихом омуте…»

Невысокий и худосочный, рядовой Перепелкин во взводе держался особнячком. Родом из Воронежа, он там же сдавал вступительные экзамены в университет, на исторический факультет, однако по конкурсу не прошел: всего полбалла не хватило.

Будучи призван на действительную службу, вчерашний

абитуриент исключительно трудно вживался в армейскую действительность. Ему долго не давалось умение туго наматывать портянки и быстро, ровно подшивать подворотничок. Строевым шагом солдат топал, «будто ему лом в задницу воткнут», — как однажды метко выразился майор Чемборис. На стрельбах из автомата, нажимая спусковой крючок, рядовой боязливо жмурился и упорно отправлял почти все пули «за молоком». А когда вновь сформированная рота по сигналу тревоги впервые выдвигалась в район рассредоточения, сослуживцам в конце трехкилометрового марша пришлось в буквальном смысле тащить выбившегося из сил товарища и его амуницию на себе.

При всем при том памятью и кругозором несостоявшийся историк обладал феноменальными. Имел место случай: однажды Барзинчук самолично проводил во взводе Санталова показные занятия все по той же общественно-государственной подготовке. И — редкий для ОГП момент! — подполковнику тогда вопрос задали: какова дальнейшая судьба крепости Измаил была, после взятия ее Суворовым? Вроде бы триумфально завоевали, а дальше о ней — нигде и ничего. Проясните, значит…

Тут старший офицер сильно призадумался и забормотал что-то вовсе не в тему. А рядовой Перепелкин — ты гляди! — руку тянет. Что такое? Солдат встал и не хуже профессора лихо излагает:

— По Ясскому мирному договору, подписанному в декабре 1701-го, Измаил был возвращен Турции.

— За что ж тогда россияне кровь проливали? — уже закономерно слышится новый вопрос из рядов слушателей.

— По этому же договору, — толкует дальше знаток-эрудит, — за Россией закреплялись обширные территории. То же Причерноморье, включая Крым, земли между Южным Бугом и Днестром. Плюс — Турция от своих претензий на Грузию отказывалась. Подписанием Ясского мира третья русско-турецкая война — а всего их было шесть — и вовсе завершилась. Измаилом же пришлось тогда пожертвовать ради куда большего…

— Вот-вот, молодец, я как раз это самое и хотел сказать, — перехватил тут инициативу Барзинчук. — Да ты садись, садись… Кстати, императрица Екатерина Вторая для награждения за подвиги, совершенные при взятии Измаила, специально учредила офицерский золотой крест «За храбрость».

— И вовсе он назывался «За отменную храбрость», — уж совсем некстати встрял прямо с табурета Перепелкин. И этого, конечно, ему не простили.

— Товарищ рядовой! — поставил чересчур знающего солдата во фрунт главный воспитатель полка. — За

недисциплинированный выкрик с места объявляю вам два наряда вне очереди на службу! Командир взвода! Сегодня же привести приказ в исполнение!

И после занятия еще яро возмущался:.

— Откуда такой языкатый выискался? Тоже мне, развел умняк на роже! Зато форма сидит, как на корове седло! И сапоги крема просят! И вообще…

И вообще: непреложную истину с бородой, о том, что начальник всегда прав, а в армии — вдвойне, Санталов и попытался втолковать позднее возмущенному рядовому, у которого глаза от незаслуженного — на его взгляд — наказания подозрительно блестели.

— Ведь наряды он мне ни за что? — в унисон вопросу-утверждению вытянул тонкую шею Перепелкин. — Разве ж я неверно сказал?

— Не берусь судить, — ушел от прямого ответа Виктор. — По русско-турецким войнам специалист небольшой. Однако вышло в итоге неловко… — Невольно поморщился и козырнул цитатой, приписываемой петровскому уставу:

— «Подчиненный, перед лицом начальствующим, должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Мысль хоть и царская, зато для любой армии справедлива. Быть умнее старшего вредно. Всегда. Ни-зя-а! Теперь-то хоть ясно?

— Никак нет! — надрывно возмутился подчиненный. — Придурковатого из себя корчить? Это же оскорбительно! И низко! И глупо! Классик как говорил: «Служить бы рад — прислуживаться тошно!» Нет, ни за что!

— На нет и суда нет, — быстренько попытался свести ситуацию к шутке-прибаутке командир взвода, постаравшись пропустить мимо ушей «классика». — И в целом: обсасывать ситуацию тоже нет ни смысла, ни времени… — Не удержавшись, добавил: — Тем паче, с тобой очень трудно разговаривать.

— Ага, конечно. Так всегда утверждают, когда в дискуссии дальше аргументировать нечем, — враждебно заявил нарядчик.

— Ну, знаешь! На «гражданке» дебатировать будешь! — менторски одернул Санталов. — Пока же — изволь исполнять приказ старшего. Выкрик-то с места был? Был! Следовательно… Сегодня же заступишь дневальным по роте. Да заруби: отслужишь свое, отучишься — трудиться опять-таки в коллективе придется. А там, при любом раскладе, свое начальство. Так что неизвестно еще, где беспристрастности окажется меньше. Особенно если в частных лавочках. — Подумал и дополнил: — Тебе лично надо было очень постараться в вуз поступить. Не смог — что ж, служи

как все, без высовываний. Свободен!

На том инцидент исчерпался. Хотя нет: наряды наказанный пронес без особых замечаний. Главное же — «умников на роже» больше не разводил. По крайней мере, во время занятий. Зато обиженно замкнулся в себе.

И вот — пожалуйста: заполучите самовольную отлучку! А это вам не абы что, а серьезнейшее нарушение воинской дисциплины, которое впоследствии отрикошетит не только по непосредственному виновнику.

«Полбеды еще, если оперативно найдем, — невольно размышлял старший лейтенант по пути на службу. — Если же… Нет, даже и думать не хочется! Но куда и зачем он лыжи навострил? Причина? Вроде бы ничего такого особенного за ним в последнее время не замечалось…»

…В канцелярии подразделения было накурено и многолюдно. На месте командира роты, во главе сдвинутых буквой «Т» столов, плотно восседал подполковник Барзинчук, узурпировавший телефон.

— Есть, товарищ полковник! — рапортовал он в трубку, подавшись вперед и даже чуточку привстав из кресла. — Конечно-конечно… Так точно! Для организации поисков полностью задействуем свободный личный состав. Все офицеры роты прибыли… Понял, понял, вокзал и автовокзал в первую очередь… Да, да, обязательно перекроем. Так точно, эт-то, уже выдвигаемся! — На другом конце провода был командир полка.

Примостившись у окна, с каменным выражением лица, жадно смолил любимую «Приму» майор Чемборис. Его зам по воспитательной работе капитан Зайд суетливо рылся в шкафу с документацией. Старшина роты старший прапорщик Гущин что-то строчил в огромном талмуде-ежедневнике. Присутствовали здесь и командиры взводов — капитаны Апашанский и Бушуев (впрочем, почти тут же усланные на плац строить роту), старший лейтенант с длиннющей фамилией Шарикоподшипников, прозванный за природную дубоватость Шариковым, ну и слегка поддатый — по случаю так некстати прервавшегося выходного, — Лосище Дважды Лейтенант.

— Обозначился наконец! — бросив трубку на рычаг, зло прокомментировал прибытие Санталова и его рапорт Барзинчук. — Солнышко наше красное взошло!

«Солнышко красное» постаралось сдержать эмоции.

— Витя, ты почему телефон отключил? — поинтересовался Чемборис.

— Я не отключал. Разрядился он, — коротко объяснил комвзвода.

— Конечно. А мы и не сомневались, — продолжил комментарии замкомандира полка. — И эт-то именно когда в части ЧП! Которое принес именно ваш взвод! Надеюсь, уже в курсе произошедшего?

— Так точно. Рядовой Перепелкин находится в самовольной отлучке.

— Ну и…? Ваши соображения? Почему, как случилось, где ныне может дислоцироваться беглец?

— Так сразу затрудняюсь… — пожав плечами, протянул Виктор.

— Товарищ майор! Вы только посмотрите на этого, так сказать, боевого офицера! — повернувшись к Чемборису, стал выговаривать теперь уже ему Барзинчук. — Он, видите ли, затрудняется… Да вы вообще самоустранились от своих служебных обязанностей и не живете жизнью подразделения! — И тяжелый взгляд подполковника уперся в лицо старшему лейтенанту. — Эт-то почему мы тут вашу работу делать должны, а вы только об денежном довольствии и печетесь!

— Зачем же вы так… — тихо, с гневной дрожью в голосе произнес Санталов. — Я и сегодня в роте был, только перед обедом убыл…

— А толку! — повысил голос главный воспитатель. — Вы хотя бы в курсе, что ваш умняга-самовольщик вчера вечером письмо какое-то получил? Откуда, про что? Явно же не про новые факты из истории русско-турецких войн!

— Не могу знать… — неуклюже ответил распекаемый, про себя отметив неприкрытый сарказм распекавшего его начальника.

— Что и требовалось доказать! — торжествующе подвел итог Барзинчук. — А вот мы уже, представьте, кое-что выяснили. Благо хоть Зайц моральный климат должным образом отслеживает. Просветите его, капитан, а то мне надоело одному за всех глотку драть… — и презрительно откинулся на спинку кресла.

— Виктор, ты в курсе, что у Перепелкина девушка была? — осторожно вопросил Зайц.

— Конечно. Они вместе в школе учились, оба в один в вуз поступали. Только однокласснице больше повезло. Переписывался он с ней…

— Ну а тебе известно, что в последнее время переписка эта приняла… м-м-м… односторонний характер?

— Каюсь, недоглядел, — честно признался Санталов.

Барзинчук презрительно фыркнул, поджав губы, но на сей раз промолчал.

— Эх ты! — не выдержал теперь уже ротный и потянул из пачки новую сигарету. — Да то ж типичная ситуация! Девяносто

девять из ста: письмо было от той самой девицы. Мол, полюбила другого, выхожу замуж, прости, останемся друзьями. Либо приятель какой, по ненужной доброте, о том же настучал. Психика у парня слабовата на излом оказалась — вот и сорвался. Явно надеялся при личной встрече время вспять повернуть: вдруг да перемыслит бывшая. Другие варианты самоволки тоже бывают. Но — реже.

— Ну все, хватит рассусоливать! — вновь завладел браздами правления Барзинчук. — Рота построена? Значит, эт-то… Выдвигаемся на поиски. Личный состав разбить на группы по десять человек, во главе каждой офицер или сержант, указать маршруты патрулирования, время докладов… И шерстить, шерстить, шерстить! Асфальт нюхать! Надеюсь, умник еще в городе и в форме!

…Как оказалось, главный воспитатель надеялся зря, хотя причину самовольной отлучки вычислили абсолютно верно.

Рядовой Перепелкин, одолевший забор части сразу после завтрака, первым делом рванул в район дачных участков — именно мимо них рота выдвигалась по сигналу тревоги в район рассредоточения. Там высмотрел пустующий, несмотря на воскресенье, домик, разбил выходящее с тылу в огород оконное стекло и проник в помещение. Удачно сменил солдатскую форму на рабочее одеяние дачника. Потом же, затарившись в ближайшем продуктовом киоске буханкой хлеба и двухлитровой бутылкой минералки, сообразил быстренько убраться из большого города — на грузовой попутке. Словом, в электричку, направлявшуюся в сторону родного Воронежа, самовольщик сел уже в ближайшем райцентре. Так что пока беглеца до ночи выискивали на площадях и улицах областного мегаполиса, отвергнутый любимой мчался к ней на всех парах.

…Увы, всех возможных перипетий такого незаконного путешествия Перепелкин учесть не мог. Хотя и сумел удачно проехать километров двести с гаком в нужную сторону. И все-таки на очередном вокзале, уже на границе области, был вычислен бдительными стражами правопорядка. Причина элементарна: в «беушной» одежде беглец подозрительно походил на бомжа.

В отделении милиционеры быстро выяснили армейский статус задержанного, изучили его военный билет и, уточнив телефонный номер, несколько позднее созвонились с воинской частью.

Бесплодные широкомасштабные поиски там давно завершились, личный состав добросовестно почивал на двухъярусных койках. Виктор же тогда решил, что возвращаться

домой нет никакого смысла, практичнее перекантоваться в роте. Где далеко за полночь старшего лейтенанта разбудил дневальный — дежурный по части радостно извещал, что самовольщик уже пойман сотрудниками транспортной милиции. Так что на следующие сутки, к вечеру, командир взвода возвратил горе-подчиненного назад, в «учебку».

— Ну и о чем ты думал, когда деру давал? — выпытывал у него Санталов в электричке.

— Не знаю… Ни о чем… Просто поговорить с ней хотел… — нехотя тянул Перепелкин, сопя и тоскливо вглядываясь в окно.

— Да был бы разве толк с того разговора?

— А вдруг…

— Эх, какой ты еще, будто пацан, несерьезный! Жизнь в целом, как и история в частности, не терпит сослагательного наклонения. Все куда проще. Пойми: ты — здесь, в сапогах и надолго, а вернешься — будущее весьма туманно. А там она, возможно, ухватила свой самый главный шанс. Или армейский дезертир для создания семьи надежнее будет? Передачки в дисбат носить? Мысли, историк.

— Все равно, предательница она! — дрожащими губами почти выкрикнул рядовой.

— Не-а, — не согласился Виктор. — С ее стороны это не предательство. Просто пошла другой дорогой. Да, не повезло тебе, но это же не смертельно. Конечно, вот если бы она на перроне твой дембельский поезд встречала, а он бы запоздал, а она, продрогшая, с букетом на перроне, и навстречу тебе, не успел ты с подножки сойти, да на грудь кинулась — вот тогда бы я сказал: пофартило, на всю оставшуюся! Судьба! Ан не судьба…

После окончания служебного расследования, проведенного по факту «самоволки», — Перепелкин — через военный суд — получил семь суток ареста с содержанием на гаупвахте. Чемборису и старшине роты, контролировавшему в день побега воскресные мероприятия, досталось по строгому выговору. Взводному же, от щедрот и по инициативе главного воспитателя, впаяли неполное служебное соответствие занимаемой должности.

— Благо еще, что вся эта история с самовольным оставлением части закончилась для нас без тяжелых последствий. Но выводы-то мы сделать обязаны! Я проанализировал деятельность командира взвода, воспитавшего злостного нарушителя. И, на мой взгляд, старший лейтенант Санталов понятия не имеет, чем его солдаты живут и какой у них настрой. Вот отсюда, от элементарного нежелания вникать в помыслы, запросы и быт личного состава, и начинаются недисциплинированность, расхоложенность, безответственность,

а по этой стезе так и до ЧП со смертельным исходом недалеко! — едва не с пеной у рта доказывал тогда Барзинчук на совещании руководства части.

— Типун вам на язык! — недовольно буркнул комполка. И тут же согласился с предложенным в качестве наказания взводного «неполным служебным».

Так вот и вышло, что все три взыскания, которыми ныне, как елка игрушками, был обвешан молодой офицер, он «заработал» менее чем за месяц. То есть Виктор нежданно-негаданно угодил в тяжелейшую жизненную ситуацию, когда вся его дальнейшая служба вдруг оказалась под вопросом.

Да, на этот раз командир батальона счел необходимым ходатайствовать о приеме взводного командиром части. Однако ничего хорошего из того визита не получилось, поскольку беседа проходила в присутствии не только ротного и комбата, но еще и подполковника Барзинчука, без обиняков заявившего, что таким офицерам, как Санталов, в армии не место. Аргументов на то красноречиво хватало…

«Самовольная» история, впрочем, имела и еще один отзвук. По указанию все того же главного воспитателя Виктор пристрастно уточнил у Перепелкина, пока облаченного в старое подменное обмундирование, на какой именно даче солдат оставил форму. И в следующее же воскресенье направился туда сам, упаковав «позаимствованную» самовольщиком одежду и обувь в свой «тревожный» чемоданчик.

Нужный домик офицер отыскал почти сразу, благо крышу его венчал оригинальный флюгер: целующиеся голуби. Хозяевами же строения оказалась пожилая скандальная пара. Вникнув в ситуацию, супруги тут же затребовали у неожиданного гостя «документ с печатью». А списав данные Санталова с его служебного удостоверения, в два голоса немедленно завопили о возмещении ущерба за разбитое стекло.

— Если сейчас же не расплатитесь, мы судиться будем! — сварливо выкрикивала свинообразная хозяйка, отчаянно жестикулируя в опасной близости от лица гостя. — Воры вы, а не защитники Родины!

— Солдат твой был — значит, ты и раскошеливайся! — вторил ее не менее тучный муж, щерясь прокуренными зубами и рубя воздух ладонью с отсутствующей фалангой мизинца. — Стекло найти, порезать по размеру, да привезти, да вставить, да штапики тоже на дороге не валяются!

Етить твою налево! Пришлось доставать тощий бумажник. Ободрали Виктора потерпевшие знатно. Когда же дело дошло до, так сказать, натурально-одежного обмена, дачники с апломбом

заявили, что форменное обмундирование они выбросили на мусорку.

— На кой леший оно нам сдалось? — пояснил хозяин. — Не модно, не ново, да и размер не подходит…

Действительно, невозможно было представить форменное «хебе» сорок восьмого размера на пивном животе толстяка. Посему ушел Санталов восвояси с одной лишь парой возвращенных кирзовых сапог в чемоданчике, так и не решив: развела ли его крикливая чета либо действительно от «хебе», ремня и пилотки избавилась… Ладно. Всевышний им судья…

Отметим, что подполковник Барзинчук дачным походом старшего лейтенанта остался крайне недоволен.

— Значит, будете из своего денежного довольствия цену новой солдатской формы возмещать! — многообещающе пригрозил он взводному.

Только тут на его сторону встал закон.

В документы рядового Перепелкина легла выписка из приказа по части, где констатировался факт утраты военного имущества. Принималось решение о выдаче нового комплекта обмундирования. И утверждался начет далекого будущего: после увольнения солдата в запас означенную сумму стоимости «хебе» и прочего следовало через военкомат взыскать из заработной платы виновника утраты после его устройства на работу.

Известна теория, что жизнь — цепь многочисленных случайностей. Лучшие умы человечества бьются, пытаясь определить, насколько они случайны вкупе. Нас же интересует конкретная человеческая судьба…

Неделей позже майор Чемборис отмечал свой сорок пятый день рождения. Традиционно в подобных случаях, когда официальный рабочий день заканчивался, а солдаты уходили на ужин, офицеры и старшина подразделения собирались в канцелярии роты. Виновнику торжества вручался подарок, наливались по три дежурные рюмки водки на нос, коллектив оперативно опрокидывал их под короткие тосты, заедал немудреной закусью и тихо расходился. Кто по своим домам, а кто и приглашался домой к имениннику, на более серьезное застолье.

Так планировалось и на сей раз. За исключением нюанса: дежурные рюмки решено было наливать не в канцелярии, а в давно пустовавшей старой казарме.

— Товарищ майор, — втолковывал ротному капитан Зайц, — вы же сами видите: подразделение под колпаком у Барзинчука. Так не приведи Господь он именно в самый неподходящий момент в канцелярию нагрянет. Будем потом бедными…

— Справедливо… — вынужден был признать Чемборис.

В качестве подарка ему на сей раз вручили пластмассовую бутылку, имитирующую коньячную. Однако на деле, если разом потянуть ее за горлышко и дно, емкость по окружности раздвигалась на середине длины и из центра бутылки, словно из ручки зонтика, двумя рядами выскакивали никелированные трубочки с сигаретами на конце.

— Лихо! — прокомментировал именинник. — Приходит, значит, ко мне гость, я ему предлагаю: давай, мол, по рюмашке жахнем. Потом, стало быть, вот эдак потянул… Ррраз! Закуривай, друже! Ну что, разливаем? Время «Ч»…

Расходились офицеры поодиночке. Только путь у них всех лежал через контрольно-пропускной пункт, где в засаде и притаился «великий изобличитель». Чудом избежал встречи с ним лишь Лосище Дважды Лейтенант, который по каким-то собственным соображениям удалился с территории военного городка кружным путем, через ворота автопарка.

— Эт-то что же я наблюдаю? — властно выговаривал замкомандира полка виновнику торжества. — Организованная пьянка на рабочем месте и в форменной одежде! Ну и что с того, что день рождения? Дома отмечать надо! Говорите, якобы не в рабочее время? Да у нас оно ненормированное и круглосуточное! Пока погоны на плечах! А вдруг да тревога? Подразделение же полностью обезглавленное окажется! Короче, пишите объяснительные! Все! Немедленно! Где, кстати, ваш самый «боевой» офицер? — и подполковник презрительно скорчил кислую мину, ожидая ответа.

— Он сегодня вечерние мероприятия в роте контролирует, — не скрывая презрения, ответил майор. — Так что с нами не выпивал и вовсе не при делах.

— А вот мы сейчас эт-то проверим! — заявил заместитель командира полка. — Вызывайте-ка его срочно сюда!

Не поленился ведь самолично идти вместе с Санталовым в санчасть! Там дежурная медсестра в приказном порядке проверила его на содержание алкоголя в крови.

— Надо же, трезвый! — с нескрываемой злобой изумился Барзинчук. — Ладно, ничего, вы у меня все равно скоро на чем-нибудь, да попадетесь!

— Вы себе цель такую поставили или как? — не выдержав столь демонстративной неприязни, поинтересовался Виктор, застегивая форменную рубашку. — Мои недочеты, как на собаке блох, выискивать и вылавливать?

— Товарищ старший лейтенант! — мгновенно взвился проверяющий. — Вы слишком много разговариваете! Кто вам дал

право обсуждать действия старшего по званию и должности? Да я вам… Да я вас…

— С дерьмом сожрете, — кратко подытожил Санталов. — Вопрос в сроках.

— Объяснительную мне! Быстро! Сюда! — завопил подполковник, размахивая руками и демонстрируя пухлые кулаки.

Испуганная медсестра метнулась из процедурного кабинета в коридор санчасти.

— Нечего мне вам объяснять, — отказался Виктор. — Да и незачем. И так картина маслом писанная.

— Ну, мы вот скоро в другом месте поговорим! — прищурив глаза и агрессивно выпятив подбородок, пообещал главный воспитатель.

— Я вам аналогичное тоже гарантирую! — вдруг заявил молодой офицер, и по лицу его угадывалось, что для себя он уже принял какое-то важное решение.

— Эт-то что такое? — удивился, возмутился и даже голос понизил Барзинчук. — Вы мне — угрожаете?

— Да упаси Бог! — возразил и даже руки к груди прижал командир взвода. — Просто соглашаюсь… Действительно, поговорить следует… Потом… А пока — разрешите идти в роту, а то скоро вечерняя поверка начнется. Личный состав по головам пересчитать, воинскую дисциплину укрепить. Тапочки, тумбочки, противогазы, «парадки»… Да, конспекты по ОГП чуть не забыл. Главное!!! Работы — море и еще маленький пруд… Так разрешите?

— Идите… пока… — с долей растерянности распорядился замкомполка.

— Есть! — лихо вскинул ладонь к козырьку фуражки Виктор, четко сделал поворот кругом и решительно вышагнул из кабинета…

В обязанности ответственного по учебному полку, коим в тот памятный вечер вновь являлся Барзинчук, непременно входила проверка караулов. Двух внутренних и гарнизонного. Учитывая, что последний и второй внутренний находились соответственно на окраине города и на автодроме, вообще вынесенном за городскую черту, пока подполковник на дежурной машине объехал их… Везде следовало выйти на посты, пообщаться там с часовыми, поэкзаменовать свободную смену плюс проверить порядок заряжания-разряжания и содержание оружия, чистоту в караульном помещении. Да еще в постовых ведомостях результаты проверок детально записать… Словом, к своей квартире — второй этаж пятиэтажного дома с улучшенной

планировкой, четыре комнаты, общая площадь жилья девяносто восемь квадратных метров, не считая двух лоджий, — подполковника привезли почти в два часа ночи. Что ж, для людей в погонах событие вполне рядовое.

Дежурный автомобиль отъехал. Заместителю командира полка оставалось пройти всего лишь метров сорок по неосвещенной асфальтовой дорожке, окаймленной кустами самшита, — от проезжей части до подъезда. Как вдруг на середине короткого пути из-за кустов вышел и преградил дорогу старшему офицеру… Кто это? Неужели? Да, именно он. Любитель лимонада «Дюшес».

— Ну, вот мы и в другом месте, — с усмешкой произнес Санталов. — Теперь поговорим? Кажется, хоть в этом плане у нас мнения совпали, а?

— Вы эт-то… что? — севшим голосом только и вымолвил Барзинчук и напряженно огляделся по сторонам: вокруг ни души, а в такой далекой сейчас родной пятиэтажке всего два окна светятся и оба занавешены.

— Я эт-то ничего, — передразнил Санталов. — Говорю же, поговорим. Только ты лучше не дергайся, не провоцируй… на более активные действия.

Подполковник тупо молчал, медленно осознавая серьезность нештатной ситуации. Переход к «активным действиям»? Ну нет. Пока был смысл выждать.

— Вот и ладушки, перехожу к сути, — продолжил Виктор. — Старт конфликта — бутылка, на которую ты запал в «караулке». Множим на твою мстительность, дальше — больше… И вот на финише ты люто жаждешь моего увольнения из армии. По негативу. В лучших традициях бюрократии. И активно загоняешь в угол. Мне-то что остается? Плакаться не резон. Мыслю, выгорит вдруг твой расклад — и я тебя уничтожу. Физически. Из Чечни-то кое-что сумел вывезти. Неважно что, просто поверь: одному тебе за глаза достаточно будет…

Старший лейтенант выдержал многозначительную паузу, наблюдая, как главный воспитатель полка лихорадочно ищет место для рук: то уберет их за спину, то скрестит на груди, то опустит по швам. Наконец он сцепил ладони поверх ширинки форменных брюк, так и не проронив ни слова.

— Ты, надеюсь, мое личное дело внимательно изучал? — поинтересовался взводный. — Родители умерли: отец от рака, давно, а у матери год назад — обширный инфаркт… Ни жены, ни детей, ни жилья и никаких других сдерживающих факторов — найн, ноу, ёк! В ответе только за себя! А на кону главное и единственное: армейская служба. Ее лишить возомнил? Так

давай, рискни! И я тоже рискну. Слово боевого офицера! Не сразу — может, через месяц, а то и даже год. Надо же тебе дать возможность всласть помучиться. Охрана? Кому ты вообще нужен? К слову: не надейся, что оружие по месту проживания храню. Прикопано. И надежно. Век искать будешь — хрен по всей морде! Если же про этот разговор эфэсбешникам заикнешься, отбрешусь. Скажу, клевещешь из-за сложившихся неприязненных отношений. Мол, глоток лимонада не поделили. Вот уж так обсмеют — с ног до головы! И однако жизнь может внести всякие коррективы. Так что предлагаю полюбовную сделку: завтра пишу рапорт с просьбой о переводе на новое место службы, желательно в Чечню, а ты всеми фибрами ходатайствуешь. Все понял? Повторять не буду. Адью!

И Санталов неспешно зашагал от силившегося преодолеть дрожь в коленках старшего офицера, быстро растворившись в темноте. Барзинчук постепенно приходил в себя, и уже было потянулся к мобильнику — отдать нужные команды, запустить в действие механизм расправы с неугодным взбунтовавшимся подчиненным. Да как он только посмел?!! Щенок! На «ты»! Незаконный вывоз оружия! Угроза убийством начальника! На такой срок закатают!

Но в итоге так и не раскрыл сотовый, заторопился к дому, убыстряя шаг.

О чем в ту ночь думали подполковник и старший лейтенант? Неведомо. Только оба не сомкнули глаз почти до рассвета.

…Следующим утром Виктор положил перед своим непосредственным начальником обещанный, хотя и не ему, рапорт. Не так скоро дело делается: желание Санталова удовлетворили лишь тремя месяцами позднее. Кстати, к тому времени с него давно сняли все взыскания.

И попал боевой офицер вновь в «горячую точку». И всего лишь через две недели его представили к награждению орденом Мужества вторично, только на этот раз посмертно. И некому оказалось впоследствии вручить высокую награду: близких родственников у погибшего не имелось, а дальних искать не стали. И даже толком неизвестно, где же он похоронен.

А подполковник Барзинчук тем временем удостоился перевода в штаб округа, где почти сразу получил очередное воинское звание — полковника. Он славится своей принципиальностью, борьбой за дальнейшее укрепление воинской дисциплины и уставной порядок. В перспективе же «великий изобличитель» усиленно примеряет на себя генеральские погоны.

Умом Россию не понять…

2009

ВСТРЕЧНЫЙ УДАР

Вечером на небольшой железнодорожной станции сделал остановку пассажирский поезд. Среди немногих сошедших с него был и новоиспеченный старший лейтенант по фамилии Серков.

Осторожно обходя лужи на перроне, чтобы не запачкать блестящие, начищенные еще раз перед выходом из вагона сапоги, офицер направился к автобусной остановке. Там он поставил свой командировочный чемоданчик на мокрый асфальт и оглядел знакомую привокзальную площадь.

Знакомую потому, что приехал старший лейтенант в городок, где родился и рос, учился в школе, а потом именно вот с этой станции уехал поступать в военное училище.

…Когда командир батальона объявил Серкову, что тому «предстоит убыть в служебную командировку» — в областной центр, от которого до родины старшего лейтенанта, маленького районного городка, и езды-то было всего ничего, — офицер привычно откозырял:

— Есть убыть завтра, товарищ подполковник…

И только уже выходя из кабинета комбата, вдруг неожиданно понял, что вполне сможет по пути ненадолго заехать к родителям, которых не навещал уже два года. Последний раз гостил по окончании военного училища, да и то немного: скучновато, на море веселее. На Черноморском побережье провел и два очередных отпуска.

Билет Серков взял на самолет, чтобы день-другой выгадать за счет дороги, но от областного центра пришлось ехать поездом — какой уж тут «Аэрофлот».

В вагоне офицер то и дело посматривал на часы, безуспешно пытался читать захваченный в дорогу детектив и, не зная, чем еще скоротать время, чистил в тамбуре и без того сияющие хромовые сапоги. Кажется, впервые в жизни старший лейтенант столь остро чувствовал тоску по родным местам.

Итак, Серков стоял на привокзальной площади. Казалось, ничего здесь не изменилось за два с лишним года. Уличные фонари горели через один, но остановка подосвещалась падающим из окон зала ожидания светом. Внутри будки остановки была набросана куча мусора, единственная лавочка поломана, а из дальнего угла, спрятавшись там от дождя, устрашающе ворчал на всех ничейный пес. Снаружи, по побелке, будку со знанием дела расписали — в основном матерными словами и выражениями.

Серков ничего этого сейчас не замечал. Будущее

представлялось ему блестящим, как новая форменная звездочка, которую офицер, предварительно обмыв в кругу сослуживцев — такая в армии неписаная устоявшаяся традиция, — недавно торжественно прикрепил к своему погону. В мыслях Серков уже встретился с родителями и с гордостью принимал их поздравления с новым воинским званием.

Фуражка у старшего лейтенанта успела промокнуть, когда наконец подъехал полупустой автобус. Расталкивая остальных ожидавших транспорт людей, к задней двери его рванулась юркая бабка с дородным мешком через плечо. «Вот тебе и божий одуванчик, — невольно подумал, сторонясь мешка, Серков. — А прет прямо как бронетранспортер…»

Меж тем бабка, походя двинув поклажей пожилому мужчине в шляпе и с «дипломатом» в руке по очкам, проворно взобралась на первую ступеньку автобуса и застряла со своей ношей в дверях. Не выпуская мешка из рук, бабка молча и упрямо рвалась в салон.

— Ну что же вы стоите, а еще офицер! Помогите же! — сделал Серкову замечание поправлявший очки пожилой мужчина и брезгливо поморщился.

«Советовать-то и я умею», — недовольно подумал Серков.

Без особого желания он высвободил бабку из дверей и помог ей занести мешок в салон автобуса. Божий одуванчик устроился на заднем сиденье, поставив поклажу перед собой и положив сверху, на ее завязку, усохшие пергаментные руки.

— Ну и ну! — заметил, опускаясь на одно из средних сидений, тот пожилой мужчина, что раньше сделал замечание Серкову. — Первобытные люди наверняка культурнее были! — и осуждающе покачал головой, косясь на вцепившуюся в драгоценный мешок бабку.

Мужчине никто не возразил, но и не поддержал его, и он, вздохнув, отвернулся к окну.

Сидячих мест с избытком хватило всем пассажирам. Водитель подождал немного, завел двигатель…

— Э-эй! — раздался голос с улицы. — Стоять, шеф!

И в заднюю автобусную дверь с разгона вломилась разновозрастная компания парней, человек шесть. Они сгрудились на задней площадке.

Парни в компании были чем-то схожи меж собой, хотя на вид все разные: один — чуть не упирающийся головой в потолок автобуса, с пушкинскими бакенбардами; другой — среднего роста крепыш с короткими пшеничными волосами и такого же цвета усами а-ля Мулявин; третий — лысеющий коротышка с красными пятнами на испитом лице, отряхивающий от дождя фуражку-блин

тигровой расцветки. Серкову тут же подумалось, что красное вино, которое пятнистый, похоже, пил сегодня, предательски выступило у него на физиономии.

Среди парней выделялся патлатый, с подбритыми висками подросток, и Серков про себя отметил, что взрослая компания — не для салажонка. Позже-то офицер понял, что общим в парнях было их развязное поведение и то, что все, включая подростка, оказались навеселе.

Автобус отъехал от остановки. Коротышка с испитым лицом начал что-то увлеченно рассказывать товарищам, смачно матерясь почти через каждое слово.

На следующих остановках входили и выходили люди, рассказчик-хам продолжал изощряться в ругательствах, компания парней одобрительно гоготала, а все остальные пассажиры делали вид, будто ничего не слышат.

Впрочем, именно Серков-то сразу внимания на нецензурщину не обратил: мысли его были заняты предстоящей встречей с родителями, да и вообще — подумаешь, эка невидаль, мат. Что, в армии его не услышишь?

Однако сидящий рядом с Серковым, через проход, мужчина — тот самый, в очках и с «дипломатом», — укоризненно взглянул на офицерские погоны. Старший лейтенант почувствовал критический взгляд, понял молчаливый упрек, но… ругающегося парня не остановил, отчетливо понимая, что здесь замечанием не отделаешься. Серков решил выждать время — глядишь, может, все само собой утрясется.

Мужчина в очках буркнул под нос что-то вроде: «Нда-а» — и повернулся лицом к компании, веселящейся на задней площадке. Открыл рот — видимо, чтобы одернуть хама-рассказчика, — но в последний момент передумал и прикусил язык. Вздохнул и отвернулся к окну.

«Жидок ты на расправу, дядя, — мысленно оценил Серков нерешительность Интеллигента, как про себя окрестил мужчину в очках. — Чужими-то руками, понятно, любое дело делать проще. Великий принцип: „только не я“ — сработал».

А почему «не я»?

Неожиданно Серков вспомнил, как товарищ-курсант когда-то рассказывал про один боксерский удар: встречный. Это если кто-то пытается на ринге противнику прямым по челюсти с любой руки въехать, а тот, предугадав движение, уклоняется и одновременно навстречу свой удар в подбородок наносит. И получается таковой в два раза сильнее: скорости-то боксеров складываются…

Пропустившие сильный встречный, который порой

заканчивается глубоким нокаутом, долго потом осторожничают. Даже и на тренировках. А то и вовсе в глухую защиту уходят. А иногда совсем бокс бросают, психологически не в силах преодолеть боязнь снова нарваться на этот страшный и коварный удар.

Вот и Интеллигент промолчал, учтя реальную вероятность подобного, в переносном смысле, встречного со стороны парней. Так же молчали и другие пассажиры, да и сам Серков. Впрочем он-то как раз опасался больше, так сказать, встречного удара последующей степени — негативной реакции со стороны начальства, которое, получив информацию об участии офицера в пьяной драке, вполне могло, особо не разбираясь, эдак «на всякий случай», наказать запятнавшего честь мундира и подразделения…

Увы, постоянная боязнь, «как бы чего не вышло», и сегодня свойственна далеко не только чеховскому герою.

Проехали еще две остановки. Молчаливый внутренний протест пассажиров нарастал. Правда, в автобусе теперь из способных противостоять веселой компании оставалось лишь трое: офицер, Интеллигент да хлипкого вида парень, сосредоточенно крутивший в руках кубик Рубика. Но никто из них так и не решился взять на себя первую роль — как это часто в пиковых ситуациях и бывает.

Часто, но все же не всегда. Меньше года назад Серков оказался свидетелем противоположного случая. Тогда, еще лейтенантом, он тоже находился в командировке — приехал за молодым пополнением в один из уральских городов.

Отметившись с утра на призывном пункте, Серков — так как его команда майских новобранцев должна была сформироваться только через день — поехал знакомиться с городом. Побродил в центре, зашел в универсальный магазин и в парк культуры и отдыха, а потом сел в первый же попавшийся троллейбус и без определенной цели поехал кататься по улицам, иногда меняя транспорт. Подобным эмпирическим способом знакомства с населенными пунктами Серков в командировках пользовался частенько: гораздо интереснее было «выйти» на какую-то уличную достопримечательность, даже не подозревая о ее существовании.

Таким путем и попал Серков в тот раз на окраину города, сойдя на конечной остановке троллейбуса, дабы полюбоваться бронзовым бюстом, как оказалось, увековечивающим память основателя крупного металлургического завода. Справа от троллейбусной остановки дымил трубами этот самый завод. А слева, метрах в ста, возвышалось несколько многоэтажек-новостроек, наступающих на большой пустырь. За ним виднелся молодой лиственный лес.

Серков пожалел, что не успел возвратиться в тот же, что и завез его на окраину, троллейбус, но — делать нечего — стал ожидать следующего. Меж тем из заводской проходной вышли и остановились невдалеке от Серкова две женщины: в возрасте, одетая в строгий темный костюм, и средних лет — в желтом клетчатом платье.

Офицер мало вслушивался в разговор соседок по остановке — что интересного в бабьей болтовне, — но тут внимание всех троих ожидающих транспорта привлекло появление группки подростков, малой скоростью двигающейся мимо остановки, — возможно, к лесному массиву. В центре группы слабо упирался и ежился от тычков и подталкиваний худосочный белобрысый подросток, которого четверо или пятеро его сверстников вели «на заклание».

— Шагай-шагай, сексот несчастный, — худосочному ввалил очередного пинка самый здоровый из «палачей» — длинный и мордастый парень в лимонной тенниске и синих тренировочных брюках.

Как и сегодня, тогда Серков тоже сразу подумал, что надо бы вмешаться и предотвратить расправу, но… Не хватало еще завтра на призывной пункт с синяком под глазом или на скуле заявиться, а ведь подумать начальники могут всякое. Опять же на помощь женщин рассчитывать не приходилось. Ходи потом разукрашенный, доказывай, что ты не верблюд.

И лейтенант мысленно успокоил себя: «Подумаешь, проучат немного ябеду…» С укоряющими взглядами женщин офицер, правда, предпочел не встречаться.

Однако пожилая дама сделала именно то, что надлежало бы сделать ему самому, мужчине.

— Как вы можете? Звери! Сейчас же отпустите его! — гневно воскликнула она.

Даже такой, всего лишь словесный протест против готовящегося «заклания» вызвал немедленное замешательство в рядах «палачей». Чем оперативно воспользовалась «жертва», прорвавшая кольцо мучителей и помчавшаяся наутек в сторону ближайшей девятиэтажки.

Длинный парень выругался, но к женщине при молодом офицере, стоящем рядом, цепляться не посмел и молча отошел со своими приятелями. А вскоре к остановке подрулил очередной троллейбус. Серков в нем ехал и очень радовался, что мордастый не пристал к женщине, ибо в противном случае ему, офицеру, уж не миновало бы вмешаться и… неизвестно, как бы все потом обернулось. А в сегодняшнем случае…

Что ж, Интеллигент расчетливо оценил обстановку и

расстановку сил. Но, не глядя в сторону компании парней, и он, и сидящие в автобусе женщины, и старик со слуховым аппаратом осуждающе посматривали на Серкова, должно быть, про себя возмущаясь: он-то, он, защитник Родины, почему молчит и не наведет порядок?

А защитника Родины злили эти осуждающие взгляды. Нет, он соглашался с теоретическим всеобщим мнением, что офицер всегда и везде должен вершить справедливость, и что военная форма ко многому обязывает, и что… Но…

Но по сути своей старший лейтенант не был героем, правда, и не стремился им хотя бы казаться в глазах окружающих (иные офицеры, он это точно знал, именно так и делали, красочно живописуя свои выдуманные подвиги). И так как, ко всему прочему, Серков обладал весьма заурядной внешностью и силой, то частенько тяготился офицерской формой, отчетливо ощущая, какой тяжелый груз ответственности он несет на плечах вместе с погонами, понимая, что от этого груза не освободишься даже в «гражданке» и на «гражданке» — то есть в гражданской одежде и вне стен воинской части.

Серков и в училище военное поступил не по призванию или, скажем, семейной традиции, а за компанию с одноклассником, увлекшись рассказами того о романтике офицерской профессии. И еще потому, что конкурс в выбранный военный вуз был небольшим. Ан судьба-владычица повернула все так, что Серков-то стал курсантом, друг же до проходного балла не дотянул и угодил в солдаты.

«Что, рискнуть одному выступить против шестерых? — думал Серков, меж тем как автобус продолжал рейс. — Ну, было бы парней двое, даже трое — куда ни шло. Тогда бы и этот, в очках, тоже встал, а сейчас, скорее всего, промолчит. И вряд ли компания настолько глупа, чтобы затевать драку в салоне. Просто выйдут следом за мной на остановке и набьют морду. Ушло время, когда офицер с собой личное оружие круглый год носил и можно было при случае хулиганам пистолетом пригрозить, а то и вообще под дулом до милиции довести. Сейчас — шалишь, пистолет только в наряд да на стрельбы. Ну, еще если начальником караула по сопровождению воинских грузов назначат, тоже в руки получишь. Или, может, оно и правильно? А то как шарахнут вечером сзади колом по голове — из своего же „пээма“ смерть потом примешь. Если же у бандюги стрелять рука не сподымется — все одно, „за утрату личного оружия“ трибунал засудит. Куда ни кинь, везде клин. Вот и сегодня что получается: ты подставь морду, а мы кучей набьем. Самое же паршивое — пассажиры: один посочувствует, другой пожалеет… но никто не

поможет. И уж тем паче не поедет к моему начальнику политотдела свидетельствовать, что я „помогал наводить общественный порядок“».

Поэтому Серков, подобно другим пассажирам автобуса, молчал, не реагируя на ругань, хотя многие из них этим молчанием человека в погонах были ох как недовольны.

Тут подростку с подбритыми висками надоело стоять, и он плюхнулся на свободное сиденье позади Интеллигента. Достал пачку «Примы», закурил, обгоревшую спичку бросил на пол, со смаком затянулся и дым бесцеремонно выпустил в затылок, прикрытый коричневой шляпой. Этого Интеллигент уже не стерпел.

— Да как ты смеешь! Что за хамство! Сейчас же прекрати курение в салоне!

— Заткнись, дядя, а то в момент по хлеборезке схлопочешь. — И подросток выругался: равнодушно и трехэтажно.

Оставшиеся пассажиры автобуса замерли, мысленно возмущаясь столь откровенной наглостью. Бабка на заднем сиденье еще крепче вцепилась в мешок. Но никто не подошел к водителю и не потребовал отвезти распоясавшегося хулигана в милицию.

«Осадить надо хама, извиниться заставить, — думал Серков, тоже мысленно возмущаясь. Но подспудная мыслишка удерживала от активных действий: — Зачем торопиться, по физиономии всегда получить успеешь…»

Гогочущие парни на задней площадке автобуса, замолчав, недобро уставились на Интеллигента. Под тяжелыми взглядами он заелозил на сиденье и стал озираться по сторонам, ища поддержки. Ну не мог он, достоинство не позволяло ругань безнаказанно спустить, а пойти дальше, на обострение ситуации, трусил.

Выход Интеллигент все же нашел, хитроумно переведя разрешение ситуации на Серкова.

— Вот, товарищ старший лейтенант, до чего дожили. И на место поставить некому. За то ли воевали? — с пафосом закончил он.

«Судя по возрасту, вряд ли ты воевал, — с ненавистью подумал Серков. — И на „афганца“ не похож… Но как ловко, паскуда, выкрутился! Если же мне и сейчас промолчать, это будет позор… позор форме…»

И Серков, ошибочно полагавший, что, пока к нему конкретно не обратятся за помощью, поведение его еще не будет явной трусостью, ясно осознал, что теперь выхода нет — обязательно

нужно действовать, и решительно, не надеясь на одни разговоры.

Увы: он боялся действовать решительно, действовать вообще, зная, что неминуемо налетит на встречный удар. Он ведь, встречный-то, настолько многообразен и коварен, что подстерегает нас всю жизнь и на каждом шагу. Можно просто бояться самодура-начальника или прослыть «неудобным» человеком, с которым каши не сваришь, и уже одним этим нажить себе кучу врагов. Можно опасаться, что тебя, из простой вредности, доведут «на всякий случай» до инфаркта или что потеряешь теплое местечко. Можно много претерпеть даже из-за своего таланта, который бесталанным коллегам не по нутру, и они всячески будут жрать и подставлять тебя. Много чего можно…

Впрочем, можно, как и в данном конкретном случае, бояться заполучить самый настоящий, без кавычек, встречный удар кулаком в зубы, а позже — как минимум строгий выговор в личное дело или даже неполное служебное соответствие: своего рода нокдаун.

«Проиграв» в уме ситуацию, Серков рискнул ответить Интеллигенту следующее:

— Ну, знаете… Если бы это касалось меня лично, я бы его поставил на место.

Патлатый подросток прямо-таки взвился с сиденья, выплюнул сигарету, подскочил к офицеру, брызнул слюной и завизжал:

— Чего-о? Да я те, летюха, башку набок заверну! Урою! Кровью харкать будешь! Всю жизнь на лекарства пахать!

Угрозы и ругань лавиной посыпались на Серкова. Подросток был взбешен. Да как кто-то посмел поставить под сомнение его, его силу, когда на задней площадке стоят пятеро здоровенных лбов, которые простым присутствием своим помогают испытывать такое сладостное — особенно по малолетству — чувство власти над окружающими?!

Пассивно сидеть дальше было для офицера опасно, и Серков резко встал. Подросток замолк на полуслове и отскочил в сторону водительской кабины. Он полагал, что офицер сейчас кинется в драку и окажется меж двух огней. Напрасно полагал. Старший лейтенант не спеша прошел на заднюю площадку, к враждебно выжидающим парням, и, обращаясь к ним всем, а в глаза смотря самому длинному, с пышными бакенбардами (считая его верховодом), спросил:

— Мужики, вы не с Водокачки, а?

Водокачкой на местном жаргоне назывался местный микрорайон между основной, старой частью города и вокзалом — район с дурной славой. Там можно было запросто схлопотать по

шее за здорово живешь, если никого из обитателей его не знаешь и попал на улицы Водокачки случайно.

— А че? — вопросом на вопрос ответил длинный парень.

— Вы Лося знаете? — вновь спросил Серков.

…С Лосем он учился одно время в школе. Второгодником тот пришел в их класс в шестом, дотянули его с грехом пополам до конца восьмилетки, а потом Лось школу бросил — знания его давно не интересовали. Зато в шестнадцать лет он уже сформировался во взрослого мужчину с фигурой атлета, а боролись подростки с ним в шутку всем классом.

Вскоре Лось снискал себе могучий авторитет среди молодежи города своими победами в уличных драках, в которые чрезвычайно полюбил ввязываться и иногда провоцировал их сам.

Когда Серков поступил на первый курс военного училища, Лось угодил под суд: опять же за драку. Года через полтора любитель помахать кулаками освободился по амнистии и стал работать шофером в местном автохозяйстве — на водительские права каким-то чудом умудрился в колонии сдать экзамены. К тому времени он вместе с престарелыми родителями переехал в район Водокачки и там быстро утвердился в авторитете среди местной шпаны.

Пожалуй, Серков был единственным, с кем из бывших одноклассников Лось поддерживал дружеские отношения при встречах. Почему?

Все три года совместной учебы, сидя с Серковым за одной партой, Лось списывал у него домашние задания и «выезжал» на контрольных. В какой-то степени именно будущему офицеру второгодник был обязан даже переходом из класса в класс. Видимо, чувство своеобразной признательности невольно впечаталось у Лося в сознание, а уж коль он что-то запоминал, то накрепко.

И еще. Серков к давнему соседу по парте никогда не относился как к отпетому хулигану, к конченому человеку, даже и после его отсидки. Для курсанта — тогда — он был и оставался просто товарищем школьных лет.

Случалось когда-то даже и такое. Уже после ухода Лося из школы он и Серков несколько раз оказывались по разные стороны дерущихся на улице компаний парней. В таких случаях бывший одноклассник, заметив Серкова, предупреждал его коротким: «Уйди!» — и махался дальше с другими противниками. Самое интересное — сражающиеся это воспринимали как должное…

Вот на старом знакомстве Серков и решил сегодня сыграть.

«Какой позор для офицера!» — воскликнет один читатель.

«Почему? Самое оптимальное решение в подобной

обстановке», — возразит ему другой.

Как знать, как знать…

Стоящий рядом с длинным парнем его усатый дружок-крепыш вроде бы заинтересовался Серковым:

— Ты че, разве Лося знаешь?

— Кореша, — почти не моргнув глазом ответил Серков и тут же перешел в наступление: — Слушай, скажи ему, чтоб перестал здесь курить, — и кивнул на патлатого подростка.

Усатый оказался инициативен.

— А ну, закройся, — кинул он подростку, который остановился на расстоянии двух шагов позади Серкова, ожидая развязки. После слов-приказа он покорно опустился на сиденье.

«Да-а… — невесело подумалось Серкову. — Вот и получается, что, имея нужные связи, можно не только дефицитную дубленку по госцене отхватить или там дубинноголового отпрыска в престижный вуз протолкнуть. Со связями — особыми, конечно, — и в темном углу по морде уже не схлопочешь…»

Усатый пожелал продолжить неожиданное знакомство.

— Ты местный, да? — спросил он у старшего лейтенанта.

— Да уж… Как говорится, здесь родился, здесь учился… В школе, конечно, — нехотя усмехнулся тот.

— Служишь-то щас где? — вмешался еще кто-то из компании.

И пошли общие вопросы-ответы: с кем учился, с кем «ходил» в старших классах, кого, кроме Лося, помнишь, на какой улице живешь — жил, вернее. Но, разговаривая с парнями, Серков все время ощущал на себе взгляды остальных пассажиров, в которых, казалось, читалось: «Ах, ты, оказывается, такой же, как и они. Даже хуже: замаскировался, форму офицерскую надел. А мы-то думали…»

Любую форму, а тем паче офицерскую, очень легко опорочить. И если какой-то случайно затесавшийся в ряды армейские алкоголик валяется в ней около водочного магазина, то наблюдающие такую неприглядную картину люди невольно отождествляют с этим алкоголиком всех офицеров: вот, мол, какие вы на самом-то деле… И несут по единичному случаю сложившееся мнение родственникам, соседям, коллегам по работе.

Форма — это ж своего рода ярлык. Однако если около того же магазина будет валяться пьяный, одетый в «гражданку», то мы лишь с большей уверенностью сможем высказаться, что это скорее простой работяга, нежели доктор наук…

Несмотря на то что Серков тогда чувствовал себя заложником ситуации, — понимал, что пассажиры автобуса мысленно уже отождествили с его военной формой и «содержанием» всех

остальных офицеров, — просто так отойти от компании парней он теперь не мог.

Когда же старший лейтенант вышел вместе с ними из автобуса в центре города и волей-неволей должен был с попутчиками за руку попрощаться, тот самый, с красными пятнами на лице, коротышка, который смачно матерился в автобусе, задержал ладонь Серкова в своей и предложил, как утвердил:

— Слышь, начальник… По сто пятьдесят и огурчик, за встречу. Кабак-то рядом… — И завершил свои слова виртуозным ругательством.

Дураку было понятно, что угощать должен именно Серков.

Усатый потянул было коротышку за рукав куртки, вроде: да ладно тебе, пошли, но тот рукав выдернул и возражающее бросил дружку:

— А че такого? Лосю, значит, он кореш, а с нами почему выпить не хочет?

Усатый подумал-подумал и промолчал.

«А вот очкарика бы этого сейчас сюда, — во внутренней ярости подумал Серков про уехавшего дальше Интеллигента. — Ишь как подленько хмыкал, когда я из автобуса выходил. Посмотрел бы, как ты здесь, на моем месте, стал бы выворачиваться… Заполучи-ка, Серый, новый „встречный“: пить-то я с ними не буду, это уж точно красномордый-пятнистый отметил, а попробуй об этом сказать, если они меня уже почти своим считают…»

Тут подросток с подбритыми висками, «закрывшийся», как приказал ему в автобусе верховод компании, впервые оживился, почувствовав, что опять становится «горячо». Просунулся поближе к офицеру и стал сбоку и чуть сзади, правее него, чтобы удобнее было с маху врезать чужаку по скуле, если дело все же дойдет до драки.

Но Серков драться отнюдь не собирался. Он вытащил из кармана кителя десятку и повертел ею перед коротышкой.

— Мужики, — сказал старший лейтенант, — я своих стариков два года не видел. Может, вы дернете сами за мое и их здоровье, а я пойду? — и осторожно протянул купюру красномордому-пятнистому.

— Обижаешь, начальник, я не нищий. — Усатый так двинул в бок своего приятеля, потянувшегося было к дармовым деньгам, что тот зашипел от боли и руку зло отдернул. Серков же молчал, все еще держа перед собой десятку, не зная, как и ответить.

Усатый хотел еще что-то добавить, но передумал и приказал:

— А ну, погнали отсюда.

И компания отошла от офицера, к вящему неудовольствию патлатого подростка.

«В общем, все получилось гадко, ну да и хрен с ним, — подвел итог инциденту Серков. — Кое-как выкрутился…»

Ему захотелось бросить ту злосчастную десятку, предлагаемую парням, но только на один момент, а потом он решил, что деньги тут ни при чем.

Дождь кончился, еще когда Серков ехал в автобусе. Не разбирая дороги, не обращая внимания на выпачканные в грязи сапоги, совсем недавно еще такие начищенные, блестящие, старший лейтенант шел по улице, которая помнила его первые шаги. Желанный родительский дом почему-то уже перестал сильно манить, да и вообще офицер думал, что совершенно непонятно, с чего это он так стремился сюда, в маленький, столь неласково встретивший его, когда-то родной город…

1984

АДЮЛЬТЕР

— У, старый пенек Кеша… Считай, одной ногой на «дембеле», а туда же: клюкнул на халяву и воображает себя Наполеоном, — поглаживая ус, шепнул капитан Кольский капитану Репнину.

В дружбе двух офицеров Кольский однозначно играл первую скрипку; он же первым поднялся по служебной лестнице до должности заместителя командира учебной роты. Репнин, всегда довольствовавшийся вторыми ролями, продолжал тянуть лямку взводного.

Командир учебной роты майор Лапиков по-хозяйски восседал на бетонных ступенях солдатской казармы, для вящего комфорта подоткнув под зад рабочую тетрадь-ежедневник. Офицер курил, а мимо, по кругу, горланя до срыва голосовых связок строевую песню, тяжело тупали солдатские ряды.

— Ишь, и домой не торопится, — продолжал злоязычить Кольский. — Оно конечно: там жена каждодневно бухать не даст! А сегодня вообще подвезло — с отцом солдата употребил, теперь и песенку послушать не прочь. Бесплатный кабак!

— Хорош ныть, — перебил Репнин сослуживца и тут же поморщился. — Ну, орут! Как будто каждому пообещали полслужбы за рев скостить.

Кольский взглянул на часы и вяло буркнул:

— Когда ж ему надоест и нас, и солдат мариновать?

— Во-во, у него и поинтересуйся, — посоветовал Репнин и сплюнул. — Он те живо на практике докажет, что у офицера день ненормированный. Забыл, как до после отбоя тумбочки и тапочки проверяли?

Поскольку за майором Лапиковым подобная практика и правда водилась, Кольский ничего не возразил по сути, но выдал приглушенную тираду на командирском языке, основу которого составлял язык «материнский».

Тут комроты наконец-то решил, что последний круг солдаты прошли-пропели на уровне, и поднялся со ступеньки — с усилием мужчины, давно знающего толк в горячительных напитках. Приказал распустить роту на вечерний отдых, подозвал к себе подчиненных офицеров. И не спеша, с расстановкой стал пояснять расклад времени для каждого из них на завтрашний день.

— Да, про самое-самое чуть не забыл, — щелкнув пальцами, добавил он в конце инструктажа. — Через два дня взвод направляем в командировку, в помощь военным строителям. Сдача полевого аэродрома у них горит. Добровольцы есть?

Недовольное молчание — а кому ж охота от семьи и благ

цивилизации на месяц, да в полевые условия — рискнул нарушить засидевшийся во взводных капитан Жарков. В части его, подшучивая, порой называли «карьеристом», а молодые парни на улице однажды даже в открытую поиздевались: «Ты смотри, седой, лысый — и уже капитан!» «Надо же, и правда: уже капитан…»

Итак, капитан со стажем осторожно предложил:

— Товарищ майор… А если кинуть на спичках?

— Ты мне эту демократию фулеву брось, — погрозил ему толстым пальцем ротный. — В таком случае добровольцем назначается… Репнин!

«Доброволец» едва сдержался, чтобы не изругаться по поводу командирского решения: такой срыв грандиозных грядущих планов! Но — человек в погонах — человек подневольный — кисло выдавил:

— Есть!

— Не горюй, Вовчик! — как мог ободрял друга Кольский. — Развеешься, куча новых полевых впечатлений… При удачном раскладе еще и трахнешь какую-нибудь сельскую мадам, а это очень положительный факт…

— Да пошел ты! — скривился Репнин и на какое-то время замолчал. Потом потянул сослуживца к контрольно-пропускному пункту, на языке военных, КПП. — Ладно, пошли. Разговор есть…

— В общем так, Юра, — заговорил Репнин вновь, уже миновав КПП. — К тебе, как к другу, просьба… Но только чтоб никому… Добро?

— Заметано, — пообещал заинтригованный Кольский.

— Понимаешь… Есть у меня одно подозрение… — Не окончив фразы, Репнин на секунду прикусил нижнюю губу.

«Черт… Жалеет уже, что разговор начал», — подумал снедаемый любопытством Кольский, но деликатно промолчал, давая возможность сослуживцу самому решить, продолжить либо прекратить откровения.

— Подозрение, — облизнув губы и с усилием сглотнув, продолжил-таки Репнин, — что моя благоверная… погуливает на стороне.

«Вот это номер! — про себя ахнул Кольский. — Крыша поехала, что ли, такие вещи светить? И даже мне…»

А Репнин, теперь уже торопливо, как бы еще боясь пойти на попятную, пояснял суть просьбы:

— Хочу, чтоб ты, как я в командировку уеду, на квартиру к нам зашел вечером. Лучше — в пятницу там или в субботу. Просто посмотришь, одна Надежда будет или… — И снова оборвал фразу на середине.

Кольский с нескрываемым интересом и долей замешательства быстро глянул в глаза приятелю, впрочем, тут же взгляд отведя: слишком уж об интимных вещах речь зашла, да еще в таком до неприличия откровенном ракурсе. А впрочем, чему бы тут удивляться…

Жену приятеля офицер хорошо знал: несколько раз праздники семейно встречали, да и вообще… Эффектная рыжеволосая женщина — чем-то она напоминала великолепную породистую лошадь, ухоженную и баснословно дорогую, — умела и любила пофлиртовать. Что и говорить: московское воспитание, московский вуз, откуда ее и выхватил заканчивавший столичное общевойсковое училище Репнин и скороспело повел под венец.

И вот теперь дочь-дошкольница который год живет в тепличных условиях первопрестольной у бабушки с дедушкой, а неполная офицерская семья за тридевять земель, во времянке прозябает. Как, впрочем, и многие другие страдальцы от армии, не имеющие надежды на собственное жилье в обозримом будущем.

…Уже тяготясь ситуацией, Кольский попробовал сделать хорошую мину при плохой игре.

— Володя, да как-то оно, знаешь… — и в замешательстве погладил ус. — Не есть положительный факт. И вообще: по домам пора.

— Юра, ты чего? — взмолился Репнин. — Я ж тебя не подглядывать заставляю.

И столько униженно-просящего читалось в глазах друга, неожиданно открывшегося в своих подозрениях, что Кольский тут же и сдался.

— Хрен с ним! Раз просишь — зайду. Только вот зачем? При наличии отсутствия хозяина…

— А я тебе вот чего… Книжку какую-нибудь дам. Скажешь, мол, побыстрее вернуть просил.

— Тогда ладушки, — с некоторым оттенком брезгливости, жалеючи приятеля, через силу согласился исполнить его сомнительно откровенную просьбу Кольский. В душе он сразу решил, что, случись ему заподозрить в измене собственную супругу, он бы, во всяком случае, по пути Репнина точно не пошел, а так или иначе попытался справиться с проблемой сам.

Через день комвзвода-«доброволец» вместе с личным составом уехал на полевой аэродром. А еще дня через четыре Кольский после работы постучался во флигелек, что снимал за «ну очень смешную дену» сослуживец с женой. Под мышкой капитан держал подарочное издание Ильфа и Петрова. (Решение нанести нежданный визит Репниной офицер принял после

долгого размышления-поглаживания усов перед открытым сейфом в ротной канцелярии — именно на его полке покоился нераскрытый предлог для проверки супружеской верности.)

Дверь Кольскому открыл рослый кавказец лет тридцати с массивной золотой цепочкой на мохнатой груди и перстнями-печатками на безымянных пальцах.

— Ты кто такой, панимаешь? — недружелюбно поинтересовался он.

— Надежда дома? — вопросом на вопрос ответил офицер.

— А я гаварю: ты кто такой? — упорствовал кавказец.

Но тут в дверном проеме появилась и сама квартирантка флигелька. Улыбающаяся. В коротком ярком сарафане. С пышными распущенными волосами цвета светлого меда. И босиком.

При виде Кольского улыбка сразу потускнела и сползла с лица женщины, на секунду уступив место приоткрытому рту и нахмуренным бровям. Но лишь на секунду, а в следующую Репнина умело вернула ее в глаза и губы. И зачастила:

— Привет, Юра, знакомься, это Ашот. А это — Юрий, начальник мужа. Ты проходи, проходи, как раз к столу: подруга с ребятами зашла, отдыхаем.

— Нет-нет, — начал отказываться Кольский. — Тут вот Володя книгу просил срочно вернуть, ну я и занес…

— А-абижусь, — почти пропела и тряхнула локонами Надежда. — Какой же мужик от рюмки коньяка отказывается? Ведь после службы… Расслабься. — И решительно взяла офицера за локоть: мол, пошли-пошли.

Ашот недовольно засопел, но смолчал, пропуская временную хозяйку флигелька и нового гостя перед собой.

По достоинству оценив взглядом накрытый стол — суджук, копченое мясо, шпроты, сыр, жареная картошка, овощной салат, зелень, напитки и присахаренные лимоны, — Кольский поздоровался еще с одним кавказцем, неточной копией Ашота, и вертлявой поношенной блондинкой, физиономия которой сразу напоминала о существовании третьесортных косметических магазинчиков.

— Аршак, Света, — представила их Надежда. — Юра, командир мужа. — И посоветовала-скомандовала: — Вновь прибывшему — штрафную!

Аршак щедро налил коньяка в фужер для шампанского, а офицер «профессионально» отметил, что «Арарат» для обладателей дорогостоящих золотых украшений — вариант далеко не из лучших: могли бы уж на «Ереван» или «Юбилейный» разориться.

«Ладно, халявному коню в рот не смотрят. В конце концов не „Массандра[3]“ же», — про себя усмехнулся Кольский и ловко опрокинул содержимое бокала в рот.

К чему-чему, а к таким «подъемам переворотом на одной руке» кадровые военнослужащие зачастую приучаются еще с лейтенантских погон.

— Мужчина! — цокнул языком Ашот, потеплевшим взглядом наблюдая за капитаном, скромно зажевывающим «Арарат» лимонной долькой. — Аршак, теперь всем!

Налили. Выпили. Дамы потребовали свежих анекдотов. Мужчины это желание с блеском исполнили. Открыли еще коньяк. Снова налили и выпили — женщины предпочитали шампанское. Включили кассетный магнитофон. Немного попрыгали скопом на ограниченном пространстве под быструю импортную мелодию.

Кольский все порывался распрощаться, прекрасно сознавая — как, впрочем, и остальные в комнате, — что он лишний в отдыхающей кампании, где роли, по всему судя, распределены заранее, и в душе с иронией уже жалея друга-лопуха, оказавшегося пророком в своих доверительных, как на исповеди, признаниях.

Но Надежда не давала капитану уйти, хотя и Ашот уже дважды прозрачно намекал на «панимаешь, у Юры, может, совсем срочное дело». Аршак, тот больше молчал и больше пил.

«Чего она, действительно, время тянет? — поглаживая ус (привычка-паразит), недоумевал Кольский. — Прекрасно ж понимает, все равно — пои не пои, а Вовке шепну про неположительный факт. И вообще: зачем приглашала? То б я еще посомневался, а так — явно видно: трахаются они, и может даже вперемену… Хотя если б книгу взяла и подосвиданькалась сразу, я б тоже решил: трахаются…»

— Мальчики, удобств нет, мы со Светой выйдем на минутку, — прервала тут размышления офицера Надежда.

Женщины покинули комнату. Немногословный до того Аршак моментально обрел дар речи.

— Слышь, капитан, или как тебя там… Ты долго еще будешь здесь мешаться? Видишь, люкс занятый. Налей и дергай, пока я добрый.

— А я и не напрашивался, — огрызнулся Кольский. — Оно мне надо? Да если б не Надежда… Вон, он видел, — и кивнул на Ашота.

— Ты бедным-то не прикидывайся… Полководец… — не отставал Аршак. — И на женщину не спихивай; как мужчина, за себя ответь.

— Да пошли вы все! — Кольский вскочил со стула.

— Сядь! — вступил в перепалку и Ашот. — А ты памалчи. Я сам разберусь, кто лишний… — И быстро вышел из комнаты.

С минуту Кольский и Аршак оставались один на один и, не глядя друг на друга, занимались каждый пустым делом: кавказец выщелкивал лезвие ножа-кнопочника и прятал назад, в рукоятку, а офицер вяло катал по столешнице хлебный шарик. Но вот в комнату вошла Света.

— Аршак, Ашот зовет, — буднично сообщила она и уселась на свое место. Кавказец нехотя поднялся и исчез за дверью. Взамен него через минуту появилась Надежда.

— Земляк какой-то их даже у меня нашел, — спокойно пояснила Репнина. — Значит, действительно нужны были. В общем, Юра, разливай…

— На посошок, да я тоже пошел. — Кольский потянулся к остаткам шампанского. — И без того засиделся.

Конечно, офицер сразу понял, что никакого земляка кавказцев на деле и не было, просто это Надежда их сама из флигелька наладила. Так не дожидаются ли его самого Ашот с Аршаком где-то неподалеку, чтобы расквитаться за порушенный уют? Да и кулаки-то еще ладно, а вот нож-кнопочник…

Хватнув еще рюмку коньяку, Кольский почувствовал, что глаза у него слипаются, — подошел к границе своей нормы спиртного. Но откланяться у него в который раз не получилось: подружка Надежды опередила.

— Ну, я улетаю, — пропела она, схватила сумочку, чмокнула Репнину в щечку, капитану сделала ручкой и в мгновение вымелась из комнаты.

— Я тоже, — потянулся за фуражкой Кольский.

— Подожди… — Надежда вылила последний коньяк в фужер, почти до краев наполнив его. — Допей, не пропадать же добру.

Как офицер ни отнекивался, женщина заставила его через силу дотянуть спиртное до дна, а затем обворожительно улыбнулась и попросила:

— Юра, а может, теперь ты мне без вранья расскажешь, зачем пришел?

— Дак я ж и говорю: книга… — промямлил не готовый к правдивому ответу Кольский.

— Ой, только не пудри мне мозги, — уже со злостью заявила Надежда. — Репнину она еще три недели не понадобится, а мне — так и вообще сто лет. Короче: подкадрить меня захотел или?..

Покрасневшее от коньяка лицо Кольского теперь побагровело. Он молчал и в душе проклинал минуту, когда пошел на поводу у приятеля, согласившись проверить супружескую

честность его половины.

— Так. Будем считать, что не «или»… В таком случае кадри, — подытожила Надежда.

Подошла почти вплотную к незваному гостю, наклонилась к его лицу — в оттопырившемся вырезе сарафана заколыхались полные груди — и смачно поцеловала в губы. Тут же выскользнула из рук потянувшегося было машинально к ней опьяневшего офицера, отшагнула на середину комнаты и медленно, соблазнительно двигая бедрами, стянула через голову сарафан. Потом, повернувшись к оцепеневшему на стуле мужчине спиной, аккуратно освободилась от крошечных трусиков, сначала опустив их до щиколоток, а затем перешагнув. На конечной фазе домашнего стриптиза развернулась к нежданному гостю лицом, чуть расставила длинные загорелые ноги и расчетливым движением рук соблазнительно откинула назад свои роскошные медовые волосы.

— Красивая я, а? — усмехнулась Надежда. — Чего молчишь?

— Д-дда… — хрипло подтвердил Кольский.

— Так какого ж ты? Повторяю: пришел — кадри…

Уже около полуночи обессилевший и протрезвевший Кольский медленно брел по тротуару в направлении родной воинской части. В принципе, деньги-то на такси у него были, но офицеру сейчас неосознанно захотелось уединиться и уж тем более не видеть перед собой до оскомины знакомое лицо жены, не сближаться с ней телесно. Нет, конечно, капитану и раньше приходилось изменять своей слабой половине, однако никогда еще у него не было столь любвеобильной, ненасытной и искушенной в постельных играх секс-партнерши. Для нее не существовало никаких табу, никаких рамок.

«Это действительно женщина с большой буквы, — мысленно восторгался офицер. — Да ведь она же меня, можно сказать, до дна выпила! И, главное, была не прочь еще… Куда уж тут Вовчику… Ч-черт! Это вовсе не положительный факт…»

Кольский на секунду замер на пустынной улице и в растерянности погладил ус. До него наконец дошло, что он, поддавшись женским чарам, предал друга. Между прочим, раньше ему никогда не доводилось встречаться с обманутым им мужем, а теперь придется: не раз, постоянно, на людях…

На душе стало до омерзения противно, захотелось стереть с губ жаркие поцелуи Надежды, смыть ее трепетные прикосновения к телу, вернуться на несколько часов в прошлое и закрыть сейф в канцелярии, не вынимая из его недр Ильфа и Петрова. И хотя Кольский весь оставшийся до роты путь продолжал убеждать себя, что все произошло вовсе не по его вине, а по

обстоятельствам, гадливое чувство — смесь стыда и презрения к себе — не покидало его.

«В конце концов, сам виноват: соображать надо, о чем просишь», — теперь со злобой и без жалости подумал он о друге, переступая знакомый порог КПП. Об Ашоте и Аршаке он так и не вспомнил.

Придя в роту, капитан первым делом подстраховался: позвонил соседу, пенсионеру-отставнику, извинился и попросил, несмотря на поздний час, предупредить жену, что он, Кольский, по служебной необходимости сегодня заночует в подразделении. Потом долго стоял под прохладным душем…

Насколько справедлива поговорка: мужчина изменяет головой, а женщина — сердцем? Все ли человеки сильного пола быстро забывают о своих супружеских грехах? Судить трудно. Кольский, например, четвертую Божью заповедь — «не прелюбодействуй», повторимся, нарушал уже не раз, но теперь это произошло вкупе с поруганием десятой заповеди — «не пожелай жены ближнего твоего». Он — возжелал, и потому, проснувшись утром в ротной канцелярии, еще продолжал размышлять, как теперь будет строить отношения с сослуживцем и смотреть ему в глаза.

О своей собственной супруге и ее глазах капитан почему-то особо и не задумывался. Наверное, потому, что позднее посмотрел — забегал позавтракать — и ничего, все оказалось в норме.

Время, время… Иногда даже и по людским меркам сравнительно небольшое, оно круто меняет жизнь. Недели через две после «возвращения книги» жене сослуживца Кольский совсем по-иному воспринимал свое предательство — измену другу. Более того, теперь он почти гордился своим поступком, подумывая: а не зайти ли к любвеобильной женщине еще раз? Правда, благоразумие пока удерживало офицера от практических шагов. И тем не менее неординарное для Кольского событие — по жизни он не был и даже не стремился на словах прослыть донжуаном, довольствуясь адюльтером при случае, — продолжало переполнять его мысли и рвалось к голосовым связкам.

Сорвался капитан в преподавательской учебного корпуса, где в тот час сидели — кто за планом занятий, кто за конспектом — несколько офицеров. Войдя в заставленную письменными столами комнату, Кольский о чем-то заговорил с замкомандира соседней роты и, прямо сказать, вовсе неожиданно для себя, поглаживая ус, вдруг произнес:

— Да, кстати. Недавно трахнул жену офицера из нашей части. Это очень положительный факт! — И почувствовал явное

превосходство над всеми присутствующими.

Эх-х! Слово — не воробей…

Через полчаса слышавший хвастливое заявление ветеран-взводный Жарков проболтался о нем (правда, без злых намерений) замполиту роты, где проходили службу и сам «уже капитан», и Кольский, и Репнин. А вот замполит с этой информацией отправился прямиком в кабинет начальника политотдела учебного полка.

Информация немедленно вызвала у подполковника Холодова соответствующие размышления. Он был достаточно неглупым человеком: несколько лет назад, прибыв на должность пропагандиста соединения, изловчился так подсидеть непосредственного начальника (сумел дознаться: тот еще во время Великой Отечественной с месяц пробыл в штрафбате и успешно скрыл затем этот кусок жизни для анкет), что его с треском выгнали на пенсию — с минимальной выслугой лет. Холодов же, «ратовавший за правду», моментально вознесся со своего стула до второго по значимости кресла в воинской части.

Посему главный политический стратег учполка, давно мнивший себя полубогом для подчиненных, оперативно и с большой вероятностью вычислил искомую фамилию офицера-рогоносца. А в амбарной книге с черным переплетом, где Холодов для каждого офицера и прапорщика части отводил несколько страниц под запись об их негативных поступках, под фамилией Кольского появились следующие фразы:

«30.06.80. В преподавательской во всеуслышание декларировал свое моральное разложение. Задействована (со слов) супруга другого офицера. Проверить по всем каналам, подключить женсовет».

Всех каналов, по которым к Холодову стекалась информация, мы не знаем. Однако есть правдивое предположение, что он сумел удачно внедрить Надежде Репниной в подруги своего человека из состава женсовета части. А женский язык болтлив никак не меньше мужского. Иначе чем объяснить уверенность Холодова в нужном исходе политотдельской авантюры? Через солдата-посыльного подполковник вызвал жену обманутого офицера в кабинет и там в присутствии упомянутого замполита роты показал ей якобы написанное Кольским собственноручно признание-раскаяние в адюльтере.

Надежды Надежды откреститься от плотского греха Холодов разрушил изящным ходом: готовностью пригласить Кольского на очную ставку, и оная позднее действительно состоялась. А в тот день Репнина подставилась и со слезами на глазах созналась в прелюбодеянии с начальником мужа. На бумаге, впрочем,

переложила весь грех на мужчину: мол, пришел уже нетрезвый, выгнал гостей, ее взял силой, хотя в милицию она подавать заявление о случившемся не желает, да и свидетелей преступления нет.

Дальнейшая судьба Кольского была решена в течение сорока восьми часов: после «кровавых» разборок в политотделе с выворачиванием наизнанку грязного белья — Холодов требовал подробнейшего рассказа о таких деталях адюльтера, от которых краснел даже много чего повидавший на своем веку командир учебной части, — капитан срочно убыл к новому месту службы: в тмутаракань и на должность старшего лейтенанта. Погоны с четырьмя звездочками ему, правда, сохранили.

И комроты Лапиков и даже сам командир части пытались отстоять перспективного офицера, предлагая перевести его с понижением на должность командира взвода в другой батальон. Однако начальник политотдела пригрозил вышестоящим командованием, которому «очень интересно будет узнать, на каком основании столь активно защищается половой маньяк, место которому за решеткой», и все быстро сдались.

Впоследствии комполка не раз говаривал, что в лице Кольского он потерял хорошего командира роты…

А еще через несколько дней из командировки возвратился Репнин. История с адюльтером его жены и лучшего друга к тому времени получила широкую огласку в части (больше всех здесь преуспел женсовет), и над офицером — рогоносцем злословили в глаза и за глаза.

Правда, не все. Тот же Лапиков к беде подчиненного отнесся с искренним сочувствием, сумев убедить Репнина не мчаться сломя голову в Москву за сатисфакцией, поскольку Надежда еще до приезда мужа скоренько укатила в столицу и больше не возвратилась, а письменно подала документы на развод.

— Выпей литр водки, и пусть катится к такой-то матери — оно и на душе полегчает, — философски присоветовал майор. — А удержать не удержишь, раз такая… гм… петрушка вышла. Ладно, жена — она не мать или сестра, замену всегда найти можно. Вот дочь — да, жалко… Но все равно, пускай идет с миром…

Репнин так и сделал, за что и имел потом весьма продолжительную беседу с подполковником Холодовым.

— Какой же вы — офицер, командир, педагог, воспитатель — подаете пример подчиненным, оставляя дочь без отца? Мало ли что в жизни не случается — надо уметь прощать, — поучал командира взвода начальник политического отдела. — Настоятельно рекомендую…

Однако Репнин не простил, а посему, разбирая впоследствии его кандидатуру как одну из возможных на вакантную, после перевода Кольского, должность заместителя командира учебной роты, Холодов высказался категорически против.

— Разведен, вдобавок — неискренен, — объяснил он свою позицию майору Лапикову.

— Это в чем же конкретно? — не понял ротный.

— А когда я в процессе заседания аттестационной комиссии задал вопрос, чем вызван распад его семьи, он что заявил? Что с супругой «не сошлись характерами»?

— Ну, помню… — неохотно согласился Лапиков. — Только вы-то чего хотели: чтобы он при всем честном народе себе еще раз сам соли на рану насыпал? Парень ни в чем и на грамм не виноват, а вы… И как только язык повернулся…

— Выбирайте выражения, товарищ майор! — надулся начальник политотдела. — И зарубите себе на носу, что у вас есть единственное право решать, а именно: как лучше выполнить приказ вышестоящего командования! А приказом на вакантную должность будет назначен капитан Жарков. С ним и работайте.

— Репнин по всем статьям на две головы выше его, — проворчал Лапиков. — Да к тому же Жарков даже меня старше. Через год на пенсию уйдет.

— Вот! Тогда и вернемся к отбракованной кандидатуре, — подытожил Холодов. Подумал и добавил: — Если, конечно, она за это время представит мне новое свидетельство о браке…

…С тех давних застойных лет утекло уже немало времени. Начальником политотдела учебной части стал бывший замполит роты, где когда-то служили Кольский и Репнин. Подполковник Холодов, благополучно выслужив тридцать три календарных года, уволился в запас, в своем напутственном слове пожелав молодым офицерам так же, как он сам, «непримиримо бороться с недостатками, недоустраненными в процессе дальнейшего воспитания личного состава, и расти над собой». Не прошло и трех лет, как Холодов мирно почил в бозе, и на похороны его никто из офицеров и прапорщиков части не пришел.

И еще. Недавно Репнин и Кольский — оба уже в годах, пополневшие — волею случая недавно встретились во время совпавшего отпуска в каком-то пансионате. Купались и загорали, пили водку и даже на пару ходили в гости к двум особам слабого пола. О пресловутом адюльтере за все время культурного отдыха офицеры даже и не вспомнили. Кстати, Репнин так и не женился вторично, со временем почувствовав вкус к «свободной жизни». А с Кольским жена, хоть и официально не развелась, в тмутаракань жить не поехала. Так что усилиями покойного ныне человека

друзья в плане «семейного счастья» почти сравнялись.

Пикантная деталь: трахали они на пару в отпуске, и позднее, поодиночке, не разведенных, вдовых или незамужних женщин, а исключительно только семейных баб. И, как пояснял, поглаживая поседевший ус, подполковник Кольский, «сие есть огромный положительный факт». Майор Репнин с этой мыслью соглашался на все сто процентов.

1996

«САМОХОД», ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ САМОВОЛЬНОЙ ОТЛУЧКИ

Самовольное оставление части или места службы на короткий срок (для проходящих военную службу по призыву-менее двух суток) на языке юриспруденции именуется самовольной отлучкой. В Вооруженных Силах РФ этот термин является единственным официальным, но в армейском обиходе существуют и сленговые определения-синонимы — «самоволка», «самоход», «сочи» (последнее — вариант аббревиатуры от «самовольного оставления части», еще и основанный на принципе сходства: и в курортной «столице» России, и в «самоволке» отдыхают лишь временно).

Суровее всего за самовольную отлучку наказывали в третьем рейхе: нередко приравнивали ее к дезертирству и карали смертной казнью. Ну а в нынешней Российской Армии эти понятия разграничены. Так, для солдата «самоход» до двух суток хотя и считается грубым дисциплинарным проступком, однако влечет за собой лишь дисциплинарное взыскание, но не уголовную ответственность. Самовольное оставление части на срок до месяца уже предполагает арест до полугода, либо содержание в дисбате до двух лет, или лишение свободы до трех (статья 337 Уголовного кодекса РФ). Дезертирство же (статья 338) наказуемо исключительно тюрьмой.

Конечно, в реальности «самоволки» случаются разные, пусть суть у всех и одна. По-разному их оценивают и занимающие различные армейские должности лица. А вот чья оценка ближе к истинной — судите сами.

Начальник патруля, лейтенант

Странный он какой-то, вчерашний «самоходчик», был. Словно у него не все дома. Или под дурака работает — с такого, мол, и спроса меньше. И все же абсолютно неясно, чего солдат в парке на клумбу так пялился? Впервые в жизни розы увидел? Ну, был бы еще, к примеру, с девушкой… Да куда такому коротышке! Полтора метра с кепкой. Заверни в цветную бумагу, ленточкой блестящей перевяжи — подарок одинокой женщине ко дню Восьмого марта.

Еще не всякая и примет: слабый пол на маломерков скупо клюет.

Нет, правильно я сделал, что не повел задержанного к нему в часть, хоть она и под боком у городского сада, а прямиком отволок в комендатуру. А ну за все дежурство никого бы больше не задержал, так комендант непременно прицепился бы: «А-а-а! От службы лытаешь? За целый наряд не пресечь ни одного грубого нарушения? Халтурщик!»

Известно, как иные старшие офицеры в патруле нарушения добывают. Скажем, начальник кафедры иняза училища только в патруль заступит, сразу же — шасть на рынок! Узрит орлиным оком лейтенанта — сейчас курсант-патрульный его к полковнику подзывает. А уж тот пытает: «Почему и что здесь делаете в рабочее время?» Два капитана прошли и друг другу воинскую честь не отдали: «Кто дал право игнорировать устав?» Майор с женой идет, хозяйственную сумку в руках тащит: «А на каком это основании вы нарушаете форму одежды?» И всех задержанных живо на карандаш…

К тому же прямо у входных ворот рынка пивная-пельменная. Не проходите мимо — за день столько офицеров и прапорщиков «за употреблением спиртных напитков», пусть и не в рабочее время, но в форме попадется. Почет и уважение герою-полковнику!

Не-е, мне со своими погонами на рынке нарушения коллекционировать ранг не вышел. Так что спасибо задержанному солдату — не пустой наряд получился. И то: нарушил воинскую дисциплину — отвечай, парень, по всей строгости. На то она и армия…

Командир отделения, ефрейтор

Вот же учудил, дурачина! А нагоняй от взводного и мне перепал. Конечно, замкомвзвода похлеще досталось — ну, на то он и сержант, изволь погоны свои унтерские отрабатывать. Но мне-то на фига сдались эти бесплатные ефрейторские лычки? Денежное довольствие — как и у рядового, зато спрос — огромадный. Да уж, не зря какая-то сволочь сочинила: ефрейтор в авиации — что хрен в канализации!

Паршивее-то всего что: и я, и ребята с отделения — одного призыва. Требуй, да оглядывайся, как бы куда не послали. Не жизнь — малина: хлопот полон рот, а закусить нечем.

А что наш «самоходчик» через забор «ноги сделал» — элементарно. Гражданским воздухом подышать захотелось. Э-э, да разве объяснишь это тупорылому начальству? Только, с другой стороны, если тебя в увольнение и не пустили, отказ еще не

причина, чтоб вот так нагло, среди бела дня, в побег сматываться: ведь не умер же у тебя никто.

Мне, может, не закованной в уставной распорядок дня жизни побольше твоего хочется. Однако если каждый солдат начнет по собственному желанию через забор сигать, какая ж это будет армия?

Заместитель командира взвода, сержант

Тоже мне, твою мать, морской пехотинец долбаный! Закон: «не уверен — не обгоняй», он и для «самоходов» справедлив. Рановаты они тебе, мелочь худосочная, по сроку службы. Вот станешь сержантом — тогда и выходи в «сочи» прямо через КПП: там же наш брат-сержант службу правит. Я в наряд заступлю — его, в свой черед, прикрою. Да не быть тебе «замком», слюнтяй, от горшка два вершка, каракатица, чтоб тебе всю жизнь на срочной службе бесплатно прокантоваться!

Ладно, за долгую нотацию от ротного я еще на тебе сполна отыграюсь. Как только в подразделении обозначишься, так сразу и угодишь на «интеллигентную» «очковую» работу. Сортиры драить. В поте лица, зубной щеточкой и с песочком. Вот в клозете у этого недомерка и будет достаточно времени поразмыслить о суровой необходимости соблюдения воинской дисциплины. И о роли сержантов в армии.

Командир взвода, старший лейтенант

Ох и паршивец, ох и подкинул подарочек! А на вид — тихий-смирный-незаметный. Да-а… Все они хороши, пока спят зубами к стенке, а на деле, куда солдата ни целуй, у него везде сплошная чугунная задница.

Вот тебе и выехал в кои-то веки, в выходной, с семьей на природу. Зато в понедельник с утра — заполучи, старлей, на всю глубину! Ротный так орал — чуть слюной не подавился. И «где тебя носило», и «почему посыльный три раза впустую бегал», и «ты хотя бы в курсе, что в твоем взводе ЧП? Нет? А после упоротого косяка за получкой в финчасть прибыть совести хватит? Лентяй всемирного масштаба! Короед на теле армии!»

Ну, тут, конечно, майор через край хватил. Обидно. На взводе и со взводом едва не спишь, а стоит только где ма-аленький прокол допустить — затыкай уши от воплей своры начальников, а то и тащи служебную карточку, где щедрое командирское перо

моментом впишет очередную «благодарность».

А-а… Работа с людьми — это с людьми работа: успевай только, поворачивайся. Тем паче, если сержант у тебя лоб здоровый и это чуть ли не единственное его достоинство. Поневоле до печенок прочувствуешь мудрость поговорки: «Лучше тридцатью сейфами командовать, чем одним рядовым». Точно, сейф — он в «самоволку» не убежит. Не то что этот мелкий и бесцветный сукин кадр. Правильно командир его на «губу» законопатил, а выйдет — я самолично оставшуюся дурь своими методами повыбью. В конце концов, армия — это не школа, где нерадивых на второй год оставляют. И вообще: сердобольные мамаши дома остались, а здесь по полной программе свой священный долг Родине отдай — не греши! Это вам не английский колледж для джентльменов, а армия!

Замполит роты, капитан

Вот и заработали уже мы в этом месяце грубое нарушение воинской дисциплины. С кого спрос? Конечно, с командира взвода — в первую очередь, это его подчиненный. Уж потом с меня и ротного. Нет, зря он солдата так оперативно на гауптвахту оформил. Мальчишка он, школьник даже по виду, и служит-то всего ничего. Не доучили мы его, а вернее — не научили почти ничему.

А учить следует, но только не как в иной школе на начальной военной подготовке. Там бывает, что военрук сам хорошо знает, то без меры и навязывает: кто радиосхемы во всю доску, кто на строевой подготовке зациклен, а кто учебный автомат АКМ до посинения разбирать-собирать заставляет. Нет чтобы хоть раз в класс пару берц и портянки принести да на деле показать, как эти портянки правильно следует наматывать. Результат на ногах проявляется, когда вчерашние школьники становятся сегодняшними новобранцами: многие быстро натирают на пальцах и пятках кровавые мозоли.

Задуматься, так разве всякая семья сына к армии правильно готовит? Чаще папа с мамой службой пугают, как тюрьмой. Мол, там узнаешь, почем фунт лиха! Там человеком сделают. Как будто до призыва глупое животное растили.

Про тех родителей, которые свое чадо за наличные или по праву власть имущих от срочной службы отмазали, и вовсе говорить не хочу. Ругают вот застойные брежневские времена, а тогда уклонистов единицы были, ныне же пачками от повестки хиляют…

Ну, это разговор отдельный, а возвращаясь к нашим баранам, приходится признать, что детально про службу в армии допризывники больше с улицы узнают. Так же, как и про всякие подробности на половую тему, и столь же извращенно. И почему-то про нынешнюю армию — а не времен Великой Отечественной — порой в школе говорить стесняются. Куда там, чтобы встречу с солдатом, пришедшим в отпуск, в его альма-матер организовать. Малопрактикуемо, хотя вчерашнего приятеля — сегодняшнего воина старшеклассники наверняка слушали бы, не поглядывая лениво в окно и на часы.

Н-да-а… Проглядел-таки я служивого-«самоходчика»… В чем, где, как? Родители у него имеются: отец и мачеха. Последняя, конечно, не родная мать, но все же какая-никакая, а полная семья. Письма от них солдат регулярно получает, жалоб или просьб от него никогда не поступало. Еще и рост маленький у парня, тоже как-то располагает к жалости, к сочувствию. Ведь природой уже, считай, обделен.

Ага, досочувствовался. Главного в человеке не углядел. Червоточинки. Ну, ничего, после выхода нарушителя с гауптвахты займусь вплотную. Только на принудметоды с ним не скатиться — такой солдат запросто сломаться может, доходягой стать.

«Самоволка» — это бич, а доходяги — позор для армии…

Командир роты, майор

Пропал выходной, пропал ни за понюх табаку. Надо же: только всей семьей сели за обеденный стол — и даже первое дохлебать не успел! Чертов «самоходчик», вместе с его зажравшимся командиром взвода, коего весь день дома не наблюдается, а в качестве домашнего заместителя — амбарный замок на входной двери. И ведь не оставил даже записки, где его в случае чего искать, а тем более в роту не отзвонился.

Пришлось самому нарушителя из комендатуры забирать — маленький он, какой-то пришибленный оказался. Ума, конечно, влил на полную катушку — цацкаться, что ли? И назад его, на гауптвахту, завтра же, через военный суд, на трое суток! Плевать, что замполиту это не по нутру. Я в роте хозяин! Ничего, посидит солдат — и ему, и другим на перспективу наука будет. Мы хоть и часть гуманного отчасти общества, а все-таки армия.

Командир батальона, подполковник

Подумаешь, краткосрочная самовольная отлучка! Этим нас не удивишь. Главное — без тяжких последствий. Да и вообще: в масштабе части, в сравнении с недавними «неуставными» с рукоприкладством, с объемной недостачей на продскладе и близящейся итоговой проверкой — тьфу, мелочь. Наплевать и забыть. Нет, понятно, каждой сестре по серьге, а «самоходчику» трое суток, аз воздам. И совершенно законно — это армия…

Рядовой, совершивший самовольную отлучку

Трое суток на «губе» на четвертом месяце службы — это совсем не хило. Однако не бог весть какой срок, а вот сержант-урод-мордоворот с меня теперь с живого на постоянку не слезет. И взводный тоже. Строевым загоняют до полусмерти, плюс в сортире вечно дневалить буду. Еще и замполит не отлипнет со своими воспитательными речами: как подумаешь — аж мутит.

Но то еще будет когда-то, а сейчас… Серое здание комендатуры — все равно как тюрьма. Решетки на окнах, кругом караульные с автоматами и все такое прочее. В камере я один, так что времени подумать над случившимся предостаточно. Это не в роте — едва распустят на перерыв, не успеешь на «очко» плотно умоститься, уже орут: «Строица-а-а!»

Где ты, «гражданка», далекая, как Полярная звезда?

Мерзопакостнейшая штука — срочная служба. Ведь только когда надолго оторвут от родных мест и друзей да законопатят в пятнистое «хебе», будто с другой стороны доармейскую жизнь увидишь. Там — свобода, хотя, конечно, тоже за рубли-червонцы вкалывать надо, только это совсем другое. В «учебке»-то надо мной большая куча вредоносных начальников, и даже небо над военным городком какое-то вечно пасмурное.

Один луч в этом серо-зеленом царстве уставов: увольнение. Я в нем никогда еще за все три с половиной месяца службы не был — все не везло! — и как в это воскресенье попасть надеялся! Но, опять душевно серпом по причинному месту шарахнули: в городе началась эпидемия гриппа, значит, все увольнения на корню запретить. Какая тут армейская справедливость, когда тебе вместо приятного — полезное, озвученное пастью сволочного «замка»: «А ну, оглоед, бегом марш белить бордюры за вещскладом!»

Будет кто после такого напутствия рьяно работать? Да гриб вам отсосиновик с двух рук, разлюбезные начальники!

Ну, окунал я нехотя щетку в тазик с известковым раствором, ну, этой самой щеткой не спеша по проклятому бордюру водил.

Ну, сержант-скотобаза ко мне пару раз подгонять совался, а потом слинял с концами. Курить или с библиотекаршой молодой лясы точить — «кусок» давно на нее облизывается, только хрен ему по всей морде — и размазать жидко-жидко…

Шпынять меня стало некому. Впрочем, работа кое-как, но шла. И тут за каменным забором раздался девичий смех… потом еще… Любопытство не порок, и как раз на глаза носилки с набитым на них ящиком попались. Наумничал какой-то гад, чтоб груза чуть не тонна влазила, и не зря неизвестный приколист сбоку ящика краской наваял: «КАМАЗ».

Приткнул я «КАМАЗ» к забору, на ящик изловчился-взгромоздился, подтянулся с него потом — и вот она, милая сердцу «гражданка», от которой и отделяет только прохладная каменная стена из пиленого ракушечника. И три девчонки под ней стоят, ни об чем трепятся и ржут вовсю. Самая глазастая деваха — жирафина-плоскодонка — усмотрела мою стриженую голову в кепке-пикселке и ну выпендриваться:

— Эй, красавец — с ударением на последнем слоге, — дай картуз померить!

Вторая бикса, приземистая, с кормой — хрен вдвоем обхватишь — первой, с ядом в голосе, в ответ:

— Ты что? Разве ж деточке можно на улицу без разрешения? А картузец бросить тоже слабо: он государственный, а ты с ним вдруг сбежишь — его и расстреляют!

Как я со зла перевалился через двухметровый забор — даже не помню. Кожу на мизинце об шершавый камень ободрал и еле на ногах устоял.

— На! — И протянул ядоголосой девчонке за малым не свалившуюся с головы, пока приступом забор брал, пятнистую кепку.

Но гадюка ее не взяла, а тут же накуксилась:

— Вот же дурак! Шуток не понимает… Девочки, пошли отсюда!

И три лошадюки рванули от меня вдоль стены. Только все время молчавшая третья — густо накосметиченная и с хвостатым причесоном — на ходу обернулась и, так же молча, крутанула пальцем у виска.

Суки рваные! По штыку бы вам всем пониже спины, по красному знамени в руки — и на строевой плац, маршировать до потери давно потерянной девственности!

Повернулся я носом к забору, потом подпрыгнул — нет, не получается за его верх уцепиться: рост-то у меня не фонтан. Прохожего тоже не попросишь: «Дяденька, подсади!» Я хмуро огляделся — хорошо, офицеров и прапорщиков в пределах

видимости не наблюдалось — и пошел по улице, надеясь какую-нибудь подставку найти.

Шагал, и все мне вокруг нравилось. Дома, непохожие на поносного цвета склады. Автомобили разноцветные — а у нас кругом зеленые «Уралы» да «ЗИЛы». Даже надписи на стенах и заборах здесь были вовсе не однотипные, как в военном городке — от табуреток до постовой вышки сплошь: «Дембель!» или «ДМБ», а лирические, типа «В + И = ЛЮБОВЬ» либо разоблачительные: «Петька — лох вонючий!», «Серый — наркоша-козелман!»

За тыльной границей части, у фонарного столба с прибитой фанерной табличкой и предупредительной надписью: «За свалку мусора — штраф!» — мозолила глаза огромная куча отбросов с полуразбитым деревянным ящиком наверху: как раз то, что мне и было надо. И тут, всего лишь через дорогу, обозначился вход в городской парк. Ноги сами понесли меня к узорчатым металлическим воротам. Ладно: семь бед — один ответ.

Прогулялся я малость по центральной аллее. Поглазел на девах, в мини-юбках по самые трусики дефилирующих, а иных взглядом подраздел. Имелось на что полюбоваться: тугие попки, сытые «запазухи», у некоторых особо породистых ножки от ушей.

В парке было полно аттракционов: колесо обозрения, всякие качели-карусели. Дешевка, но и на нее мани-мани — ни копья. Старшина, прапор ненасытный, в этом месяце полполучки на утюги, крем для берц и еще на что-то отобрал. Остаток мизерный давно в чайной добросовестно проеден.

Нежданно-негаданно за виражными самолетами обнаружилась огромная клумба. Розы… Любимые цветы моей матери, выросшей в детдоме. Она рассказывала, там целую оранжерею держали: наверное, начальство сильно увлекалось, с помощью воспитанников.

Копаться в земле матери нравилось. Но она еще и собирала открытки, всякие цветные картинки и статьи именно про розы. Уже после замужества сумела раздобыть огромный том: «Комнатное садоводство». Кое-что мне из него, попеременно со сказками, даже зачитывала. А сколько себя помню, у нас под балконом, на газоне, всегда росли сорта четыре или пять так называемых плетистых роз — благодаря маме.

Когда я пошел в школу, она постаралась приохотить и меня к уходу за цветами: хлопот с нежными растениями было много. Поливать и подвязывать на опоры плети. Опрыскивать и подкармливать торфом или известью. Регулярно обрезать, отчего они лучше, обильнее цвели. Ранней осенью «прищипывать» побеги, то есть удалять с них по два-три верхних листа, а часть

старых стеблей вырезать. И еще на зиму требовалось окучивать основания, главное же — обязательно снимать плети с опор, укутывая сначала сахарными мешками, и поверх — лутрасилом: это такой специальный материал. Чтобы, наконец, крепко пришпилить плотно укрытые кусты к земле. Не сказал бы, что все это мне особенно нравилось, но постепенно, за несколько лет, я привык помогать маме в ее «розовых» трудах.

А однажды, в самом начале седьмого класса, я быстренько сделал уроки и вышел погулять во двор. Вдруг вижу, какой-то мордатый кавалер со своей биксой всерьез нацелились поживиться материными цветами. Мордатый уже и ножик перочинный достал, и тонким пуловером левую руку обмотал, чтобы на шипы роз не напороться. И давай пристраиваться к самому высокому и красивому кусту. Ах ты, гад сволочной!

— Не тронь, не твое! — громко предупредил я.

Мордатый сгорбился, втянул голову в плечи и испуганно оглянулся. Однако, не увидев, кроме меня, никого рядом — бабушки на лавочке в отдалении не в счет, — распрямился, презрительно плюнул и снисходительно пригрозил:

— Быстро спрыснул отсюда, щенок! А то поймаю и одним шалабаном по стенке размажу! Инфузория!

— Сам козел! — не остался я в долгу.

— Чего-о? — уже со злостью протянул мордатый. — Ну, погоди, гниденыш! — И неспешно двинулся в мою сторону.

Я отбежал поближе к лавочкам с бабушками и удачно выглядел два остроугольных увесистых камня. Живо поднял их и заявил:

— Подойдешь ближе — запущу в табло: оно у тебя большое, хрен промажешь. А потом буду орать — мало не покажется! И еще скажу, что ты ко мне приставал, трахнуть хотел!

— Я тебя умоляю: пошли отсюда, — позвала кавалера бикса, почуяв возможные неприятности.

— Счас, вот только эту наглую козявку прихлопну… — скривился мордатый и не очень решительно пошел на сближение.

— А-а-а! — не отступая, взвыл я, чем привлек внимание старушек.

— Вы что это ребенка обижаете? — донеслось с их лавочки.

И тут как-то незаметно подошел сосед дядя Паша с третьего этажа — невысокий, но плотный мужик лет сорока, с продуктовой сумкой в руках. Работал он таксистом.

— Чего орешь, словно клаксон? Пошто кирпичами вооружился? Какие проблемы? — поинтересовался он.

— Дядя Паша! Они наши розы хотят украсть! Вон, этот уже и ножик достал: стебли резать! А меня щенком и наглой козявкой

обозвал и прихлопнуть грозился! — почувствовав поддержку, нажаловался я.

— Слышь, халявщики! А не пойти ли вам обоим на три буквы? — без лишних въездов предложил сосед. — Пока я с вас обоих штаны не спустил да этими самыми розами задницы не исполосовал. И за угрозы пацану тоже.

— Я те сам вперед нахлещу, — неуверенно возразил мордатый, а бикса опять потянула его за рукав: мол, да пошли же, от греха…

— Малец, а ну-ка подержи сумку, — велел дядя Паша. Снял пиджак, тоже сунул его мне и молодецки начал подсучивать рукава полосатой рубахи. — Это мы враз проверим, кто кого… Да перо убери, пока я его в ту же задницу не воткнул и там пару раз не провернул! — И решительно шагнул вперед. — Ну что, стакнемся на раз?

Мордатый со своей дамочкой резво убрались со двора, причем кавалер, уходя, бормотал себе под нос что-то вроде: «Ничего, мы еще в другой раз встретимся!»

А в этот момент мама появилась, с работы пришла.

— Правильный хлопчик у тебя растет, — похвалил меня сосед. — Боевой. Цветник твой от вора взрослого отстоял. Хоть и мал, а смел.

Мать счастливо зарделась. Поблагодарила за добрые слова, отвела меня домой, вкусно накормила и дала денег на кино и мороженое.

Только вот когда я вечером историю про мордатого отцу гордо рассказал, то у него реакция была совершенно иная.

— На хрена они вообще кому нужны, ваши колючки, — лениво отцедил он с дивана, зевнул и почесался под мышкой. — Толку от них, как от треснувшей пустой бутылки: даже и не сдашь, зато возни… Ну, это ваши с матерью проблемы…

Потом папаша с наслаждением ковырнул в носу, без стеснения пустил вонючего шептунка и заорал, адресуясь на кухню:

— Ну, что там в плане пожрать? А может, для аппетита, и сто грамм добытчику нальешь?

…Не понимаю, как моя мама — красивая, работящая, добрая, общительная — и за такого урода вышла… Может, ради жилья? Ей-то самой оно после детдома вовсе не светило, а вот у отца от рано умерших родителей «двушка» неплохая осталась…

Вот какие перед клумбой в парке на меня воспоминания нахлынули. А еще я там кое-что и из «Комнатного садоводства» припомнил. Скажем, что среди всяких растений розы — одни из самых наиполезных. Кругом используются: при производстве

вина, духов, лекарств и даже как добавка в чай… Аромата — наитончайшего, да и по изяществу формы и окраски не имеют себе равных. Им даже в ботанике особый раздел выделен: родология.

На клумбе произрастало несколько сортов из семейства плетистых: это я сразу угадал. Белые и абрикосового цвета, темно-красные и огненно-красные. Любуясь же на самые красивые — лимонно-желтые, бокаловидной формы махровые цветы, крупные, на кустах выше моего роста и с большими темно-зелеными листьями, — я вдруг чудесным образом вспомнил название этого сорта: «Казино».

Эх-х! До того тоскливо на душе стало — хоть воем вой, хоть в петлю. Где оно, давно ушедшее счастливое раннее детство? Мама, мама, мамочка моя, любимая… Увижу ли я тебя еще, после **всего**, в мире ином? Никто не знает…

А тут еще предстоит назад, в обрыдлую часть, переться. «Горит огнями родной завод — а нам-то что: катись он в рот!»

Проиграл я в этом «казино» свою партию. Прямо у клумбы военный патруль меня пригреб: лейтенант и два курсанта. Шакалы! Приволокли в комендатуру, обшмонали. Изъяли военный билет, ремень поясной, кепку, даже носовой платок — уж он-то кому помешал, а вдруг меня на нарах чих одолеет? — и шагом марш в неуютную, пахнущую пылью камеру! Через час или два — будильника там нет — явился ротный и меня забрал. Наорал тут же круто. Потом в часть повел.

Большие железные ворота КПП, не знаю почему, резко вызвали во мне чувство отчаяния. Может, потому как чем-то они были сродни той же двери в камеру? И ни один разговор потом с ненавистными начальниками не произвел впечатления сильнее, чем эти приближающиеся серые постылые ворота, столь известные мне изнутри. Да и разговоры-то все были на единую колодку, как новобранцы, вышедшие из бани и впервые обряженные в форму. Прямоугольно-правильные. Скучно-воспитательные. Безвкусные.

Интересно, а почему это и на «гражданке», и в армии с человеком начинают лихорадочно работать только уже после произошедшего ЧП, но никак не до него?

Чего уж там темнить — к службе я был просто не готов. Теперь-то точно ясно: читай там или какое хваленое кино про армию смотри — все одно: пока сам в этот кипящий котел не попадешь, до конца вкуса всей кухни не прочувствуешь. В книгах-то и фильмах, если и найдется на втором плане разгильдяйский солдат, к концу тома или ленты такой однозначно перевоспитывается, а ребята отслужившие и про «дедовщину» в

красках рассказывали, и про другие геройски-неуставные дела.

Врали и они. Но куда меньше, чем в фильмах. А книги вообще желаемое за действительное выдают. Я их, правда, на эту тему и читал-то негусто. Зато четко помню: нигде не проскользнуло и строки о том, что, например, в армии командир может тебе приказать исполнить все, на что его фантазия сработает, — хоть в голую задницу себя чмокнуть, а ты… Пожалуйста, жалуйся. Но только после строгого и точного исполнения приказа. Главное же — в военной системе по-иному нельзя: ведь если каждый солдат вдруг да вместо исполнения конкретно порученного в приказном порядке дела начнет его теоретически «обсасывать», развалится просто наша армия.

Никому не рассказанная биография рядового-«самоходчика»

Родился я в маленьком райцентре под Москвой. Там и жил до учебы в ПТУ. Мать работала на мясокомбинате, в коптильном цехе. Приворовывала малость — как все. А отец был слесарь-сборщик в автосервисе. Тоже ловчил-левачил, но покруче. Со временем приучился и полюбил без меры пить. Бывало, бушевал с пьяных глаз, так мы с матерью уходили ночевать к соседке.

Когда я еще учился в седьмом классе, мать легла в больницу — я тогда не уточнял, зачем и почему. Через несколько дней, бледная, вернулась домой. А вечером заявился пьяный в дупель папаша. Пожрал чего-то на кухне — и к матери в комнату юрк, а там начал орать и чего-то требовать, только непонятно было, чего именно. Мать еле слышно плакала, я в своей комнате тоже, а дверь к родителям была закрыта.

Утром «ненаглядный» предок, проспавшись, свалил на работу, а мать позвала меня и попросила сходить за соседкой. Простыня под мамой была вся в крови, и говорила она еле-еле. Я очень испугался, что мать так кровью подплыла, заревел, но к соседке сбегал. Она тут же вызвала «скорую», а мне сунула бутербродов и быстро в школу выпроводила — я еле успел чаю выпить.

В конце занятий ко мне подошла классная руководительница и сказала, что я должен крепиться, потому что моя мама умерла, и повела к себе ночевать. Я не хотел верить, плакал…

Позже узнал, что мать, оказывается, пришла после аборта, а отец взял ее силой, и за ночь потом она потеряла столько крови, что в райбольнице не спасли. Не знаю как, но от тюрьмы отец отвертелся. Пить стал еще хлеще, часто меня бил, и я убегал все к той же соседке. Так шло до лета после восьмого класса.

И вот в июне батянька пришел домой непривычно трезвым и начал втирать мне мозги про «новую маму», то бишь мачеху. Я рассудил, что родную мать уже не вернешь, а так отец, может, хоть пить бросит. Словом, не возражал, чтобы мачеха к нам жить перешла. Только вышло еще хуже: явилась в дом мурластая «двуспальная» тварь с рыжими кудряшками и картошечным носом, и они на пару с предком лакать стали.

Своих детей у этой суки не было, а меня она сразу возненавидела. Люто. Из дома гнала чаще, чем отец. К соседке сердобольной мне неудобно было постоянно проситься ночевать — она меня называла «сиротой при живом отце» и никогда не отказывала в койке и какой-нибудь еде по утрам, но теперь я уже понимал, что одинокой женщине обуза. Старался ночевать по-теплому в шалаше у реки, а зимой в котельной, где через сутки старик один компанейский кочегарил. Вечерами же слонялся по городу, завел новых дружков, повзрослее и поагрессивнее. Хотя они надо мной за мелкий рост постоянно измывались, но от чужих, не из нашей компании, защищали и как-то незаметно выучили драться, и даже неплохо. Особенно четко два подлых удара освоил. В общем, я еле-еле окончил девятилетку, можно сказать, из милости классной.

До сих пор не пойму, как при таком раскладе ни разу не залетел на горячем в ментовку. А ведь было за что, и не раз!

Отца к тому времени, по инициативе все той же классухой, хотели лишить родительских прав, но опять пожалели он клялся и божился, что «изменит образ жизни», а сам все жрал и жрал водяру литрами. Автосервис папаньке давно дал пинка, но он сумел пристроиться в бригаду грузчиков на мясокомбинат — помогли материны связи.

Я хотел пойти учиться в ПТУ в нашем городке. Но педерастка-мачеха отвезла мои документы в другое училище — в соседнем райцентре за пятьдесят километров. Так меня совсем почти выгнали из квартиры в пятнадцать лет и материально практически не помогали. А на хрена?

Делать нечего, стал через пень-колоду учиться и жить в общаге, а вечерами подрабатывал, разнося телеграммы. За всякие поздравительные вести адресаты меня иной раз оделяли деньгами: бывало, червонцем, а бывало — ну, это сильно изредка — и целой сотней. Пару раз даже за праздничный стол усаживали: у одной бизнес-мадам на юбилее я бутербродами с икрой и балыками чуть не до блевотины обожрался…

Все бы ничего, но четверо старшекурсников повадились ходить по комнатам и отбирать стипендию и родительские или какие другие деньги у тех, кто послабее. Я же был на курсе самым

маленьким и понимал, что со всеми сразу никак не сдюжу. Вот если бы один на один… Но они всегда вваливались кодлой.

Когда эти гады у меня в первый и последний раз стипуху вытрясли, я, в натуре, несколько дней ходил полуголодным, одалживаясь на пирожок. И как назло в те дни за хорошую телеграмму кто бы хоть рублишко сунул — так нет! Хорошо еще, аванс на почте скоро получил.

Все деньги я теперь стал прятать вне комнаты. Кодла меня не раз била, потому что не могла выискать в карманах, койке или тумбочке даже мелочи, а жратвы я, в отличие от других, на вечер не запасал. Старался питаться в сравнительно дешевой столовке, она единственная поблизости работала допоздна. Старшекурсники злились, что я постоянно пустой, колотили меня по-всякому, даже головой об стенку, и, наконец, забрали хороший теплый свитер, который мне незадолго до смерти связала на вырост мать.

После такого наглого грабежа меня, можно сказать, переклинило: в общаге это была единственная вещь, напрямую связывавшая меня с покойной мамой. И тогда я съездил домой и через одного дружка разжился кнопочным ножом-выкидушкой.

Когда кодла старшекурсников в очередной раз завалила к нам в комнату, я молча бросился в атаку, чего никто из них никак не ожидал.

Самого здорового и тупого вырубил первым, четко вметелив ему носком кроссовки в пах, и он тут же скрючился на полу в позе эмбриона, глухо подвывая. Второму я кинжальным ударом прямыми пальцами руки глубоко пробил селезенку, и сволочуга сложился пополам. Помогли когда-то заученные приемчики!

Тут на меня наконец-то кинулся вышедший из ступора вожак, попытался врезать прямым в челюсть. Однако я уже выхватил отточенную выкидушку и разом удачно располосовал врагу рубаху и руку от кисти до локтя. От боли и страха он завизжал, как поросенок. Прижал к груди «раскрашенную» клешню, обхватив ее здоровой рукой, и все пытался стиснуть рану, из которой просачивались и тяжело падали на пол алые капли.

А четвертый грабитель трусливо слинял, стоило мне только пригрозить ему испачканным в крови ножом.

Под мои угрожающие крики: «На хрен отсюда, пока всех как цыплят не перерезал!» — здоровяк с отбитым пахом уползал из комнаты на карачках. «Селезеночник», пошатываясь, выбрел в коридор на своих двоих, охая и обе руки не отнимая от живота. А вот вожаку я дальше учинил форменную правилку. Для начала подножкой свалил его на пол и запер дверь изнутри на ключ: так спокойнее будет. Потом же, зайдя сзади, приподнял врага под

мышки и подхватил лезвием под подбородок, с ненавистью предупредив:

— Не вернешь свитер, урод — выловлю в темном уголке и от уха до уха глотку распорю! Врубился, чмо вонючее?

— Д-д-да… — еле выдохнул он.

— Теперь сымай рубаху, — скомандовал я.

— З-з-зачем?

— Еще один глупый вопрос — и ты труп! — зловеще пообещал я и отвел лезвие ножа от его горла.

Стоя на коленях и морщась от боли, он неловко расстегнул и стянул с себя теплую сорочку. Я тут же надрезал ее снизу и разорвал на две почти равные половины.

— Держи! — швырнул куски ткани в наглую морду. — Одним пол от крови подотрешь, другим руку обмотаешь. Ну, шевелись, лохушник!

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Похоже, за тебя волнуются, — усмехнулся я. — Вякни, что все нормально, что сейчас выйдешь, да погромче! — и для понятливости покрутил выкидушкой перед трясущейся от страха потной мордой. — Не слышу, подлюка!

Вожак судорожно сглотнул и осипше, но в голос прохрипел:

— Все зашибись, парни! Подождите, я скоро…

И усердно принялся размазывать по полу собственную кровь, в то время как из перетянутого длинного пореза она еще продолжала слабо сочиться, выступая поверх рубашечной повязки.

— Достаточно! — через минуту презрительно скомандовал я. — Теперь пшел вон, мразь! И про свитер — помни!!!

Для вящей убедительности опять сунул выкидушку под нос врагу. В глазах его метался и бился животный страх.

Когда вожак наконец с трудом поднялся на ноги, я с омерзением отметил, что он обмочился. Отперев дверь ключом, скомандовал:

— Открывай! Тут лакеев нет!

А сам, выбрав удобную позицию с тылу, дождался, когда гад отворит дверь — в коридоре видны были перепуганные лица его подельников по грабежам, — и что есть силы вмочил ему сильнейшего пинка в промежность, перебив дыхание. Не дожидаясь, пока он упадет сам, тут же вытолкнул из комнаты. Чуть не минуту вожак валялся на полу, с открытым хлеборезником, скорчившись, не в силах вздохнуть. Добил я его фразой:

— В следующий раз ты у меня еще и обгадишься!

И захлопнул дверь.

Трое моих соседей по комнате за все время победного сражения так и не подписались помочь: со страхом, молча, жались по углам. Потом даже еще норовили претензии высказать: мол, напрасно ты так, да еще и с ножом… Позднее, значит, нам всем хуже будет, они этого так просто не оставят…

Сопляки! Бабы! Трусы позорные!

Ту ночь я почти не спал, а дремал, полусидя на постели с вытертым от крови ножом в ладони: боялся повторного визита банды. Однако грабители явно перетрусили.

Наутро парень из соседней группы принес мой свитер и сказал, что ему велено передать: меня все равно отловят и пришибут, уроют, все кости переломают. Я ответил: всегда готов, встречусь с радостью.

Отлавливать — кишка тонка — козлы меня пока не стали, зато настучали как-то хитро мастеру про выкидушку. Он меня завел в свой кабинет, приказал вывернуть карманы, нож нашел, отобрал, прочел нудную нотацию и тоже настучал: в ментуру. Так меня поставили в райотделе на учет и попытались вызвать родителей, только хрен они приехали. Но вот я испугался — конечно, не этого дурацкого учета, а как жить дальше в общаге, если и защититься нечем от сучьих рэкетиров: ведь сволочи точно когда-нибудь отловят и…

Экспериментировать не хотелось. И я стал ночевать в теплых подвалах, а иногда ездил домой, потом пропуская первую пару занятий. И ведь всем на мое бедственное положение было с высокой горки плевать! А в квартиру меня мачеха теперь вовсе не пускала, отец же совсем спился.

Очень скоро соседка, к которой я иногда стучался, прикатив на ночь в родной городок на электричке — от контролеров всю дорогу бегал, — заявила, что хотя ей меня и жаль, но тяжко всякий раз подыматься в полшестого утра, меня из дома провожать да потом еще и идти на работу. Мне и самому приходилось туго, но я молодой, а у соседки уже сердечко пошаливало.

Что было делать? Обращался я за помощью к своим дружкам, только они отказались в незнакомый город на разборку с кодлой ехать: дескать, себе дороже выйти может. Ночевать у себя тоже уже не позволяли. А телеграммы я по ситуации разносить теперь не мог, потому как постоянно сидел на подсосе. И в этом жизненно-денежном тупике стал даже всерьез подумывать: а не грохнуть ли, в натуре, вожака кодлы? А что? Главное — подходящий момент подгадать, без свидетелей. Для начала звездануть арматуриной сзади по башке, а потом свернуть шею. Только боязно: вдруг менты найдут…

Но — есть все-таки справедливость на белом свете! — как раз тут банду старшекурсников задержали с поличным на месте очередного грабежа и завели уголовное дело. Давно пора было!

Двоих беспредельщиков посадили в колонию, еще двоих осудили условно, но из ПТУ всех выгнали, и жить стало — красота. Между прочим, меня тоже к следователю тягали — он у мастера в кабинете сидел — и выспрашивали, не отбирала ли эта кодла у меня вещи или деньги. Я твердо сказал: нет; мастер кричал, что я вру, однако все равно я никого не заложил.

Училище закончил спокойно, а оба лета между курсами, на каникулах, работал, чтобы на сберкнижку, на зиму, хоть какие-то деньги положить. У меня в группе только у одного была сберкнижка, я ее никому не показывал, прятал, втайне очень ею гордясь.

Окончив ПТУ, приехал домой и сказал отцу, что по закону имею право жить в нашей квартире, а если он вечером мне дверь не откроет, тогда я ее просто вышибу. Папашка кинулся в драку — мачеха его сильно подзуживала. Но я все-таки подрос и опыт мочиловок имел немалый, так что звезданул подвыпившему родителю в челюсть более чем удачно: он упал и с маху ввинтился башкой в ножку стола, наглухо вырубившись.

Мачехе я ткнул на дверь, предупредив, что, если из квартиры не уйдет, ночью придушу: кину подушку на жирное рыло, а сам сверху сяду, минут на пяток. Сволочная баба тут же помчалась капать в милицию. Вскоре явился участковый инспектор, мы серьезно поговорили, и, видно, прекрасно знавший моих дерьмовых родителей капитан принял мою сторону. В тот же вечер мачеха из хаты свалила, ключи у нее я предварительно отобрал.

Вернулась она туда, когда я на следующий день ушел искать работу. Стерва, видать, загодя припасла лишний комплект ключей. Ну и забрала все, что еще оставалось в квартире маломальски ценного, — даже посуду и старый, но рабочий утюг. Однако больше всего мне жаль было материного наследства: энциклопедии «Комнатное садоводство». Я ее за всяким хламом на антресоли прятал, однако гадюка и туда доползла.

Я начал орать на отца, требуя показать, где она живет. Но он несколько дней все отнекивался, а потом неожиданно свалил из дома сам — к какой-то другой тетке. Кому понадобился такой порченый фрукт — уму непостижимо. Короче, я остался хозяином в двухкомнатной, хотя и полупустой квартире. Первое, что сделал, — сменил на ее входной двери замки. И славно зажил…

Неполный год проработал грузчиком в гортопе — насилу добился, из-за роста брать не хотели, — начал помаленьку

калымить, наладил связи со старыми друзьями…

Вместе с ними я мачеху свою однажды вечерком в тихом уголочке подкараулил; приятели, по моему наущению, раз папаньку перевстретили и с третьего удара в дышащее сивухой табло адрес мурластой твари из алкаша выбили. Курва чуть не обделалась, когда я ей перо к глазу приставил и пообещал обе гляделки лично выковырнуть, если она немедленно «Комнатное садоводство» не представит. Как шелковая, отдала ключ от своей хаты и внятно рассказала, где том краденый искать.

Я сам сходил в загаженную «однушку», которую эта сука сдавала, пока обитала у нас, гребя за то прилично бабок, и забрал материну реликвию, а заодно попавшийся на глаза наш утюг. Потом вернулся к мачехе и за надорванный корешок плюс огромное жирное пятно на верхнем переплете энциклопедии так ввинтил воровке в хлеборезник, что минимум один зуб ей точно вышиб. Кровью харкала! Еще пригрозил: коль заикнется в ментуру — найду в любой точке глобуса и растребушу на мелкие кусочки. А предварительно утюжком жирное брюхо до печенок прожгу. И лезвием ножа, для понятливости, по страшнючей — глянешь: стошнит! — роже так поводил слегка. Промолчала, рыжая тварь!

Мы с друзьями у меня на квартире стали частенько собираться. Но гулять старались по-тихому, потому как раз тот же капитан-участковый приволокся и пригрозил, что на своей территории притона не потерпит. Заложил же, гад, кто-то из завидущих соседей!

Ко мне и женщин иногда приводили, согласных за выпивку-жратву на постельные дела, так я с одной поближе и познакомился. Она из деревни была, на электроламповом комбинате впиливала, меня постарше и в жизни поопытнее. Несколько месяцев мы с ней прожили, как муж с женой, и это мне здорово понравилось. А что: пришел с работы — ужин на столе, в квартире чисто-блисто и белье для кувыркания в койке постирано-поглажено!

И еще. Оформилась у меня, когда я домой вернулся, мечта: возродить материн розарий, который за время моей учебы в ПТУ приказал долго жить, а весь газон под балконом густо зарос сорняками. Я даже в спецмагазин «Цветы» ходил, каталог сортов роз листал, искал подходящие плетистые. Но, поразмыслив, решил это дело до возвращения со срочной пока отложить.

К концу апреля уже повестка из военкомата не заржавела-подоспела: а пожалте-ка священный долг перед Родиной исполнять! Хоть не в жилу, а — надо! Моя мадам сильно разнюнилась, но поначалу пообещала меня ждать, пока

положенный срок отслужу. Только в квартире я ее все-таки не рискнул одну оставить, хотя сожительница чуть не до истерики умоляла и требовала. Уж больно не хотелось ей назад, в общагу, переезжать, хотя койку там на всякий случай она за собой сохранила.

Однако и соседка сердобольная, и таксист дядя Паша мне твердо зазнобу в нашей хате оставлять рассоветовали: мало ли чего всякого за год без меня на кровной территории может произойти. Так ведь жилплощадь наследственную и профукать недолго, хотя папашка мой в ней по бумагам продолжает числиться. Примеров криминальных отъемов квадратных метров — море! И пришлось в конце концов сожительнице восвояси отбыть. С ужасно крутой обидой притом.

Написал я потом своей бывшей, на общагу, из-за каменного забора, и раз, и другой, и третий. Только она мне ни словечка не ответила. Впрочем, понятно, почему. Тогда, неожиданно для себя, я вдруг сочинил такие стихи:

Я знаю, ты совсем не виновата,
Что перестала письма мне писать.
Зачем тебе нужна любовь солдата,
Когда его еще так долго ждать…

Но мадам так и не отозвалась, и я понял, что это — финиш…

Писем я ни от кого не получал, только раз от жалостливой соседки, на которую оставил квартиру и «Комнатное садоводство». Она сообщила, что отца посадили за пьяную драку. Спасибо родной милиции! И дяде Паше с сердобольной, что не позволили мою невенчаную без присмотра в хате оставить. Кто знает, чего бы она там одна нахозяйничала, после того как осужденного батяньку выписали!

На почту ходить перестал, разуверившись, что зазноба бывшая хотя бы пустой конверт пришлет. В казарме сослуживцы вечно болтали о доме, о родителях, о всяких тряпках, мотоциклах и авто-иномарках, а я мысленно посмеивался: какие все-таки они еще дети…

Замполита и взводного я обманул: помогло, что в военкомате какой-то бюрократ, еще когда я только на приписку пришел, додумался в личное дело фамилию и «звание» мачехи вписать. Долбак тупорылый! Они ж так и не расписались, значит, была просто сожительница, а мне вообще никто. Но это даже лучше оказалось: я начальникам письма, вроде от них, родаков ссученных, специально предъявил. Липовые. Потому как, когда мусор из казармы выносил, додумался на помойке несколько

старых конвертов с родительскими посланиями изыскать. Потом с них марки на два чистых конверта переклеил, а печати почтовые туда же перевел через крутое яйцо — нам по воскресным дням в утреннюю пайку по две штуки включают. Ну и адрес части постарался измененным почерком, похожим на тот, который в письмах, накропать — специально в уголке за караульным городком, вдали от посторонних глаз, потренировался… Прохляло!

Финт этот сотворил, чтобы начальники со всякими глупыми вопросами не домыливались, а то живо запишут в разряд неблагонадежных. И тогда пошло-поехало: беседы занудные, в душу с грязными лапами, сверхбдительность проявлять. А так оно куда спокойнее, потихоньку, срочную-то пересидеть. И чтоб больше никогда не слышать об этой на хрен мне упавшей «почетной обязанности»: службе в российской армии…

Рядовой, совершивший самовольную отлучку

Сегодня мне с «губы» выходить срок. Интересно, как ко мне ребята со взвода теперь относиться будут? В смысле, после «самохода» и отсидки.

Героем посчитают? Да черта с два…

Отвернутся, как от чумного? Тоже вряд ли…

Но ведь и мимо факт самовольной отлучки и ареста явно не проканает. Мнение сослуживцев как-то, да проявится. Это же ведь не «гражданка», где каждый сам за себя; в армии все иначе и обязанность на всех одна: тянуть лямку, именуемую службой.

Ладно, к этой самой службе со всеми ее «тяготами и лишениями», как толкует устав, я уже начал привыкать, да другого и не дано. Хотя лишения те, а особенно тяготы, во многом произрастают от дурости и тупости всяких начальников. «Дембель» же, увы, далековато, так что скрипнем зубами и будем выживать. Покуда опять апрельским ветром не повеет и толпу бритоголовых щенков не пригонят нам на смену.

А уж куда дальше на «гражданке» стопы направить — время покажет, руки прокормят, и розы дома, под балконом, я обязательно опять выращу.

2011

ПЕРВОИСТОЧНИК

(Солдатское письмо)

Здорово, дружбан Лохматый!

Привет из далекого края, где за сорок секунд одевают, и в столовую строем ведут, и весь день непрерывно е…т. Давно хотел черкнуть, но все как-то времени не было, да и не кайф.

Эх и подфартило тебе с твоим плоскостопием! Считай, на халяву от священного долга отмазался, а тут, б…, в сапогах ноги уже квадратные. Мы здесь все, как на зоне, обритые ходим. А одного стригли — у него волосы куда твоих длиннее были, как у Пугачихи, так он чуть не ревел, с гривой расставаясь. Старшина еще к нему прикололся: спросил, откуда бикса в роте.

Но давай все по порядку. Как в часть с вокзала пригнали, нас сразу в баню потащили. Вышли оттуда — вмиг напялили форму. Цирк уехал, а клоуны остались: у кого «хебешка» по швам трещит, а кто в кителе будто колокольчик, только ремнем подпоясанный. Старшине жаловаться стали — он лыбится, как Параша на базаре, и уверяет, что все ничтяк. Тогда некоторые одежкой друг с другом махнулись, и действительно, почти зашибись стало.

Да, Лохматый, армия — это след на всю жизнь. У нас так базарят: она женского рода и тоже из пацана мужчину делает. Правда, кайфа ты при этом совсем не ловишь. Сам понимаешь…

С другой стороны, я уже шестьдесят два дня здесь оттарабанил и столько узнал — хрен ты на «гражданке» и за год прояснишь. В основном, конечно, знания проистекают из горького опыта. Вот на второй неделе службы бежал я в чипок, это у нас чайную так зовут, в расшифровке — чрезвычайная интенсивная помощь оголодавшему курсанту. Жаждал малек подзаправиться, а навстречу нелегкая комбата вынесла. Ну, я с нежданки и с того, что подполкан от меня слева, левой лапой ему честь и замастырил. За мной еще один салага мчался, так на меня глядя, тем же макаром откозырял.

Комбат аж позеленел, в цвет с формой. Какой, орет, взвод? И на карандаш… В ночь я уже парашу кирпичом драил. Работка на интеллект, сам понимаешь… Взводный гремучей змеей шипел: если, значит, на словах не дошло, какую клешню к хлеборезке тянуть, дойдет через руки и после отбоя. Тяжко, не кайф…

Теперь — про наш б…ский распорядок дня.

Будят — полнейший беспредел — в шесть утра. На подъем всегда в казарму кто-то из офицеров роты припирается (во

сколько ж они встают, до части-то еще добраться надо, а некоторые живут у черта на куличках). Эдакая неуставная должность, которую взводные, ротный и замполит каждодневно промеж собой разыгрывают, у них называется «ответственный». Появится, значит, такой «безответственный ответственный» с ранья, спрячется в канцелярии, чтоб беспорядки в глаза не бросались… А самый здоровенный сержант, кликуха у него Шифоньер, орет, как через усилитель: «Рррота, подъем! Одеяла на спинки кроватей! Через две минуты никого в казарме не вижу! Время пошло!»

Сразу начинается ржачка через плачку и шум, будто в кинотеатре настоящую комедию оборвали, а света нету. Нет, у нас-то он горит, и хорошо видно, что у одного служивого ночью портянки «ноги сделали», второй — сапог на ногу пялит, а тот не лезет: пока спал — подменили, кто-то «хебешку» на ночь в сушилку заткнул, так, видать, от высокой температуры испарилась бесследно. Глядь — один рядовой на скользком, словно каток, полу — всю ночь дневальные в поте лица впиливали, мастикой натирали — оскользнулся и п…данулся. Через него еще двое летят, а через них — еще пяток. Со стороны кайфово наблюдать, сам понимаешь…

Но время летит, а на входных дверях казармы пробка возникла. Человек десять судорожно пихают троих, которые намертво проем закупорили. Тут сзади Шифоньер подбегает, а за ним и другие сержанты: Питон, Утюг и Вурдалак. Ка-ак рявкнут хором многоэтажно — за три секунды полроты наружу на крыльях вылетает.

На улице морозяка — без потомства остаться можно. Потому все сразу норовят в сортир забиться. Он у нас клевый, с паровым отоплением. Хотя чем внутрях ароматизирует — сам понимаешь. Зато сержантами там не пахнет: они наверху, в роте, оправляются, а нам туда вход строго воспрещен. Только недавно в нашем родном сортире какая-то подлая сука кошмар сотворила — замыкание. Потому в облегчительном заведении с неделю по утрянке такая темень стояла — запросто по ошибке можно было чужую ж… у вытереть. Зато сейчас полный кайф: кто сапоги чистит, кто просто кемарит стоя, а кто с закрытыми глазами пуговицы на ширинке шарит. Самые же удачливые кабинки позахватывали, «личинки» откладывают. Глянешь сверху, через дверку, — сидит такой счастливчик на очке, как горный орел на вершине Кавказа. Вылупил сонные красные глазищи — красные, поскольку пол в кабинках на палец толщины хлоркой усыпан, будто метель снега навалила, — а в зубах цигарку держит: курят-то почти все, ведь ср…е без куренья — что чай без варенья; дыму,

как на пожаре, и — балдеет. Наверняка «гражданку» вспоминает. От хлорки из вытаращенных моргал слезы ручьями, со стороны же можно подумать — рыдает солдат от великого счастья.

Тут с улицы противный голос Питона или Вурдалака доносится: на зарядку скликает. Твою в гробину мать — опять кросс на три километра, по холодрыге… Попервоначалу-то я вообще чуть не сдох, под конец зарядки под руки несли. Зато теперь дыхалка уже в норме: вон, по тревоге марш-бросочек как дал, да с полной выкладкой…

Хорошо, до армии портянки мотать научиться сподобился, а то у нас некоторые умники на политподготовке не хуже академиков заворачивают, в портянку же ногу завернуть — ни хрена. Ну и первые же дни — ногам п…ц. Ладно, пусть я «пару» по уставам схлопотал и ночью обязанности часового зазубривал — там их полстраницы, да все наизусть, без запинки выдавать надо. Но «банан», он у взводного в тетрадке, а кровавые мозоли у академиков на собственных ступнях.

Однако все одно, Лохматый, тут и со здоровыми ходулями как подумаешь, что ты еще последнюю серию сна досматриваешь, а мы уж два часа как на ногах… Тяжко! Не кайф!

После зарядки топаешь к умывальной. А там уже целая толпа перед дверью движения наводит: дневальный к кранам не допускает, и все матерятся — опять канализация забилась. Толкнешься в другую рыломойку — та же песня на новый мотив. Такая личная гигиена до скольких раз была, а позавчера народ восстал, дневального — даром что со штык-ножом — в угол снес, и все поумывались. Конечно, потом наряд по роте озеро тазиками вычерпывал… Ну, на то он и наряд, чтоб служба медом не казалась. Только это один раз бунт назрел, а так — плюнешь на водные процедуры и тащишься с немытой харей койку заправлять. Даже абы как, а чтоб обернутый одеялом матрас «кирпичом» без единой складочки смотрелся, и подушка пышно взбита, и уголки у нее расправлены.

Потом у нас по распорядку утренний осмотр. Его всегда старшина проводит. Глазки у прапорщика узкие, щелочками, но только глянет — сразу съежишься. Он тебя еще и «кругом» не повернул, а на весь плац орет: «Поцему каблуки у сапог плохо поцистил? Объявляю наляд вне оцеледи на слузбу!»

Прапор был первым, кого мы в части увидели. Пригнали нас с вокзала, построили на плацу — появляется из казармы старшина: живот такой, что впору перед собой на тачке возить. Следом каптерщик плащ-палатку тянет. Расстелил ее перед нами, прапор же речь толкает и картавит, как дедуска Ленин:

— А сецяс вы, товалисси плизывницки, вынете все из

вессевых меськов и елозите на эту пласц-палатку. Оставлять только носовые платки, кулительные, письменные и туалетные плинадлезности. Каптелссик! Впелед!

Начал нас каптерщик шмонать. Много всего награбил — на плащ-палатке целая гора вкусных вещей образовалась, чего в поезде не дожрали. Там же кружки, ложки и всякая прочая дребедень. У одного даже учебник философии отыскался. Старшина его усек, хвать книжку и вопрошает:

— Это сто ессе за уценый выискался? Залубите на носу: в алмии на все пло все цитают только «Обсцевоинские уставы».

Швырь учебник в урну и давай вдоль строя прохаживаться. Мой сосед здоровый кусок копченого сала заначил: надеялся на первом солдатском обеде дохавать, не все ж прапорщику-буржуину… Однако буржуин сальца кусок доглядел и сразу к хитромудрому парнише:

— Это сто ессе у тебя? Хм… Сало! И по виду влоде бы неплохое! А вдлуг отлависся, а мне ответать? Ну-ка, ну-ка, дай-ка его сюда!.. Каптелссик! На пласц-палатку, зиво!

Идет прапорщик дальше, видит — у одного мыло импортное в красивой обертке на вещмешке лежит.

— Это сто ессе у тебя? Мыло? Уй, какое интелесное! Ну-ка, ну-ка, дай-ка его сюда!

Хозяин банной принадлежности засуетился:

— Товарищ прапорщик! А чем же я мыться буду?

Старшина поморщился и с оскоминой:

— Ну, ты любого достанесь! Каптелссик! Выдай ему кусоцек солдатского!

Р-раз — и мыло тоже реквизировал в свою пользу.

Вообще про нашего прапора, за его руки прилипчивые, в части даже анекдот сложили. Мол, в один прекрасный день откроют дверь в каптерку — а ее… Таинственное исчезновение. Со всем содержимым, стенами и фундаментом. Потому как старшина все скоммуниздил, запаковал, как большую посылку, и малой скоростью в Свердловск отослал. Почему туда? А дедуска Ленин раньше там служил, хаты своей здесь пока нет, вот семья на Урале и бедствует. Подкармливать надо, сам понимаешь…

Самая же хохма с этой «пласц-палаткой» — это что старшина, уходя в тот раз, как нас в баню сводил и переодел, забыл каптерку на ключ запереть. Опечатать опечатал, а не закрыл. Ну, сержант Утюг унюхал, в чем выгода. Среди ночи с дружками печать пластилиновую подрезал, да до утра они все путное с «пласц-палатки» ужрали. Прапор как чуял: с подъема на службу примчался. Открыл дверь в свой «остров сокровищ» да как взвоет:

— Оглабили!!!

Полный кайф…

Ладно, это я отвлекся. Заканчивает дедуска Ленин утренний осмотр, потом у нас минут пятнадцать есть, пока не скомандуют строиться на прием пищи — то бишь на завтрак. Уж тогда любой летит в строй без всяких напрягов, мыслями гадая, что сегодня на похавать дадут. Хорошо бы — кашу гречневую, а то ведь чаще перловую «кирзу-шрапнель»… И тут какая-то подлюка в строю чесаться начинает. А скотина-сержант сразу орет:

— В курилку бегом… марш!

А через десять секунд:

— Строиться!

Да так разика три-четыре… Тогда над плацем стоит сплошной многоголосый мат в адрес мучителя. Какой уж тут кайф — сам понимаешь…

Настоящий кайф начинается уже за столами. Каждый ломится усесться с ходу, гвалт, будто на базаре. Где-то не на своем месте оказывается халявщик, и его резко футболят с лавки, кто-то за хлебом потянулся без команды, и тот же Питон его черпаком, от души, по руке: щелк! И для порядка разика три-четыре командует:

— Сесть!.. Встать!.. Сесть!.. Встать!..

А довольный, как три сытых кота вместе, старшина стоит рядом. Предвкушает, как ему сейчас другой прапор, который по столовой дежурит, громадную миску с мясом организует из солдатского котла. Заедает мяско дедуска Ленин горбушкой хлеба, на которую сразу две пайки масла намазывает, да еще третью в чай себе бросает…

Тем временем раздатчик пищи всех отоваривать начинает. Себе — последнему, чтоб, если проср…ся, без хавки потом сидел. Тогда в столовке становится относительно тихо, только иной от наслаждения чавкает.

Недавно нас один узбек на завтраке удивил. Он в армию пришел, в русском ни бельмеса не рубя. В ихнем кишлаке русский на узбекском преподавали. Это мне другой узбек прояснил, который у наших «братьев» Варшавского Договора заместо переводчика. Так вот, тот «брат», который по-русски ни бум-бум, увидел, что ему пайки масла не хватило, да как заверещит: «Дижюуурный! Масле-о!» Мы от изумления аж жевать перестали. Выходит, есть и у этого «иностранца» армейские успехи.

Напротив меня за нашим столом украинец сидит. И до того он здоровый и толстый — просто смотреть тошно. Это у него по приезде в часть старшина сало отнял, а хохол слово «сало» пишет с большой буквы, а «Родина» — с маленькой. Украинец вечно плакался, что ни хрена не наедается, «тильки перекусив». Ну мы и

стали голодающему с Поволжья в конце хавки окуски хлеба подсовывать: жри, значит, боров… Воров, конечно, злился и начинал всех на три буквы посылать, только ему уже со всех сторон окуски тащили…

Потом у нас развод и начинаются учебные занятия. К этому времени обычно взводный нарисовывается — конечно, когда он ответственный по роте, тоже спозаранку припирается и в канцелярии запирается. Подойдет, посмотрит на нас кисло и коронное выражение выдает: «Что, куча бездельников, поработаем?»

Мы возмущаемся: какие ж мы бездельники? Старлей ржет: а кто? Пьете-едите за бесплатно, одели-обули вас на халяву, койку и тумбочку в казарме выделили, отдачи же армии пока ровно ноль целых их… десятых.

По сути, пока оно так. Мы ведь здесь только учимся, но на то она и «учебка», а по науке — школа младших авиаспециалистов. Окончим ее, по боевым частям распределимся — там, говорят, и будет настоящая служба. Словом, занимаемся пока как в школе, но на полную катушку — с утра до вечера, а это, понимаешь, далеко не кайф. На первых порах и пытались по-школьному развлекаться: кто галку пускал, кто чертиков рисовал, кто в морской бой играл. Хрен по всей морде, Лохматый, такие номера здесь на корню пресекаются — «через руки и после отбоя». Закон суровый: не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Тупой ты или острый, а общевоинские уставы зубрим хлеще, чем, наверное, при царе Закон Божий. Что не запомнил, наверстываешь за свой счет. Ну, сам понимаешь, — вместо сна. Жуткий кайф…

Натурально кайфово на занятиях изредка тоже бывает. Скажем, когда узбека, что в русском тупорыл, к доске вызывают. Во-первых, он и в классе норовит честь отдать, а шапки-то на среднеазиатской тыкве нет. Взводный бесится: «К пустой голове руку не прикладывают!» А во-вторых, недавно «брат» Варшавского Договора на политподготовке свой кишлак на карте Америки искал. Вообще и он, и все его земляки учебу ненавидят: по ним, лучше весь день камни тягать. До недавнего времени этот «брат», что по-нашему не петрит, одни «пары» по всему получал, и тогда ротный заставил взводного по вечерам с двоечником заниматься. Еще и в воскресенье отдельно. Офицерье по этому поводу даже перегрызлось, старлей в канцелярии так орал, что в спальном помещении слышно было: у него, мол, тоже конституционное право на выходной имеется. Однако майор, несмотря на этот ор, старлея, один хрен, нагнул, потому как самому комбат раз огромную «дыню» воткнул за узбековы ответы-молчания. Заглянешь вечером в ленкомнату — сидит наш взводный и этот,

который: «Масле-о!» Узбека аж жалко: пыхтит над конспектом, употел, будто десять пиал чая заглотил, но сигарету в курилке уже хорошо клянчить научился: «Давай, пожалюйста, заку-урим!» И ведь не откажешь…

Вообще курилка — одно из самых лучших мест в армии. Мы всегда там после обеда по полчаса балдеем — и не холодно вроде, хотя зима. С земляком об доме перетрещишь, сержанта-гада обматеришь. И об «дембеле» далеком взгрустнешь — чуть не до слезы. Узбеки отдельно кучкуются и по-своему лопочут. Наверное, тоже дом вспоминают, а может, и сволочных сержантов.

Как раз в курилке и проявляется нутро каждого. Есть ребята — бычком поделятся, а есть, у кого и знаешь, только начатая пачка в кармане, но внагляк брешет: «Последнюю скуриваю!» Педераст жлобский!

Главное, значит, только на лавочке размякнешь, глаза закроешь, мыслями дома уже — звонок проклятущий. Опять на забодавшие занятия тащиться… Уж после обеда на них хуже вдвойне. В сон клонишься, словно после ночной смены. Тоскливо, Лохматый, но — сам понимаешь — тихого часа в армии не предвидится. Эх, если б мне посчастливилось, я б, думаю, трое суток без роздыху прокемарил и даже хавать не ходил.

Один из нашего взвода клевал носом на занятии да и, в натуре, приснул. Скалился во сне — наверное, какая-то бабец виделась, как он ей под юбку лезет. И тут сосед сзади взял да и вышиб стул из-под дрыхнущего, тот на пол ка-ак наеб…ся! Вскочил, стул оседлал — кругом ржачка. А над кем ржут, никак в ситуацию не въедет, ну и давай с умняком на роже чего-то в тетради строчить. Самый кайф, что старлей в этот момент ничего и не диктовал.

В общем, житуха в армии — бочка дегтя и ложка меда. Сержант Шифоньер — об его лоб можно щенков убивать — раз под настроение поделился, как и ему, хлеще нас, порой перепадает.

Был Шифоньер не так давно начальником внутреннего караула и ночью, вместо уставов, детектив завлекательный читал. Вдруг в караулку — а она у нас на втором этаже, над оружейным складом, — звонят. Сержанту, понятно, лень задницу здоровенную от сиделки отрывать, он и командует свободному караульному: «Уточни, кто ломится». А по времени — действительно непонятка, кого середь ночи принесло: и дежурный по части шмон наводил, и ротный был, все до всякой х…ни дое…вался, и с политотдела пропагандой обозначился…

Позырил караульный в окно и докладывает: «Там командир

части стоит». Эх, как Шифоньер и вызверился: «Ну, ты, пень обоссанный, член опавший и гондон штопаный, шутковать со мной вздумал? Все, после наряда заживо на очке сгниешь! Полкана вообще в городе нету; он в округе, в командировке!»

И нет чтоб самому быстренько прояснить, кого леший не в очередь пригнал, так он неспехом по лестнице спустился, засов отодвигает, а там… Действительно, командир части, полковник Губач. Он ночью из командировки вернулся и прямо, домой не заезжая, по караулам вдарил. Свихнулся совсем на службе.

Губач еще выше Шифоньера, но не грузный. Не в нюх ему жданки пришлись, пока сержант раскачивался. Вот и решил его маленько к спорту приобщить: раз двадцать заставлял со второго на первый этаж сбегать: а не заедайся! Становится Шифоньер возле окна, чтобы полкан его видел, потом Губач отмашку дает — стартуй! Сам же засекает, за сколько сержант дистанцию лестничную покроет. С того уже пена, как с коня загнанного, но это кайф. Нечего, сам понимаешь, как фон-барон рассиживаться.

Вообще лично я бы в сержанты никогда не пошел. Потому они промеж двух огней существуют: офицеры-шакалы — и мы, пушечное мясо. Раз же согласился на эту педерастическую долю — получай от начальства в глаза, а от солдат — за глаза. Еще и подлянку какую при случае подкинут. Вурдалаку, например, ночью в оба сапога наср…ли. Сержанты потом целое расследование на эту тему учинили, только бесполезняк. Единственно, дневальному следующей ночью крутую правилку забацали — за то, что недоглядел, значит. Ну и как бы он это сделал? В роте сто пятьдесят рыл, а Вурдалакова койка в самом конце казармы. Да и вообще, по мне, чистые погоны — чистая совесть, нацепил же лычки — так и ходи обоср…м. Зато нам — кайфово.

Разумеется, взводный — не сержант и в казарме не спит, но тоже часто до отбоя толчется. То тумбочки и заправку коек проверяет, то в автоматы нос свой длинный сует, то противогазы обнюхивает: вдруг где коробки краешек при ржавел. А шутки у старлея вообще дурные, садистские.

Есть у нас во взводе рядовой — мелкий, юркий, как сперматозоид. Его Мылом прозвали, потому куда угодно без мыла… Ну, сам понимаешь. Рот у него сроду не закрывается, и на каждом занятии ему взводный по десять замечаний делает и уж сколько нарядов понаобъявлял. Следующий «урок» начался только — а Мыло уже хлеборезку разинул, чего-то у соседа проясняет.

Старлей и возмутился:

— Да ты в состоянии хоть час помолчать? Ей-богу, и в

субботу, и в воскресенье в увольнение отпущу. Но хоть один звук за занятие издашь — два наряда вне очереди.

Мыло молча головой кивает и уже руки потирать начал. Вдруг в дверях опоздавший Кащей Смертный объявился. Он до того тощий и страшный: голова спереди наполовину лысая — это в восемнадцать-то лет! — вот и прозвали. Явно в чипке сидел, но бьет кулаком в хилую грудь, что пропоносило.

Взводный его посадил рядом с Мылом и смехом-смехом, а на полном серьезе:

— Сумеешь соседа растребушить, чтобы он за урок чего ни то сказал — не только за опоздание прошу, а еще и в увольнение отпущу. И в субботу, и в воскресенье. А не сумеешь — извини, два наряда вне очереди.

— А что можно делать и чего нельзя? — интересуется Кащей.

— Все что угодно — в пределах разумности, — уточняет взводный.

Мыло надулся, как Ленин на буржуазию, взглядом старлея испепелить готов, но — молчит.

Конечно, то не занятие было — сплошной прикол. Мы все назад то и дело оглядывались, где Кащей по-всякому Мыло шпынял. Но тот геройски держался. Пока минут за пять до звонка Кащей, отчаявшись, не вытащил из шапки иголку… да ка-ак засадит ее болтуну, на молчальника экзамен сдающему, в зад! Мыло ка-ак взвоет!

У взводного рот до ушей.

— Уговор, — торжествует, — дороже денег. Два наряда вне очереди — и оба на параше, ну а Кащею — два «отгула».

— Товарищ старший лейтенант, так нечестно! — вопит Мыло.

— Честность в армии? — ухмыляется взводный. — Не встречал, не встречал…

И точно: загнал Мыло клозет драить. Два раза. Такие-то они, Лохматый, армейские шуточки. Кому в кайф, а кому не по нему…

Про то же, чего мы здесь конкретно учим, писать вовсе неинтересно. Бензины там, масла смазочные, их свойства, куда и зачем льют. Конечно, уставы и политподготовку. Она — это замполитов хлеб. Капитан вечно какую-нибудь мудистику понапридумает, типа дурацкой викторины «У карты Родины». Либо чего еще в том же разыдиотском духе. И все талдычит: «Вы — защитники Родины… Ваш долг — боеготовность…» Знаем, слыхали, наизусть затвердили. Я не дурак, давно врубился, что это за долг: выбрось из жизни два года и отдай армии родной. Деталь: х…во или ох…нно ты этот долг отдавать будешь — по барабану. Все на второй год служить оставят…

Да, телик тут тоже под замполитским контролем. Смотрим

сплошь новости, а чего путного — помечтай. Дуристика: «ящик» уж с неделю как наполовину навернулся — звука нет, но все одно — смотрим немое кино. От такого информирования вокруг храп стоит — аж искажения на экране.

Но — слава Богу, есть и у солдата полтора часа личного, свободного времени. По вечерам. Конечно, надо сапоги наваксить, подворотничок чистый подшить. Зато когда потом сядешь в углу казармы на табуретку, глаза закроешь и ни о чем — вообще ни о чем! — не думаешь, вот то есть истинный и ни с чем не сравнимый кайф! И тебе, Лохматый, этого ни за что не понять. Солдатское счастье: день **прошел**! И х… с ним!

Дни-то, само собой, разные бывают. Самые дерьмовые — хуже, чем парашу драить, — в наряде по кухне, на посудомойке. В хлеборезочной-то, наоборот, сплошной кайф: масла и сахара натрескаешься, только туда абы кого не назначают. Прошлый раз я целых полторы тысячи тарелок за сутки перемыл — «дисков прослушал». Этот наряд так и называют с приколом: дискотека…

В общем же существовать в армии можно, тем более что каждый день приближает «дембель», неизбежный, как крах империализма. Но пока империализм существует, дембель в опасности! Однако я твердо верю:

Наступит день — ведь он придет когда-то,
И будут нам светить издалека
Не звезды на погонах у комбата,
А звезды на бутылках коньяка!

С горячим солдатским приветом, твой друг Экселенц.
1987

ВСТРЕЧАЙ, ПРИЕЗЖАЕМ ЭЛИСТИНСКИМ…

Говорите что хотите, а социальная справедливость и в армии существует. Месяц ускользал от командира взвода лейтенанта Сергея Торова призрачно-недосягаемый выходной, так ведь свершилось же наконец! Целые сутки отдыха! От сей щедрости командира роты молодой офицер аж слегка опьянел…

Впрочем, на поверку долгожданный выходной оказался тяжелее иного понедельника. С утра — поездка на рынок, заметно опустошившая семейный кошелек Торовых, позже — фронтальная атака на дела домашние, неблагодарные, — как легкомысленно мы, бывает, перекладываем их одно за другим «на воскресенье»!.. Лишь к вечеру, отвоевавшись с генеральной уборкой и переборкой картофеля, Сергей с супругой вырвались-таки в кино.

Наудачу выбранный фильм оказался средненьким. Зато лейтенантша блеснула в фойе кинотеатра ослепительным вечерним туалетом, напрочь съевшим месячное денежное довольствие мужа.

По дороге домой, в троллейбусе, от вялого обсуждения актерской игры Торовы незаметно переключились на избитую тему: квартирную. Жили-существовали они пока в полуподвальной комнате, зато с отдельным входом. Но за набившим оскомину бесперспективным разговором лейтенант упорно не забывал и о службе.

— Слышь, Валь, — смущенно обратился он к жене, помогая ей выйти из троллейбуса, — ты бы на КПП минут пяток подождала… Я в роту забегу…

Торова неодобрительно посмотрела на своего служивого и разом высвободила локоть из его ладони.

— Зна-аем твои «минут пяток». Ну скажи, скажи, сегодня-то ты что там забыл?

— Значит, есть что… — виновато улыбнулся муж неполучившейся улыбкой.

— Так… Так и подозревала, для чего на фильм в форму вырядился! — насупилась жена и зло закончила: — Чтоб она провалилась, служба твоя ненаглядная!

Усадив раздосадованную супругу в комнате для посетителей на контрольно-пропускном пункте, Торов через плац помчался на верхний этаж типовой четырехэтажной казармы — в роту. Своя логика в том поступке была, и немалая: командир роты, майор Вепреед, от командиров взводов требовал неукоснительного

появления в подразделении в любой выходной или даже праздничный день.

— Ненадолго, — пояснял ротный. — На час, на два… Положение дел во взводе узнать, с сержантом побеседовать, с кем-то из «трудных». В общем, поработать с людьми. Такой приход, кстати, весьма благотворно действует на личный состав в смысле дальнейшего укрепления воинской дисциплины…

Командир батальона подполковник Баклаков эту позицию ротного разделял полностью и окончательно. И не было для взводного страшнее момента, когда, переступив в понедельник утром порог части, он натыкался на гневный вопрос, исходящий из комбатовских уст:

— А ты знаешь, что у тебя во взводе вчера?..

Горе, горе тому, кто не знал!!!

От неприятных воспоминаний Торов даже слегка поежился, преодолевая последний лестничный марш.

— Дежурный по роте, на выход! — выкатив глаза, истошно проорал очередной дневальный, увидев в дверях офицерскую форму. К Торову оперативно подкатился кряжистый сержант с повязкой дежурного по роте на левом рукаве кителя.

— То-арыц лейт-нант, дежурный по роте сержант Каюмов!

— Как обстановочка? — осведомился Торов, пожимая жесткую сержантскую ладонь.

— Все по плану, — пожал Каюмов метровыми плечами, чуть наклонив влево голову. — А вон, кстати, и ваш Лодочник плывет…

Действительно, завидев своего командира, к Торову подходил старший сержант Лодочник, заместитель взводного, а проще — «замок». Лейтенант и у него осведомился, все ли в подразделении в порядке.

— В целом нормально. Правда, вот Котов… — несколько замялся старший сержант.

— Что? Договаривай! — тут же насторожился Торов.

Рядовой Котов, москвич в энном поколении, по мнению старшины роты прапорщика Оселедько, армии был «резко противопоказан». Все валилось у него из рук, всюду солдат опаздывал, вечно ходил плохо подшитый, недобритый и одним видом своим сразу вызывал раздражение у командиров всех степеней. Зато на политзанятиях солдату, теперь уже по словам замполита роты капитана Соловьева, «не было в части равных».

— Телеграмма у него, — пояснил «замок». — Родители приезжают.

— Ну и на здоровье, — отлегло от сердца у Торова. — Подумаешь, событие…

— Оно-то так, — усмехнулся Лодочник, соглашаясь вроде бы с офицером. — Только папуля с мамулей очень желают, чтобы их встречал лично сынуля, а поезд аж после отбоя. Ответственный замполит сегодня, так вот он сказал: об увольнении не может быть и речи. И даже Котиковы крокодиловы слезы не помогли…

— А ну-ка, живо его сюда, — скомандовал, нахмурившись, офицер.

…С неделю назад остриженный «под футбол» рядовой Котов обиженно шмыгал вислым носом и канючил:

— Тоо-арищ лейтенант… У них же в городе знакомых не-ет… Не на вокзале же папе и маме ночева-ать… — И все настойчиво совал в руки взводному бело-голубой бланк срочной телеграммы. Когда Торов забрал ее у рядового, тот явно облегченно вздохнул.

«Встречай, приезжаем элистинским…» — прочел лейтенант. Дальше шли дата приезда, номер вагона и в конце — видимо, в надежде пронять суровые командирские сердца — повтор просьбы: «Встречай обязательно».

— «Мама, папа», — зачем-то вслух прочел венчающие телеграмму слова Торов и перевел взгляд на умоляющую физиономию Котова. — Вряд ли я чем помогу. Отбой — это отбой. Завтра увидишься…

— Тоо-арищ лейтенант! — чувствуя, как ускользает последняя надежда уже сегодня встретиться с родителями, застонал солдат. — А если, значит, с вами? — И чуть опустил голову, как бы понимая беспардонность подобной просьбы, но в то же время исподлобья продолжая вглядываться в командирское лицо.

«Сто лет оно б мне нужно было!» — подумал Сергей, мгновенно вспомнив про жену, дожидающуюся на КПП. Котов, видимо, угадал течение лейтенантских мыслей, как-то отразившееся у Торова на лице, потому что лицо солдата моментально обмякло и он упавшим голосом, уже без всякой надежды зачастил:

— Конечно, вам-то что. Не ваши ж родители… А им куда? Города не знают.

— Наверное, прежде чем ехать, стоило и о ночлеге побеспокоиться, — с долей дидактики возразил Торов. — Прямо из столицы… Каких-нибудь друзей знакомых знакомых найти, что ли.

— Тоо-арищ лейтенант! — уловив сомнение в командирском голосе, вновь завел жалостливую пластинку солдат. Как клещ в Торова вцепился.

И уломал-таки: пошел Сергей к замполиту роты. Договариваться: нельзя ли самому с солдатом его родителей

встретить?

— Ну зачем тебе эта ненужная демократия? — хмуро поинтересовался сидящий в канцелярии капитан Соловьев. — Забыл, что, куда солдата ни целуй, у него везде ж…? Человеколюбие проявить не терпится? Давай-валяй, только приключений на всю роту не наживи. Лично я бы ни за что не поехал: ни к чему это — солдат поваживать.

Но Торов лишь махнул рукой: а-а, ерунда! И поехал на пару с сияющим, как начищенная медная пряжка, Котовым на железнодорожный вокзал. А разгневанная офицерская жена пошла домой в гордом одиночестве, предварительно пообещав мужу-предателю завтра же уволиться с работы и улететь к своим родителям, где она «хорошенько могла бы подумать, нужна ли в дальнейшем такая семейная жизнь».

Поезд «Москва — Элиста», шедший из столицы, припоздал на час. Так что, когда солдат наконец-то перелобызался с папулей и мамулей, электронные часы на перроне показывали полдвенадцатого ночи.

— Очень, очень признательны, что встретили, — тряс Торову руку Котов-старший — сухопарый энергичный мужчина с аккуратными бачками и таким же, как у сына, вислым носом. И, как бы невзначай, ввернул фразу: — Ну, вы, наверное, и о гостинице побеспокоились?

— Извините, особых связей… — смешался Торов и вяло попытался откреститься от родительского благоустройства. Неожиданно он осознал, что, сдуру приехав с солдатом на вокзал, он как бы уже выдавал на это обустройство вексель. И по нему теперь будут пытаться получить сполна.

— Нам ведь идти некуда, — обиженно и с нажимом заявила модно одетая мать рядового, рано расплывшаяся, в противоположность супругу.

— В первопрестольную попадете — мы там вам, чем можем, поможем, — подхватил он. — Уж выручайте, а долг платежом красен.

Торов почесал затылок и не нашелся что ответить, кроме как:

— Ладно, пойдемте на стоянку такси…

Результатом круиза по городским гостиницам явились цифры шесть-пятьдесят шесть на счетчике такси, сорок пять минут потерянного времени и полный крах лейтенантских надежд быстро отделаться от прилипчивых родителей: свободных мест не оказалось нигде.

— И куда теперь вы нас повезете? — с вопросом-вызовом в голосе произнесла Котова.

А ее сухопарый супруг добавил с зевком:

— Дьявольски спать… охота…

— Так куда едем, командир? — напирал на Торова и таксист. — Мне стоять резона нет.

И только подчиненный лейтенанта молча прижух в углу на заднем сиденье.

— Едем-едем, — вздохнул офицер и назвал таксисту свой домашний адрес.

По дороге домой лейтенант хотел было предварительно завезти солдата в часть, но мать рядового надрывно запричитала:

— Ребенок же совсем голодный… Пусть хоть капельку домашнего перекусит…

Сонная жена Торова сразу не могла взять в толк, что за гости свалились к ним за полночь. Поняв же наконец всю прелесть ситуации, всплеснула руками и обреченно прошептала:

— Ну, Торов, ты и лопушок… Угораздило, сдуру ума, связаться.

Стол московские гости сервировали на славу. Банки югославской ветчины и печени трески, просвечивающиеся ломтики осетрины и нежно-белые, жирные кусочки палтуса, ноздреватый венгерский сыр, копченая утка и косо нарезанная твердокопченая колбаса. Тут же десерт — горка крупных апельсинов с наклейками «Магос», рядом — конфеты: «Мишка», «Песни Кольцова» и трюфели. Столичная мама бережно развернула укутанную в полотенце поллитровую банку черной икры; столичный папа с не меньшими предосторожностями извлек из баула бутылку вина «Черный доктор» и водку «Посольская». А Торовым было ужасно стыдно за свой полупустой холодильник.

— Простите, не ждали, — оправдывалась хозяйка полуподвала, смущенно ставя на стол сковороду с котлетами и жареной картошкой, яичницу, масло и тарелку соленой капусты.

— Эт ничего, — довольно обвел взглядом Котов-старший плотно заставленный стол с дарами первопрестольной. — Хозяюшка, стопочки-то!

А готовившая бутерброды с икрой гостья, увидев на скатерти простенькие рюмочки с золотым ободком поверху, не удержалась от комментария:

— Скромновато живете… — чем вогнала офицерскую чету в густую краску.

— Ты тоже, мать, — упрекнул Котов-старший жену. — Они ж еще только начинают…

Сам же с удовольствием разливал вино и водку.

— Я воздержусь, завтра с утра на службу, а ему (кивнул лейтенант на солдата) совсем нельзя.

Вообще Торов очень неловко чувствовал себя за общим столом со своим подчиненным и втайне выругал жену, додумавшуюся поставить на скатерть не четыре, а пять рюмочек. Солдат же ощутил что-то сродни подобной неловкости еще на вокзале, когда в разговоре с командиром со стороны родителей был проявлен настоящий словесный прессинг. Теперь до рядового уже дошло, что своей настырностью в роте, а затем и родительской на вокзале его семейство перевалило собственные проблемы на чужие плечи и что, по крайней мере, уж не стоило бы тащиться самому к командиру домой.

Отчаянно задвигав челюстями, Котов-младший мощным глотком освободил рот от деликатесов и поддержал доводы Торова:

— Но мне действительно нельзя и в роту надо…

Неизвестно, кто нарушил бы немую сцену, но тут за окнами тормознула машина, хлопнула дверца и кто-то решительно открыл калитку. Один Торов догадался, кто бы это мог быть, но не бежать же от стола к двери…

Меж тем в нее постучали. Лейтенант громко ответил: «Открыто!» — и, нагибаясь, чтобы не задеть головой о косяк, в комнату вошел старший лейтенант с повязкой помощника дежурного по части. Окинув взглядом изобилие снеди на столе, офицер про себя — все это хорошо поняли — взял на заметку присутствие спиртного и не спеша произнес:

— Гуля-аете, значитца. А в роте с ног сбились: куда это солдат исчез? Нехорошо, товарищ лейтенант, не по уставу. Дежурного по роте подвели. Заместитель командира части караулы проверил, пошел по ротам: где солдат? Нет солдата… Хотя б соизволили меня или дежурного по части в известность поставить.

— А… разве замполит ничего не сказал? — изумился Торов.

— Ни словечка, — развел «помдеж» руками и добавил: — В общем, пожалте в машину…

Заместитель командира части по тылу — огромный грузный подполковник — выслушал Торова, вытирая носовым платком то мощную шею, то обширную лысину (в дежурке, несмотря на приотворенное окно, было душно), а затем пропыхтел:

— Та-ак… Оно вон что… Пуфф… Ясненько-ясненько. Только при чем тут замполит? Надо было через дежурного по части да по увольнительной записке… пуфф-пуфф… А так — самая настоящая самоволка, оно вот что. Да еще… пуфф… с отягчающими обстоятельствами…

— Но я же… — начал, объяснять Торов, однако тыловик перебил:

— Вы свободны… Завтра во всем доразберемся… Пуфф…

Проходя мимо окна дежурки, Торов расслышал захлебывающийся, частящий голос «помдежа»:

— Значитца, захожу я к ним, таарыщ полковник, а они — гуляют, на столе бутылок батарея делая…

«Сексот… Тьфу! — сплюнул Торов. — Главное — и тут не упустил случая начальнику зад лизнуть: на словах в полковники досрочно произвел».

Проклиная московское семейство, а больше — собственную мягкотелость, кою из курсантов военных училищ напрочь выбивают еще на первых курсах, лейтенант констатировал факт, что военной кафедре политехнического вуза в этом смысле до училища далеко. И что вообще дурость: призывать специалистов, как его, из «гражданки» на два года, из которых год офицера самого еще больше, чем солдата, учить надо, а на второй год все уже назад, на «гражданку» смотрят…

Так, невесело, и прошагал он несколько кварталов, отделявших воинскую часть от дорогостоящего полуподвала. Свет в окнах семейной берлоги не горел, но Котов-старший с зажженной сигаретой топтался у калитки.

— Как-то все неудачно вышло, — сразу заизвинялся он.

— Да не волнуйтесь, мы завтра чего ни то подыщем. Мы вообще дня на три…

— Поздно теперь, — тихо сказал Сергей. — Живите, от нас не убудет…

— Нет, вы не подумайте, что мы какие-то… — удерживал Котов-старший Торова за руку. — Отлично ж понимаем, что вас под монастырь подвели. Секир-башка от начальства будет, а? — И московский папа фамильярно сжал ладонью лейтенантов локоть.

— Замнем для ясности, — поморщился Торов. — Спать пора.

— Конечно-конечно, — согнал фамильярность с лица Котов-старший, но локоть так и не отпустил. — Я просто сказать хочу: может, вам туфли импортные для жены надо… Или там косметику французскую, из деликатесов чего… Говорите прямо, связи кое-какие имеются, и по цене сделаем все по минимуму. Вы ж поймите: пол-Москвы знакомых, а здесь — ну хоть бы какая зацепочка…

— Ладно, — уже чуть ли не с ненавистью сказал Сергей, спасибо и — спать.

Сон, однако, не шел. Офицер лежал за ширмочкой, слушая, как на кресле-кровати и диване похрапывают гости: Котов-старший удивительно тонко, его супруга — значительно ниже, иногда с переливчатыми руладами.

«Прав все же, черт возьми, был замполит, — не покидала

лейтенанта настырная мысль, — куда солдата ни целуй… И вообще: ни одно хорошее дело не остается безнаказанным. Прав, прав, прав…»

«Неправ, неправ», — не соглашалось с разумом сердце.

Утром на службе Торова ожидал полнейший разгром. Начало ему было положено на построении офицеров. Кратко подведя итоги воскресного дня, зам по тылу выложил на свет божий ночную историю, говоря о пьянстве Сергея с родителями солдата как об аксиоме.

— Спасибо, хоть рядового споить не успели, товарищ… пуфф… лейтенант, — закончил подполковник. — Санчасть проверила — пуфф… трезвый, как ни странно…

Затем Торова отозвал в сторону командир части.

— Не с того службу начинаешь, Сергей, — отечески поучал он. — Или считаешь: два обязательных года протяну, а там на «гражданку»? А вдруг передумаешь? Взыскание-то, оно служебную карточку, ой, не красит… Я тебе как отец скажу: даже сто граммов, может, и не такой великий грех, если это, конечно, не систематически и не в служебное время. Но не с отцом солдата, а тем паче — в собственной квартире…

— В чужом полуподвале, — мрачно поправил Сергей.

— То уже детали, — поморщился полковник.

— А куда ж мне, товарищ командир, их в таком разе везти-то было? — нехотя отозвался Торов. — Все ж гостиницы обкатали — и по нулям…

(Доказывать, что спиртного не пил, лейтенант даже и пытаться не стал: факт «установлен», сложившееся общественное мнение обжалованию не подлежит.)

— Ну… — запнулся на секунду командир части. — Да позвонил бы мне домой — глядишь, чего-нибудь с гостиницей и придумали бы.

— Это в первом-то часу ночи звонить?..

Командир части пригладил щеточку усов.

— В таком случае, Сергей, скажи мне откровенно: а чего ты, собственно, в это время сам, лично, на вокзал поехал.? Они тебе что — родственники, знакомые, кто-то за них попросил?

…Тот же вопрос, только в более грубой форме, задал Торову комбат в своем кабинете.

— Никак нет, впервые на перроне увидел, — возразил Торов.

— Врете! — отрубил, трахнув кулаком по столу, подполковник Баклаков. — Не верю в ваш дешевый альтруизм! Спиритус-вини на дурничку откушать захотелось — вот и весь сказ! И икоркой закусить! Ты как офицеров воспитываешь? — повернулся комбат к стоящему чуть в стороне от Торова майору

Вепрееду. — Распустил роту! Они у тебя жратвой и водкой взятки берут!

Вепреед мгновенно побагровел — признак крайнего гнева.

— Это еще позвольте… — начал он.

— Не позволю! — заорал Баклаков, опять хватив кулаком по столу. — В моем батальоне — не позволю! И сей же час чтоб этих шелудивых родителей у тебя дома и след простыл! Увольнение ихнему сыну запрещаю! Слышите, оба? За-пре-ща-ю! А поскольку он совершил самовольную отлучку, сейчас выпишу записку об аресте — и белым лебедем на пять суток гауптвахты! Мои действия можете обжаловать хоть самому министру обороны!

— Насчет солдата — это, конечно, ваше право, — закусил удила и Сергей. — Только вот кому проживать в квартире, за которую я треть месячного довольствия своего денежного плачу, — решать буду сам. Или, может, вы под предлогом пользы для службы и моей женой распоряжаться вздумаете?

Подполковник Баклаков зашелся в таких ругательствах, на которые способен лишь человек, имеющий за плечами лет двадцать офицерской службы, а под конец, после крика: «Вон из кабинета!» — трясущимися руками полез за коробочкой с нитроглицерином…

«Последняя серия» разгрома Торовым досматривалась и выслушивалась в канцелярии роты.

Майор Вепреед прикурил сигарету, перехватил горящую спичку за погасший уже ее конец, предварительно послюнив пальцы; дождался, пока догорит и другой, и бросил изогнувшийся кусочек обугленного дерева в пепельницу.

— Гражданским ты, Сергей Николаевич, был, гражданским пока и остался, — внешне спокойно начал Вепреед. — Ну скажи, объясни, кой леший тебя погнал на вокзал? Обязан, что ли? Сам говоришь — нет. Тогда не понимаю. В уставе про родителей ничего не записано.

— Там записано, что надо вникать в нужды подчиненных, — угрюмо уточнил Сергей. — Я и вник.

— Ну ладно, ладно. Хотя, на мой взгляд, — это не в ту сторону «вникание», — усмехнулся Вепреед. — Только тогда давай и дальше к уставу действия твои примерять. Увольнительную — не выписал, с дежурным по части — не согласовал…

— Товарищ майор, так я ж считал, что замполит предупредит! Он же знал!

— В арифметике ты не силен, — поморщился Вепреед. — Считал, да плохо. Сам знаешь: ответственный по роте — лицо неофициальное, в уставе этой должности нет. Так что, хоть я

замполита и не одобряю — мог, конечно, и он в дежурку перед уходом из подразделения звякнуть, но ведь не обязан… Отвечать за твою самодеятельность по большому счету тебе самому.

— А я что? Виноват — наказывайте, — выдавил Торов расхожую для подобных случаев фразу, не отрывая взгляда от останков спички в пепельнице.

— Накажем-накажем, уж за этим не заржавеет, — с прорывающейся злостью сказал Вепреед и вдруг повысил голос: — Ну а я чем виноват? Меня ведь тоже не обойдут! А рота, которую на всех совещаниях с дерьмом мешать будут? Подымите глаза, товарищ лейтенант! Набрали в армию сосунков, детский сад, мать вашу!..

— Вы не имеете права! — вскочил Торов со стула.

— Имею! — тоже поднялся ротный, выпрямившись во весь свой огромный рост: два ноль пять. — Имею, молокосос! Я в роте — царь, бог и хозяин и потому отвечаю за все! В том числе и за твое идиотское поваживание этих идиотских родителей! На черта они в армии вообще нужны? Солдата от службы отвлекать, из колеи выбивать накатанной? Мало того, любой из пап и мам со своими увещеваниями, а то и указаниями, если шишка на ровном месте, именно ко мне прется! «Помогите, посодействуйте, отправьте служить после „учебки“ поближе к дому…» По сто пятьдесят гавриков за набор, да два набора в год — к каждому хоть по разу приедут, посчитай, сколько гостей незваных по мою душу! Иные неделями возле части ошиваются! Да еще: «Не могли бы устроить в гостиницу, с билетом на самолет помочь?» Мне что, без того забот мало — вон, даже на воскресенья остается!

— Родителей можно понять, — вставил фразу в командирский монолог Торов. — Окажись вы на их месте…

— Не желаю понимать! Не же-ла-ю!!! — заорал Вепреед так, что, наверное, в другом углу казармы, в каптерке, старшина услышал. — И на их месте тоже никогда не буду: у меня две дочки! А и не обделил бы господь сыном — один хрен, к нему в часть никогда бы не поехал, перед командирами унижаться! Вам, похоже, невдомек, что после такого визита моему воображаемому наследнику обязательно поблажки бы пошли, хоть бы я сам и ничего не просил!

Торов, припертый к стенке доводами ротного, с трудом переваривал их.

— Эх, гражданская твоя душа, — сбавил Вепреед тон, опершись ладонями о столешницу, но все равно продолжая возвышаться над подчиненным: — Ты ж не знаешь пока, что иные родители, кто понаглее да попронырливее, и споить норовят, и взятки всякого рода действительно суют… Особенно те, кто из

теплых краев… И не только мужики! Одна любящая мама под меня и лечь была готова, — так сказать, совместить приятное с полезным для сына! Другую же настырную семейку насилу из канцелярии, вместе с их корзинами, взашей вытолкал. А они от меня — прямиком к начальнику политотдела. Жаловаться. Опять, значит, я в дураках оказался: «надо уметь сдерживать собственные эмоции», и за «несдержанность» — еще выговорешник…

— Но неужели вам матерей, которые ни с какими взятками, а просто по-человечески поговорить хотят, тоже не жалко? — взывал к струнам души ротного Торов. — И самих солдат — для них ведь приезд родителей всегда праздник…

— Не жалко! — отрезал Вепреед. — Потому что два года Родине отдай, не греши, а уж все остальное — мамкино. Перебьется родная: расклад и так явно в ее пользу. Для того, между прочим, и приказ, чтоб в области-крае, откуда призывался, запретить службу проходить. Иначе замучают бедные мамочки командиров всех степеней! От части отходить не будут! А солдат будет служить хорошо, коль у него в мыслях одна встреча с родными весь день представляться станет? То-то! И плевал я на все эти «приезды-праздники»! Для меня лично родители — любые — только неуставная форма наказания!

Вепреед секунду помолчал, потом добавил:

— Не забывай: мы с тобой сюда поставлены, чтоб из вчерашних школьников сегодняшних бойцов готовить, настоящих мужчин, а любая встреча с папой-мамой — напоминание и даже убеждение в том, что он пока маленький, ребенок. Это — однозначно… Вот так, милый Сереженька. А со своими гостями можешь поступать как знаешь, но мой совет: пусть немедленно уезжают восвояси. Солдата им не видать как своих ушей. Пускай лучше сыну письмо на гауптвахту напишут. Можно — два… Против писем я ничего не имею…

Что ж, родители рядового Котова действительно так и уехали несолоно хлебавши. Даже визит к командиру части не помог. Перед отъездом столичная мама жестоко выругала приютившего ее лейтенанта за то, что он «додумался без разрешения притащить ребенка на вокзал среди ночи и вообще главный виновник того, что мы только зря и крупно потратились на поездку». Папаша же прозябавшего на «губе» рядового втихаря попытался вручить Торову четвертной билет — вроде платы за хлопоты и ночлег. О приглашении в первопрестольную, естественно, и речи больше не шло.

А вот интересно — повторись теперь в жизни офицера ситуация с телеграммой, не пришлось ли бы другим солдатским

родителям ночевать на жесткой вокзальной скамье?..

1989

ПОЧЕМУ ПРОЦЕСС НЕ ПОШЕЛ?

В учебный полк, на вакантную должность командира роты, из Дальневосточного военного округа прибыл подполковник Ронькин. До перемещения старший офицер служил заместителем командира ракетной бригады по тылу, но, по слухам, оказался козлом отпущения в расследовании по поводу крупномасштабного присвоения войскового имущества. Впрочем, по неведомым нам причинам, военная прокуратура быстренько квалифицировала должностную халатность фигуранта как дисциплинарный проступок. И с рук на руки сдала штрафника начальству: наказывайте, мол, своей властью. В итоге главного бригадного тыловика с понижением в должности перевели из непрестижного округа… в курортный, южный.

К исполнению новых обязанностей Ронькин приступил рьяно. Утром, представленный комбатом личному составу роты, сразу пообещал в кратчайший срок вывести подразделение из отстающих в передовые. И тут же засел в канцелярии, где к вечеру перелопатил все имеющиеся там бумаги, оставшись крайне недовольным ведением ротной документации. А когда солдаты и сержанты ушли на ужин, принялся один на один беседовать с командирами взводов.

Первым аудиенции удостоился лейтенант Заступин. Задав ему ряд общебиографических вопросов, Ронькин ошарашил подчиненного предложением написать рапорт о переводе в Дальневосточный военный округ.

— А за что? — обидчиво спросил, оттопырив нижнюю губу, лейтенант. — Чем это я вам сразу не угодил?

— Ага-а! — радостно протянул Ронькин, воздев к потолку мясистый указательный палец. — Стало быть, на дурничку надеемся? Всю службу по тылам да по югам отсидеться, балду прогонять?..

— Это я-то балду гоняю? — еще больше возмутился Заступин. — С утра до ночи в казарме, ни выходных, ни «проходных»…

— Молчать! — насупившись, прикрикнул на него ротный и открыл тетрадь энциклопедического формата в красном ледерине и с золотым тиснением по нему: «Приказы».

— Приказ министра обороны номер… от восемьдесят восьмого года. Быстро!

Комвзвода наморщил лоб, но, конечно, ничего не вспомнил: приказ издавался, когда лейтенант еще учился в школе.

— Ага-а! — торжествующе протянул и почти уткнул палец-

сардельку в грудь подчиненному Ронькин. — Ни хрена не шаешь? Дармоед! Гнать из армии в три шеи! Вон, б…, из кабинета!

Следующим в канцелярию постучался лейтенант Опенкин — и через пять минут выскочил из нее под аккомпанемент аналогичных «похвал».

К тому времени тертый жизнью капитан Барбачев уже успел выпытать у Заступина детали «задушевного» разговора и в канцелярию вошел готовый к нему.

Капитан спокойно разыграл с Ронькиным все тот же испытанный ротным вариант «индивидуальной беседы», бесстрастно выслушал, что он, взводный со стажем, есть «дурничный балдежник», без которого «армия только облегченно вздохнет», и попросил разрешения задать вопрос.

— Ну… — снизошел до соблаговоления начальник.

— Вот лист бумаги и ручка. Можете по памяти нарисовать схему фильтрации горючего на складе ГСМ авиатехнической части?

— Чего-о? — изумился ротный. — Да на х… она мне нужна? — и пренебрежительно отбросил граненую авторучку, скатившуюся со стола на пол.

— Да по должности знать положено, — подстроился под лексикон подполковника Барбачев, настойчиво возвращая авторучку на чистый лист. — А какие анализы ГСМ производятся на полевой лаборатории ПА-2М? А чем октановое число отличается от сортности в маркировке авиабензинов? А…

— Молчать! — рявкнул ротный и бухнул кулаком по столешнице. — Ты мне лапшу на уши не зависай! Число, сортирность какую-то удумал! На х…, говорю, они мне уср…сь! Главное — воинская дисциплина и уставы!

— Насчет этого ничего против не имею, — быстро согласился Барбачев. — Однако смею напомнить, что по должности вы — старший преподаватель, тире — командир учебной роты. Стало быть, все вопросы курса подготовки будущих лаборантов ГСМ обязаны знать назубок! Как же иначе нас, взводных, проверять будете? Знание основной программы, методика, контроль перспективных наработок, наращивание учебно-материальной базы?..

— Ну, ты! — перебил, мало что уловив, подполковник. — Не умничать мне тут! Не боги горшки! Надо — и нарастим, и освоим!

— Ну и мы давние приказы освоим, — с улыбкой пообещал капитан. — Сами знаете, как их обычно доводят до нас: в части, касающейся…

Больше в тот вечер Ронькин с командирами взводов не

беседовал. Может, подустал, а может, и еще по какой причине.

Весь следующий день ротный лазил по солдатским тумбочкам, заглядывал под матрасы, ревизовал кладовую-каптерку, копался в комнате для умывания, а особенно долго — в туалете. Вечером же, в канцелярии, победно орал на командиров взводов, утверждая, что:

— Рота погрязла в грязи!

— Честь подразделения обесчещена нечищеным оружием!

— Налицо наличие отсутствия присутствия дисциплины!

— В казарме беспорядочный беспорядок!

Наконец подытожил разнос:

— С завтра все прибываем в подразделение до подъема, а убываем после отбоя. И никаких выходных и праздников до тех пор, пока не выведем роту из отстающих в передовые!

Робкий ропот тут же был пресечен ударом кулака по столешнице и грозным рыком:

— Молчать, б…! Я в роте хозяин!

После затянувшейся паузы «хозяин», поморщившись, добавил:

— Эх, и дураки же вы все, непонятно чем набитые! Ведь для вашего же блага стараюсь!

Наутро офицеры роты были в казарме кто в полшестого, кто в пять сорок. И только сам Ронькин заявился к восьми утра и со следами затянувшегося возлияния на лице. По этому поводу он сразу же недвусмысленно выразился: «Старшим в ж… не заглядывают!» — и вновь принялся играть роль инспектирующего, присланного в подразделение с целью разгромной проверки.

Минули сутки, двое, трое. Офицеры роты, про себя и меж собой костеря начальника-деспота, продолжали приходить в городок ранней ранью и разбредаться по домам в ночь. Вечерами лейтенанты и капитаны слонялись друг за другом по пустой казарме: пока рота отужинает, да полтора часа свободного солдатского времени, да просмотр теленовостей… Короче говоря, уже на четвертый день возникла идея «употребить». Остограммились… Жить стало легче, жить стало веселей! А следующим вечером взводные «употребили» на удивление много (чего в подразделении отродясь не случалось) — и тут перед самым отбоем в роту с внезапной проверкой приехал полковник — командир части.

Эх, как же громил он несостоявшегося передовика!

— Суббота, десять вечера, — а у него полная казарма пьяных офицеров! Вы что, товарищ подполковник, совсем ох…и? Это и есть «новые методы работы», о которых мне недавно соловьем

разливались? Идиот! Тупица! Уровень ефрейтора!

Ронькин стоял, вытянувшись в струнку, и тупо пожирал глазами начальство.

— Да я, товарищ полковник, — попытался было оправдаться он, — честное слово, в упор не понимаю, как оно так вышло. Хотел же как лучше… Ну ничего, сейчас вы уедете, — и на физиономии старшего офицера проглянуло нечто звериное, — я им всем такого покажу!

— Я т-те покажу! Долб…! — выматерился и едва не подпрыгнул на месте полковник. — Тебе и ефрейтора чересчур много! Звони в автопарк! Вызывай дежурный автобус! Офицеров развезти по домам, чтоб еще по пьяни никуда не угодили! Сам останешься здесь! Контролируй отбой!

— Так точно! — радостно выкрикнул Ронькин.

…На следующий день, после предупреждения о неполном служебном соответствии, подполковник временно прекратил процесс выведения подразделения из отстающих в передовые. Но никто в части не сомневался: скоро он, в своих попытках реабилитироваться, обязательно придумает еще что-нибудь разэдакое, а со временем точно доведет подразделение до полного развала. По всем показателям.

И довел. Всего за полгода. После чего был уволен как бы по сокращению, и теперь, не в силах усидеть дома, на пенсии, очертя голову кинулся в политику. И на всех углах бьет себя кулаком в грудь, яростно восклицая:

— Я — истинный патриот российской армии! Через то от нее и претерпел!

Самое интересное, что в части Ронькина сегодня вспоминают добрым словом, потому что на освободившееся место ротного пришел офицер, по сравнению с которым подполковник для подчиненных был отцом родным.

1998

ПРИСТУП ВЕЖЛИВОСТИ

Начальник штаба учебной воинской части подполковник Стецько слыл отъявленным матерщинником. Творчески совершенствуя свою бранную квалификацию, он щедро обогащал «великий и могучий» рискованными словосочетаниями:

— Чтоб тебя етли, а мне за это деньги несли!

— Чтоб у тебя хрен на пятке вырос: как отливать, так разувать!

— Растривознаперезаетись ты, в двенадцать апостолов-мать!

На таковых восклицательных предложениях, считал отец штабной культуры, главным образом и зиждется учебно-воспитательный процесс солдат, прапорщиков и офицеров-подчиненных. Мало кто из них осмеливался дать нецензурщику окорот: «бунтовщики» немедленно брались на карандаш, и вскоре «возникала необходимость» внезапной проверки подразделения, где числился недовольный словесным воспитанием. А поскольку по части знания уставов Стецько был бо-ольшим докой, то незамедлительно рождался приказ о наказании… понятно кого…

Впрочем, однажды и подполковнику пришлось поступиться принципами…

Тихим сентябрьским вечером Стецько в благодушном настроении — только что со вкусом выбранил начальника физподготовки из-за нескольких свалившихся в открытый бассейн листьев — стоял на плацу, перед зданием штаба, вертя на пальце кольцо со связкой ключей и мурлыкая под нос что-то новенькое из своего ругательного репертуара. Тут распахнулась дверь контрольно-пропускного пункта, и на пороге возник сменившийся с караула лейтенант Супоров.

Толстый и ленивый, он откровенно тяготился службой, несмотря на молодость, а при ходьбе переваливался как откормленная утка, за что еще курсантом был окрещен Утей. За ним, как за принцем крови, угадывалась тень всемогущего дяди-генерала, обещавшего племяшу стремительную военную карьеру. Пока же Супоров-младший с неприкрытым отвращением имитировал исполнение обязанностей командира взвода.

Завидев Стецько, лейтенант нехотя изобразил отдание воинской чести начальнику. Тому это изображение не понравилось, и Уте пришлось еще трижды отдать честь самому подполковнику и столько же — пирамидальному тополю перед «дежуркой»: энша захотелось оценить четкость исполнения строевого приема со стороны.

Напоследок ласково, по-отцовски обматерив «позвоночного»

(о дядях-генералах следует знать и помнить), начальник штаба отпустил Утю сдавать пистолет в специальную комнату «дежурки», где за металлической дверью, в стальных шкафах с сейфовскими замками, хранилось личное оружие офицеров и прапорщиков.

Лейтенант вошел в коридор «дежурки», поздоровался с сидящим за пультом капитаном и, беззаботно насвистывая под нос — а чего, мол, имею полное право, боевой наряд пронес без замечаний, — принялся разряжать пистолет Макарова, на сленге военнослужащих — просто «пээм».

Супоров извлек оружие и запасной магазин из кобуры, снял «пээм» с предохранителя, машинально передернул затвор, при этом загнав патрон в ствол… Потом вынул магазин из пистолетной рукоятки и нажал на курок, производя контрольный спуск.

Выстрел хлопнул оглушительно. Пуля вонзилась в пол в шаге от дежурного по части. Капитан птицей взвился со стула и вскочил на ноги, со страхом взирая на лейтенанта: уж не рехнулся ли Утя? Сам Супоров с тупым удивлением уставился на личное оружие, пытаясь сообразить: откуда в разряженном пистолете мог взяться патрон? Как раз в этот момент дверь в «дежурку» слегка приотворилась, и в образовавшейся щели возник немигающий глаз подполковника Стецько. Вкрадчивым, елейным тоном начштаба почти колыбельно пропел:

— Товарищ лейтенант, я вас очень убедительно прошу: положите, пожалуйста, пистолет на стол для чистки оружия…

Супоров был изумлен вторично. Как? Разве энша может разговаривать в таком тоне? Он же только орет и матерится!

Окончательно сбитый с толку, лейтенант неосознанно развернул пистолет в сторону приоткрытой двери, и дуло оружия грозно нацелилось в тугой живот старшего офицера. Дверь, взвизгнув, резко захлопнулась. И уже со двора вновь донесся уговаривающий голос:

— Товарищ лейтенант, я вас еще раз настоятельно прошу: положите, пожалуйста, оружие на стол…

Утя наконец сообразил исполнить команду, высказанную в удивительном для начштаба стиле, но не сообразил доложить о том. Меж тем из-за двери, как с заигранной пластинки, донеслось:

— Ну, товарищ лейтенант, ну я вас просто умоляю…

— Да он уже давно положил… — перебил Стецько дежурный по части.

Секундное затишье — и за дверью раздался звероподобный рык. Тут же она с грохотом распахнулась под резким ударом на

заказ шитого хромового сапога сорок седьмого размера, и энша ворвался в «дежурку» разъяренным Кинг-Конгом. Подскочив к столу для чистки оружия, подполковник цапнул волосатой кистью разряженный пистолет и замахнулся им на присевшего и в страхе зажмурившего глаза лейтенанта.

— Урод водоплавающий! В задницу бы тебе его воткнуть! Гвоздь беременный, презерватив лопнутый, верблюд двухцилиндровый! Чтоб тебе двенадцать апостолов и Христос…

Неожиданный приступ вежливости быстро сменился хроническим испусканием сквернословия. В особо крупных размерах.

1997

ЗААВТОРСТВО

— Все на месте? — спросил полковник Чаров, обводя собравшихся цепким взглядом. — Тогда… Кто вчера дежурил?

В кабинете редактора окружной газеты начиналась очередная летучка, на которой военные журналисты должны были дать оценку свежему номеру печатного органа штаба ЮжВО[4].

Обязательное присутствие всех пишущих сотрудников газеты на посиделках — так офицеры саркастически окрестили летучки — Чаров ввел сразу после прихода на редакторский пост. Раньше столь большим коллективом собирались редко, все проблемы, как правило, решала «святая троица» — ответственный редактор, его заместитель и ответственный секретарь, к которым иногда лепилась «четвертая благородица» — партийный босс редакции. Чаров же решительно потребовал демократии, и нынче всяко журналистское перо начинало свой рабочий день с вычитки новой газеты, а на послеобеденных посиделках обязано было дать ее содержанию личную оценку.

Напечатанное, однако, обозревали вяло. Ларчик здесь открывался просто: пока высказывания в целом совпадали с редакторской оценкой, Чаров с обманчиво-сонным видом сидел во вращающемся кресле, в тон кивая желаемым словам и лишь изредка подбормативая: «Правильно мыслите, государственно…»

Но стоило полковнику услышать хоть слово, не вписывающееся в его позиции, как он уничтожающе вперялся в вольнодумца и с чувством изрекал:

— Неправильно мыслите, не государственно… Мало, похоже, я с вами занимаюсь марксистско-ленинской подготовкой… — И далее следовало нудное пережевывание смертельно надоевших сентенций.

При таком неизменном сценарии посиделок участники их, вполне понятно, старались воздерживаться от чересчур откровенных высказываний.

По традиции первыми на летучках выступали дежурные по номеру. Вчерашний, майор Альмин из отдела пропаганды и агитации, привычно-бесцветно расставил акценты на всех полосах «боевого листка» — как иронично именовали газету в войсках — и неожиданно вернулся к первой странице:

— Впрочем, на зарисовке «В гости к внуку» хотел бы остановиться подробнее. Здесь неординарный эпизод приезда ветерана-фронтовика в воинскую часть, где служит срочную его внук, изложен буднично-серо, как говорится, не приподнят. Но это-то еще полбеды. Главное — вся дежурная группа пришла в

ужас от вопиющей безграмотности автора…

Произнеся последнее предложение, Альмин настороженно покосился на редактора. Нет, Чаров никак не отреагировал на критические замечания по материалу, сохранив сонный вид. Майор воодушевился и продолжил:

— Столько было правки — целыми кусками! А стиль письма — ниже низшего, даже в «дивизионке» такого не встретишь! Я уж не говорю о деталях — эпитетах там и прочем. Да, по моему глубокому убеждению, автор просто не имеет морального права носить высокое звание военного журналиста! Ему вообще не место в газете!

Под раскритикованной в пух и прах зарисовкой стояла подпись капитана Олега Федорова, с полгода назад переведенного в штат газеты — редкий случай! — из строевой части, да еще и прямо с должности командира взвода. С Альминым вместе он теперь служил в «пропагандонском» отделе, где, по команде редактора, журналисты должны были умело представлять черное белым или хотя бы серым. Короче, так ловко врать, чтобы написанное пусть в первом приближении, но походило на правду. Возглавлял команду «военных сказочников» подполковник Корявин — человек скользкий, старательно избегающий любых конфликтных ситуаций. Он уже с неделю находился в очередном отпуске, и обязанности главного «пропагандиста» временно исполнял тот же Альмин.

Когда он закончил обзор публикации, все журналисты некоторое время молчали. Дело в том, что майор почему-то нарушил неписаное правило газеты: обычно дежурный по номеру не оценивал материалы авторов из своего отдела. Применительно к зарисовке Альмин обязан был ограничиться стандартной редакционной фразой: «Это готовил наш отдел», анализировать же работу Федорова имели право — по желанию — другие журналисты.

«Почему нарушен привычный сценарий летучки? Почему не реагирует Чаров, и не его ли это идея расширения демократии?» — недоумевали присутствующие. Неловкую тишину, повисшую в кабинете, нарушал лишь доносящийся со двора сиплый лай типографского пса Гонорара…

Постепенно все ждущие взгляды уперлись в редакторское лицо. Полковник задумчиво катал остро очиненный карандаш по обширной столешнице, не спеша прояснять ситуацию. Но вот карандаш замер на темной полировке.

— Самокритика — это хорошо, — заговорил «царь и бог» газеты. — Особенно если бы вы, Александр Валерьевич, с аналогичной принципиальностью разбирали и собственные

материалы. Они, смею вас заверить, пока тоже да-алеки от идеала. Одно мне неясно: как вы, сами будучи «на отделе», сию зарисовку к печати-то подписали?

— Не я, не я, — тут же открестился Альмин. — Это подполковник Корявин перед уходом в отпуск пропустил почему-то. Но тут случай беспрецедентный, вот я и… — Не окончив фразы, майор развел руками.

— …решил отличиться, — подсказал замредактора полковник Аистов. — Зарисовка, конечно, проходная. Только мог бы и промолчать. Автор — коллега по отделу, журналист только начинающий…

— Значит, не мог, — с вызовом ответил Альмин. — Здесь дело принципа.

— Его-то ты как раз и нарушил, — подключился к разговору майор Бессонов из отдела боевой подготовки.

— А хоть бы и так, — пошел ва-банк «пропагандист». — И… что?

— Да напрасно… — только и ответил «боевик».

— Мне интересно иное, — приглушенно произнес начальник отдела писем подполковник Коломчук. — Во-первых, обсуждал ли до летучки Альмин с Федоровым его зарисовку?

— Ни словом, ни намеком, — пояснил бывший комвзвода, видя, что с ответом «принципиальный критик» не спешит.

— Вот это — совсем не здорово, — вклинился редактор. — Вас, товарищ майор, отнюдь не красит.

— Ладно, теперь второе, — вновь взял слово Коломчук. — Вчера дежурным редактором был ваш покорный слуга, так что правилась зарисовка на моих глазах, и насчет «целых кусков» Александр явно хватил через край. Так в чем же тогда «дело принципа»? Бей своих, чтоб чужие боялись? Тут ведь опосредованно и в адрес Корявина упрек: он-то, мол, начальник, куда смотрел?

— Согласен, не стоило так материал громить, — высказался следующим ответственный секретарь газеты полковник Передатько. — Ну, лобовой, ну, без «изюминок», так ведь нужный же по тематике…

— Ну и, может, хватит тогда над проходным материалом копья ломать? — предложил майор Дубцов из отдела партийной жизни. — Был бы смысл…

— Поддерживаю, — присоединился капитан Репьев из отдела авиации. — Я, кстати, об очерке Коломчука хотел доброе слово сказать…

Обсуждение номера продолжилось по накатанной колее.

Но вот редактор задал обязательный для финала посиделок

вопрос: «Какие будут вопросы?»

И к главному начальнику вдруг обратился сам автор «проходной» зарисовки:

— Товарищ полковник… мне можно? Понимаете, «В гости к внуку» вообще-то писал не я, моего там одна подпись…

— Не понял, — насторожился Чаров.

— Да все просто. Фактуру по этому деду-ветерану я из командировки привез сверх плана. Доложил Корявину — тот сразу как насядет: срочно готовь зарисовку! Пришлось в субботу отписываться. Ладно… В понедельник, с утра, отнес я готовый материал Виталию Сергеевичу, а перед обедом он мне рукопись на стол — швырь! И без обиняков заявляет: это, мол, графоманское убожество, которому в мусорной корзине только и место! Спрашиваю: может, исправить как? Нет, шумит, бредятина подобного рода никакой правке не подлежит!

— Так прямо и сказал? — удивленно перебил Передатько.

— Слово в слово, — подтвердил Федоров. — И вручил… целиком переписанный материал на ту же тему. Больше часа из-за тебя, говорит, бездельник, убил. Учись, как добротно писать надо! Немедленно перепечатай, не изменяя ни единой запятой, и сразу мне — я его уже в секретариате заявил! А с подписью, уточняю, теперь как? Оно ведь получается и не мое вроде, хотя фактуру-то я брал… Может, две фамилии поставить? Корявин наотрез — оставляй одну свою! Ну, мне чужого текста не надо. Забирайте тогда, говорю, вашу рукопись, а я свой вариант в мусорную корзину выкину, раз только там ему и место. Виталий Сергеевич прямо затрясся — и с шипением: «Ты — военный человек?»

— «Так точно», — соглашаюсь. — «Что такое приказ — знаешь?» — «Само собой…» — «Вот я тебе и приказываю: немедленно перепечатать — и чтобы ни единой запятой! Не изменяя! И свою подпись! Исполняйте!»

— Так. По-моему, это уже никому не интересно. Затянули мы сегодня летучку, пора по рабочим местам, — прервал исповедь капитана Чаров.

— Извините, товарищ полковник, — с внезапным упорством возразил Федоров, — но майора Альмина вы не перебивали, хотя он редакционное «вето» нарушил. Меня же лишаете возможности защититься.

— Ну, хорошо… — нехотя выдавил Чаров. — Закругляйтесь, только в темпе.

— Понял, — коротко ответил капитан. — Не пойму, убей бог, другого. Я ведь выполнил приказ начальника. Незаконный, но выполнил. И теперь меня, за чужие слова, — в грязь лицом! А все

вроде как «не заметили»… Так будет ли Альмин и дальше настаивать, что подполковнику Корявину, с его двадцатилетним стажем работы в газете, в ней «не место»? Или, может, Александр Валерьевич сам не в состоянии отличить «добротный», как оценил себя сам наш общий начальник, материал от писанного стилем «ниже низшего»?

Федоров сделал маленькую паузу и подвел резюме:

— Угадайте с трех раз: какая версия — правда? Лично я думаю, Альмин пытался вытереть об меня ноги, дабы самому, за счет критиканства начинающего журналиста и псевдопринципиальности, сорвать мелкий политический капиталец…

Взоры офицеров разом переместились на вчерашнего дежурного. Уши его побагровели. Альмин нервно заерзал на стуле и неуверенно подал голос:

— Ну… Корявин, наверное, торопился перед отпуском…

— Врешь! — вспылил Федоров. — Он зарисовку в секретариат сдал и еще два дня на службу выходил! Не виляй! Говори прямо: нужно гнать Виталия Сергеевича из газеты в три шеи?

Сгорбившись, вцепившись ладонями в сиденье стула, «пропагандист» молчал, что-то очень внимательно рассматривая на полу у ног.

— Кгм, — наконец-то решил внести свою лепту в летучку партбосс редакции подполковник Розов. — У меня вопрос к тебе, Олег. Коль уж ты считал, что твой начальник отдал явно незаконный приказ, почему тогда ты его не обжаловал по команде? Взял бы да и написал на имя редактора подробный рапорт про заавторство…

— Благодарю за «отеческий» совет плевать против ветра, — с сарказмом ответил Федоров. — Обязательно применю в будущем. Альмина же предупреждаю: еще раз так подставит — не посмотрю, что старший офицер, — набью морду!

— Да я… я на тебя в суд подам! — с криком взвился со стула майор.

— Молчать! — властно приказал, тяжело хлопнув ладонью по столу, Чаров, и тоже поднялся на ноги. — Летучка окончена! По рабочим местам! Альмин и Федоров — остаться!

Из редакторского кабинета еще долго доносился грозный рык. Однако бывшему дежурному по номеру лишь вскользь попеняли за нарушение негласной традиции, а львиная доля гневных упреков обрушилась на официального автора зарисовки. Главным аргументом был избран тезис, что, когда журналиста критикуют собратья по перу, он обязан со вниманием впитывать

дельные советы и уж тем паче не переводить стрелки на начальника, выставляя того на посмешище.

По сути, Чаров Федорову вообще больше слова сказать не дал, а закончил многобалльный разнос угрозой, что, если подобное повторится еще раз, придется серьезно подумать, место ли капитану в редакционном коллективе.

Неделю после этих событий Альмин гоголем ходил по отделам и, раздуваясь от гордости, все толковал о своей принципиальности. Мало кто из журналистов соглашался с ним, но вслух предпочитали не высказываться. С Федоровым майор даже здороваться перестал. Офицеры друг с другом не разговаривали, впрочем, продолжая работать за соседними столами.

Однако скандальная история на том не закончилась.

Согласно графику нарядов, ВрИО главного «пропагандиста» вскоре вновь заступил на дежурство по номеру. Пока он вычитывал полосы, внося в них свою и редакторскую правки, Федоров корпел над новым материалом. К восьми вечера, когда в редакции, кроме него и Альмина, никого из офицеров уже не оставалось, майор отнес подписанную последнюю полосу в типографию и собрался домой. Но тут капитан неожиданно вышел из-за стола и ключом запер изнутри дверь кабинета. Альмин, оставив в покое шинель, выжидательно застыл возле вешалки.

— Ты… чего? — насторожился он.

— Разве не догадываешься? — с усмешкой просветил его Федоров. — Пора по счетам платить. За «принципиальность». Я ведь тебе обещал, что морду набью, а ты не вник, ходил по всем отделам и опять мне на голову ср…л.

— Ты со мной не справишься! — сорвавшись на фальцет, заявил майор и на всякий случай переместился за свой рабочий стол. — А за рукоприкладство под трибунал пойдешь!

— Так свидетелей нет, — уже без улыбки возразил капитан. — Мои показания против твоих будут, а презумпция невиновности сомнение всегда толкует в пользу ответчика.

— Я… я кричать буду! — с надрывом предупредил Альмин.

— Еще успеешь, пока лучше послушай. — И Федоров присел на край своего стола. — Не столь давно был я в командировке в (офицер назвал краевой центр, входящий в ЮжВО). Там, помимо других частей, ракетная бригада ПВО стоит. Вот ее замполит у меня и выспрашивал: какой это такой Альмин в газете служит? Не тот ли, что тогда-то ракетное училище оканчивал, да как имя-отчество, да не маленького ли роста? Когда же все сошлось, сказал, что учились вы вместе и ты на курсе носил прозвище

Павлик Морозов, потому как всех ежедневно закладывал, и замучились тебе «темные» устраивать, да все без толку…

— Врет он все! — даже не уточняя фамилии замполита, тут же отперся майор. — Давай открывай, иначе…

— Что «иначе»? — переспросил капитан и, встав со стола, принялся не спеша снимать китель и галстук. — Ори громче — может, вахтерша и услышит. Хотя с первого-то этажа до третьего, да через четыре двери, да при подглуховатости… Ты уж лучше защищайся. Мужик ведь вроде, твою мать…

С этими словами Федоров резким движением ухватил собрата по отделу за отвороты кителя и сильно дернул на себя.

— А-ай! — И Альмин распластался животом на столе.

Следующим движением капитан подтянул майора ближе к себе, так, что ноги старшего офицера оторвались от пола. Пригнув Альмину голову, Федоров зажал его шею меж ног и вынул из брюк ремень.

— Тебя бить — только руки марать. Но высечь за подлость край надо. — И сложил ремень вдвое.

Порка сопровождалась грязной руганью и угрозами со стороны наказуемого. Альмин щипался и пытался оцарапать ноги Федорову, приглушенно вскрикивал: «Убью-у-у!» — и все добавлял экспрессивные словосочетания. Младший офицер во время экзекуции не произнес ничего, только в такт ударам с оттягом смачно хэкал.

Преизрядно исполосовав Альмину задницу, капитан наконец отпустил майора, который тут же, обежав стол, кинулся на обидчика с кулаками.

— Н-на! — встретил его Федоров сильным ударом ботинка в пах.

— У-у-у… — взвыл Альмин, складываясь пополам, и боком завалился на пол, прижимая ладони к ушибленному месту.

— Отдыхай пока, — подвел итог экзекуции Федоров. — Заодно и о жизни поразмышляй. Кто-то ведь и пришибить может за подлость.

— Все равно ты сядешь! — всхлипнув, пообещал с пола Альмин.

— Дурак! Хоть капля ума есть — промолчишь в тряпочку. А впрочем…

Капитан обреченно махнул рукой и стал надевать китель.

ВрИО главного «пропагандиста» совету не внял: на следующий же день настрочил заявление в военную прокуратуру и рапорт на имя редактора. Эти документы позднее подкрепил копиями акта судмедэкспертизы…

Как ни старался полковник Чаров замять скандальный

случай, ЧП получило широчайшую огласку в штабе округа и даже докатилось до Министерства обороны. Над выпоротым майором откровенно потешались; Федорова, не отрицавшего факта «ремнеприкладства», пугали тюрьмой, а у редактора с издевкой выспрашивали про «новые методы воспитания подчиненных», которые творческий спор решают столь нетривиально.

Ну, просто набей Федоров Альмину морду — скажем, по пьяному делу не поделив бабу или сто граммов на посошок, никто бы особо не удивился: что ж, дело житейское. Нет, наказали бы, конечно, и не слабо, но… Но — младшему офицеру высечь ремнем старшего, как нашкодившего пацана? По-озвольте, это уже нонсенс, а где его корни?

Их срочно пытались отыскать одни проверяющие за другими. Прилетали даже два полковника из ГлавПУРа, пребывание которых на южной земле влетело редакции и лично Чарову в копеечку: столичные гости знали толк в хорошей выпивке и деликатесных закусках. Редакцию лихорадило, а редактор последними словами проклинал себя за то, что на летучке, решив «поэкспериментировать», сразу не заткнул рот Альмину, а потом — «из ошибочной демократии» — разрешил до конца высказаться Федорову. Нет уж, демократия истинно хороша, только когда она процветает по соседству, а в своем огороде сорную траву надо вырывать с корнем и немедленно.

И все же по-настоящему Чаров забеспокоился, лишь когда узнал, что капитану-бунтовщику всерьез собираются припаять статью 242 имевшего в то время силу Уголовного кодекса РСФСР 1961 года: «Насильственные действия в отношении начальника» (глава о воинских преступлениях), даже в части первой предусматривающую лишение свободы на срок от двух до десяти лет, а в военное время — смотри часть два — карающую вплоть до смертной казни. Руководителю, подчиненного которого осудят за такое преступление, однозначно потом будет очень трудно усидеть в собственном кресле. Редактор это прекрасно осознавал и потому спешно помчался на секретные переговоры с военным прокурором.

Результатом их явилось рождение датированного задним числом приказа об отзыве из отпуска подполковника Корявина, отысканного и отобранного у родственников. При наличии «живого» штатного начальника проступок Федорова трактовался уже куда менее серьезно: как «нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, при отсутствии между ними отношений подчиненности», статья 244 того же УК РСФСР. Нанесение побоев или иное насилие в этом случае наказывалось значительно скромнее — но, впрочем, тоже

лишением свободы: на срок до двух лет.

Переквалификация майору Альмину крайне и абсолютно не понравилась. Он яростно протестовал и даже пытался продемонстрировать военному прокурору свою еще не окончательно зажившую задницу, но был с позором изгнан из служебного кабинета. В редакции вокруг «пропагандиста» образовался вакуум, а от подполковника Корявина высеченный поимел такую словесную выволочку, каковой в жизни еще никогда не заполучал.

Федоров пока числился находящимся в очередном отпуске и под подпиской о невыезде.

В конечном итоге на суде, напоминавшем фарс, капитан получил год лишения свободы условно и, разумеется, был спешно уволен из Вооруженных Сил.

Альмину офицеры редакции объявили бойкот. Руководство печатного органа в нем участия как бы не принимало, но и не пресекало. Бойкотируемый немедля настрочил жалобу на имя начальника Политуправления ЮжВО. Колесо проверок завертелось вновь…

Через какое-то время майора так-таки изгнали из редакции: от греха подальше, коллективу спокойнее. По нелепейшему капризу судьбы Альмину как-то удалось зацепиться в Политуправлении округа: сначала числясь за штатом, а впоследствии, войдя в доверие к начальнику «политуправы», прорваться на должность военного цензора — человека, облеченного огромными полномочиями, одной из обязанностей которого являлось курирование окружной газеты.

Сколько крови попил бывший «пропагандист» из офицеров редакции за два года сверхпридирчивой цензуры, пока его чуть ли не силой вытолкнули в Москву, в академию, — не считано и не мерено. Особенно Альмин свирепствовал над статьями своего бывшего начальника, ставя бесконечные вопросы на полях материалов и отчеркивая красным карандашом целые абзацы, якобы содержащие крамолу.

Ходили слухи, что цензору неоднократно устраивали «темную», но только после третьего или четвертого раза он наконец-то дал согласие отбыть в столицу, на учебу.

О судьбе Федорова толком мало что известно: капитан запаса уехал из областного центра. Вроде бы на периферию, в Черноземье — на родину родителей.

1998

«ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Люди из давнего прошлого — часть его самого. А случись нежданная встреча с ними, так поневоле ностальгически впадаешь в «горькую усладу воспоминаний». Или — реже, конечно, — в воспоминания без услады. Как вместо терпкого старого вина вдруг да выхлебнуть уксуса. Эх, житие наше, житие…

Поначалу моя супруга, наконец-то выбившая летний отпуск, в Подмосковье собиралась одна. Тетка у нее в Сергиевом Посаде. Единственная здравствующая. Бабуле уже за восемьдесят, но она еще весьма шустра плюс дока в кулинарии. И гостей принять всегда готова, как пионер со стажем.

К поездному вояжу в столицу и окрест ее я присоединился в последний момент, потому и угодил на верхнюю боковую полку плацкарты. (У жены — нижняя, купе, соседний вагон.) Э, да чего там! Докатим! У меня ведь тоже в Подмосковье не без родственников. Дядька. Двоюродный. В Истре. В прошлом году семьдесят разменял.

В Москву прибыли утром, на Казанский вокзал. Когда и откуда электрички на Сергиев Посад идут, жена давно в телефонном режиме выяснила. Запрятали мы дорожную сумку «мечта оккупанта» и одноосную тележку в камеру хранения, прихватили остатки домашней еды, зонтик да и двинули просвещаться по вечно спешащей столице.

Программу нам за полдня освоить предстояло плотную. Красная площадь и Александровский сад, Московский зоопарк и Третьяковская галерея… И вот, когда на фоне памятника самому Третьякову нас сфотографировала девушка, личиком напоминавшая няню Вику, и мы сосредоточенно оценивали семейный портрет на экране цифрового аппарата, рядом кто-то загадочно произнес:

— Това-арищ старший лейтенант… Или кто вы там теперь, а?..

Я же вовсе майор; правда, с недавних пор — запаса: к сорока семи годам от роду двадцать пять «календарей» выслуги (с учетом очного вуза) набежало. Дальнейшей перспективы тянуть погонную лямку не просматривалось, так что поразмыслил и подал свой последний в армейской структуре рапорт: на увольнение. После нравоучительных бесед на тему «надо бы еще на благо Родины годок-другой потрудиться» перманентно недовольное начальство неохотно подмахнуло бумагу, и вот уже третий месяц, как я безуспешно пытался адаптироваться на

«гражданке».

— Это вы мне? — удивленно переспросил я, тщетно вглядываясь в лицо раздобревшего — хоть на мясо сдавай — мужчины лет тридцати пяти — сорока. Начесанные на уши и шею русые волосы, ниточка черных — крашеных? — усиков под острым носом. Почти белая, с едва заметным сероватым отливом, сорочка еле сходится на выпирающем тугом животе. Коричневые наглаженные брюки, в тон им — туфли с длинными острыми носками. Солнцезащитные очки скрывают глаза, а в пухлой ладони с ухоженными ногтями — изящная барсетка. Хм… Когда-то виданное неявно проглядывало сквозь сытость фигуры.

— Ну так как, не признали? — расплылся в довольной улыбке знакомый незнакомец. — А вот я — так сразу.

— Сними очки, — полуприказал я.

— Да без проблем… — И мужчина неспешно, с достоинством размаскировался, явив хитрый взгляд узких водянистых глаз. Несколько секунд я вглядывался в их щелочки — процесс узнавания шел вяло, трудно, а по завершении его торжествующе воскликнул:

— Семыкин!

— Точно! — Мой бывший подчиненный горделиво усмехнулся. — Оно конечно, столько лет откатило…

Уточним: целых двадцать. Призван был в ряды тогда еще Советской Армии, на срочную службу, гражданин Семыкин Виктор Борисович в апреле 1990-го.

К тому времени ваш покорный слуга успел окончить химический факультет Воронежского технологического института, два года повкалывать на Воронежском же шинном заводе сменным мастером, а потом внезапно и решительно проторил дорогу до военкомата: хочу, мол, стать действующим офицером. Но скоро только сказка сказывается. Лишь еще через полгода я наконец впрягся в хомут ваньки-взводного в Школе младших авиационных специалистов (ШМАС), готовившей лаборантов горюче-смазочных материалов и водителей спецмашин для аэродромных рот летных полков.

Процесс врастания в армейскую шкуру давался тяжко. Еще на первом месяце своего офицерства я — сам не нюхавший солдатской службы лейтенант-«пиджак», как порой со злой иронией именуют призванных в Вооруженные Силы выпускников гражданских вузов профессионалы-военные, — задал командиру роты философский вопрос. Представляет ли он город, в котором вообще, совсем никогда не совершается противоправных поступков? И даже улицы все переходят только строго по правилам дорожного движения, а матерного слова ну просто не

услышишь. Ротный поскреб затылок и честно признался: таковое в нашей стране ныне и присно будет совершенно нереально.

Тут-то я и ляпнул победно, что добиться идеальной дисциплины в любом отдельно взятом взводе столь же нереально, поскольку это — лишь частный случай, «маленький переулочек» идеального несуществующего города. И к его постройке можно разве что только стремиться, как стремится к оси абсцисс, никогда ее не достигая, один из концов экспоненты.

На сей раз ротный затылка не скреб, а немедленно обложил меня смачной тирадой с активным вкраплением ненормативной лексики. По сути же тирада сводилась к мысли, что «нехрен тут, понимаешь, дешевую демагогию разводить, когда во взводе срочно требуется уставной порядок наводить». Плюс отцовский совет на перспективу: перед старшими заморскими словами не козырять, поскольку «никогда лейтенанту не быть умнее майора».

Так я получил первый урок расхождения теории и практики укрепления воинской дисциплины и соблюдения одной из важнейших статей Устава внутренней службы: «Все военнослужащие должны обращаться по вопросам службы друг к другу только на „вы“».

Вскоре мое «образование» продолжилось во время экзамена по общевойсковым уставам (для людей несведущих: всего их четыре), который по итогам обучения сдавал взвод. Неожиданно в учебный класс пожаловал комбат. Подполковник бесцеремонно спихнул меня со стула, на который тяжело взгромоздился сам, взять другую «сиделку» грубо не разрешил — молодой еще, не облезнешь, постоишь! — и, не дослушав ответа экзаменуемого солдата, на вопрос «О воинской вежливости и поведении военнослужащих», чмокнул и заявил дословно:

— Але, боец, да ведь ты ни х… не знаешь вопросов воинской вежливости… твою мать!

Другая сторона служебной медали. Мой ротный, большой любитель спиртного, одно время взял за правило гонять меня за водкой — покупать оную лично для него. Когда же я по наивности рискнул устно пожаловаться комбату на превышение непосредственным начальником должностных полномочий, в ответ услышал, что от меня не убудет командиру по мелочи услужить. Попытался мягко возразить: извините, но я же все-таки не лакей!

— Ишь ты, умник, куда клонишь! — мгновенно взъярился комбат. — Так вот: вместо дурацких жалоб шел бы да состояние противогазов во взводе проверил, а то я вот как сам проверю и накажу — мало не покажется!

Эдак постепенно и вживался я в армейскую действительность.

Кто-то из классиков выразился примерно так: человек есть высокоорганизованная скотина, которая ко всему привыкает. Целиком согласен. Ведь всего через три года, имея на плечах погоны старшего лейтенанта, я на многие изъяны службы смотрел куда менее болезненно, а то и даже с долей сарказма.

Как раз к тому времени, в апреле 1990-го, выпустил я свой очередной учебный набор. И не успели вчерашние подчиненные после экзаменов разъехаться в боевые части, как комбат и ротный приняли краеугольное решение: впервые доверили мне подготовку так называемого нового караульного взвода. На хрена бы мне явились такие почести!

Для сведения людей сугубо гражданских: караульная служба в воинских частях — процесс непрерывно-круглогодичный. Уставы же разъясняют, что «караулом называется вооруженное подразделение, наряженное для охраны и обороны порученного ему объекта».

В нашем ШМАСе, в двух батальонах, имелось тридцать взводов. Ежесуточные караулы они несли, сменяя друг друга в нарядах поочередно. Но это только во время основного курса обучения продолжительностью четыре месяца, дважды за год. А на время очередных призывов в апреле-мае и октябре-ноябре весь отлаженный ритм несения боевых дежурств ломался.

Сначала каждый батальон загодя формировал из небольшой части своих выпускников, коих не спешили отправлять к новому месту службы, так называемый старый караульный взвод. Отобранные в него солдаты сменяли друг друга в нарядах по выполнению боевой задачи на постах «через день на ремень» целый месяц. Тем временем из прибывших в часть первых ласточек молодого пополнения отбирались наиболее толковые парни. Из них-то и сколачивали новые караульные взвода — также по одному на батальон, — раньше прочих проходившие курс молодого солдата (КМС), принимавшие Военную присягу и далее — эстафету караульных-«старичков» на последующий месяц. Тем временем закономерно завершался КМС и для остальных двадцати восьми взводов. Личный состав начинал грызть гранит основного курса подготовки младших авиаспециалистов, одновременно с этим возвращалась и проверенная практика несения боевых дежурств: один взвод — один караул в месяц.

В общем, без меня меня женили и — вперед, с песней, а главное — совершенно добровольно! Эх и хлебнул же я горя со своими новыми подчиненными! Память-то у большинства оставляла желать много лучшего, а статьи Устава гарнизонной и караульной службы (УГ и КС) требовалось заучивать наизусть

целыми абзацами. Чтобы четко знать, например, кто есть такой часовой, кто — караульный, а что называется постом. Общие обязанности часового (они одни занимали две трети книжной страницы!). Что ему запрещается и в чем заключается его неприкосновенность. Порядок заряжания-разряжания оружия и порядок смены постов. И т. д., вплоть до размеров постового грибка и температуры, при которой разрешается надевать валенки и постовой тулуп.

Обучались солдаты под моим неусыпным оком нещадно. Ну а кто к концу дневных занятий не в состоянии оказывался без запинки отчеканить очередную статью УГ и КС, обречен был на дополнительную — вечернюю, за счет личного времени — зубрежку. А то и продолжал ее час-полтора после отбоя. Последнее действо официально запрещалось, однако практиковалось в любой роте. К слову: проверяющие на такое нарушение распорядка дня обычно смотрели сквозь пальцы. Особенно если нештатными занятиями руководил сам командир взвода, в итоге попадавший к родному очагу за полночь.

И вот однажды, завершив очередной сеанс «послеотбойной» учебы, собрался я было восвояси. Тут-то ко мне и подошел Семыкин — тощий лопоухий солдат, на котором даже только что выглаженное обмундирование смотрелось мятым, — откозырял и попросил разрешения обратиться.

— Пожалуйста.

— Това-арищ старший лейтенант, — заунывно затянул рядовой, уже доставший меня своей дырявой памятью и нежеланием хоть немного ее поднапрячь. — А давайте вы меня в караул не будете ста-авить — вы же видите, я ничего запомнить не могу-у-у. Лучше в кухонный наряд, в хлеборезочную-у…

Вместе с последним словом в безразличном взгляде рядового мелькнула искорка материальной заинтересованности.

— Не выйдет! — сразу отрезал я. — Губенки даже и не раскатывай.

— Ну почему-у-у?

— Потому что, товарищ рядовой, армия хитроделаных не любит! Это что же: пока вместо тебя кто-то на боевом посту должен караульную службу тащить, ты в тепле да уюте бутербродами с маслицем хочешь обжираться да сахарком загрызать? А задница не слипнется?

— Ну зачем вы та-ак, товарищ старший лейтена-ант? Я же все равно чего-нибудь в карауле забу-уду…

— А вот чтоб не забыл, мы тебе загодя поможем. Сержант Бережной! — окликнул я своего заместителя. — Этому «забывчивому», чтоб ему служба медом не казалась, еще

полчасика дополнительных занятий! Проконтролируй! Запомни, Семыкин, в армии один закон: не можешь — научим, не хочешь — заставим! А если до тупой головы это сразу не доходит, то допрет через руки. Или через ужатие сна. Вперед, укреплять память!

Лопоухий проситель, сгорбившись, удалился походкой ведомого на плаху.

— Он и ко мне насчет хлеборезочной тоже подкатывался, — проинформировал Бережной.

— Что ж ты мне сразу не доложил? — слегка пожурил я зама.

— Да чего вас по пустякам беспокоить? — искренне удивился сержант. — Я его сам уважил — два часа в поте лица унитазы драил. Думал, это чмо все поняло, а выходит ошибся… Ладненько, ничего, это мы живо поправим…

— Только палку не перегни, — предупредил я и наконец поспешил домой.

…Дырявую память хитроделаного рядового мы с сержантом, по мере сил и возможностей, за последующие несколько суток подлатали. Хотя не более чем с удовлетворительными результатами. Впрочем, в состав второго внутреннего караула, несшего службу на автодроме, Семыкина все же включили. В воскресенье наш взвод в полном составе принял Военную присягу, и уже на следующие сутки подошло время заступления моих подчиненных на первое боевое дежурство.

В тот день, сразу после завтрака, взвод завершал теоретическую подготовку к наряду. Проверялись знание многочисленных статей УГ и КС, а также табелей постам, моделировались нештатные ситуации, кои могли бы возникнуть во время непосредственного несения службы. Свои наставления рьяно озвучили командир роты и замполит подразделения, и даже комбат в учебном классе ненадолго появился, менторскую речугу толкнул, еще и с причмокиваниями, — имеет быть у него такая привычка. Что ж, серьезных претензий к подготовке моих подчиненных у начальства не возникло. И в двенадцать тридцать отправился я домой, на короткий отдых. Дабы ровно через три часа, переодетый в бриджи и хромовые сапоги, затянутый в портупею и с личным оружием в кобуре, прибыть в караульный городок, где перед нарядом солдаты обязаны были потренироваться в практических приемах с оружием.

Тут-то меня и подстерег неприятный сюрприз. Да какой!

— А ты знаешь, что у тебя во взводе. ЧП? Самовольная отлучка! — огорошил меня дежурный по части, когда я через окошечко оружейки получал штатный пистолет Макарова и шестнадцать патронов к нему.

— Кто? — напряженно вопросил я.

— Какой-то Семыкин… — сообщил дежурный, сверившись со своей рабочей тетрадью.

— Понял… — тоскливо кивнул я и принялся сосредоточенно заряжать магазины к «пээму». Вот уж не было печали!

Еще на подступах к караульному городку меня отловил и в лобовую атаковал ротный.

— Ну ты и осюрпризил! — с кислой гримасой заявил он, рубанув ладонью воздух. И ткнул вытянутым указательным пальцем ввысь. — Надо же, так обговнять все подразделение!

— Это почему я-то? — Слабость собственной позиции осознавалась, но глупо ведь сразу кивать на любое обвинение начальства.

— А кто же еще? — яростно возмутился ротный, брызнув слюной. — Солдат твой?

— Ну…

— Б…дну! А ты понюхай! Твой, спрашиваю, или как?

— Мой, без или… — вынужденно согласился я.

— Так почему?..

— Что?

— Не придуряйся! То самое! Почему ты, командир, не предусмотрел, не предупредил, не предугадал? А был должен, обязан, ответственен, чтоб тебе до самой пенсии старлеем протрубить!

— Да каким еще было макаром? Разве черепок распилить на всякий пожарный? Чтобы крамольные мысли изыскать?

— Это уж как угодно действуй! Только по уставу и результативно! Иначе на хрена мне такой офицер, который не в курсе, чем его подчиненные дышат! Эхх! «Пиджак» был, «пиджаком» и остался! Марш к личному составу!

…Уже в подразделении накоротке выяснил, что испарился рядовой после того, как заступающие в караул солдаты улеглись в койки. На двухчасовой отдых — как и регламентировал УГ и КС. Семыкин тут почти сразу у дежурного по роте в туалет попросился, а отхожее место во дворе. Нет, конечно, в казарме сортир тоже наличествует, но сие привилегированное место — лишь для офицеров и сержантов. В общем, не вернулся любитель хлеборезочной на свое спальное место. Вероятнее всего, через забор, возле мусорных баков, махнул — такое в нашей практике уже бывало, там «слабое звено», — и в бега. Пока суть да дело, первые поиски успехом не увенчались. Пришлось в срочном порядке с заменой в составе караула решать и табель постам полностью переписывать, с новой фамилией уже. Впрочем, это-то еще полбеды. Беда, что всю роту залихорадило, что отчасти

сказалось и на несении моим взводом караульной службы. Хотя, как ни странно, серьезных нарушений проверяющие в ходе ее не выявили. Ладно, не будем сейчас подробно про тот боевой наряд: пронесли без ЧП — значит, первый блин не комом. А вот Семыкин…

Короче, когда я через сутки с гарнизонного караула сменился, хитроделаного еще не обнаружили. Зато мне при сдаче личного оружия «подвезло» на комбата напороться.

— Ага, виновник торжества! Наконец-то обозначился! — критически причмокивая после каждого восклицательного предложения, заявил подполковник, словно я невесть где сутки пропадал, отлынивая от всеобщих поисков. — Ну и где твой самовольщик ныне обретается?

Я благоразумно смолчал, что Семыкин не только мой солдат, а вообще-то целой Советской Армии, стало быть, отчасти и комбатов. Тем паче соображений насчет места пребывания нынешнего его у меня тоже не имелось. Но, поскольку начальник сверлил меня требовательным взглядом, я, кашлянув, проинформировал:

— Он сильно в караул идти не хотел. Упирал все на память дырявую. УГ и КС он, значит, не воспринимает. В хлеборезочную вместо того лыжи навострял, на масло и сахар…

— Ну и?.. — живо заинтересовался комбат.

— Так мы с ним дополнительно занимались. И я лично, и сержант. Буквально за уши тянули. Считаю, для внутреннего караула соответствовал вполне. Только, предполагаю, испугался почему-то самого дежурства на посту. Может, с детства темноты боялся?

— Может, может… Лапшу мне тут, понимаешь, на уши! Детские сказки — и никакой конкретики! — выпучив глаза и яростно причмокнув, заорал подполковник. — А солдат твой! Твой, заруби себе на носу! Где он, хотя бы предположительно? Так и знал, что не в курсе! Тьфу! И наберут же, мать твою, умников с «гражданки»! Сам еще не сформировался как офицер, а туда же: караульным взводом командовать! Напросился!

— Так ведь это ж вы мне лично и приказали… — опрометчиво ляпнул я.

— Молчать! — рассвирепел комбат, зримо багровея, и глаза его чуть не выкатились из орбит. — Только препираться, на большее не способен! Бездельник! Очковтиратель! Шлангом прикинулся! Значит, так: бегом марш в роту! Активно включиться в поиски самовольщика! Исполняйте!

— Есть… — нехотя откозырял я. Это после суток-то боевой службы! Увы, приказ есть приказ: вперед, обжаловать имеешь

право только после его исполнения.

…Семыкина тогда искали до полуночи. К тому времени мы город уже частым бреднем прочесали, а толку…

На следующий день учебные занятия уплотнили (читай — частью пожертвовали), и личный состав после обеда чуть ли не полностью был брошен на прочесывание обширных дачных участков за городом. Кроме меня: тут статья нежданно оказалась особая…

— Почему именно я — понятно. А вот почему за свой личный счет — совершенно нет! — к тому времени отбивался я в кабинете комбата сразу от трех старших офицеров: хозяина помещения, ротного и начальника политотдела. Активнее всех наседал именно он.

— Вот! Сразу видно: военного училища не заканчивал! Как результат — незрел во всех аспектах! Не понимает главного: это его солдат! Которому командир взвода отца и мать заменять должен! А из него какой родитель, если рядовой в самоволку подался?! Вопрос: почему? Обидели? Кто? Чем? А взводный отгородился от личного состава и даже и не заметил? — втолковывал начпо комбату и ротному, намеренно ведя речь обо мне в третьем лице. — Плюс и сейчас делает вид, будто ни при чем!

— Ремешком прикидывается! С темы съезжает! Ух, моя бы воля! — чмокнув, танком наехал и комбат и даже погрозил мне пухлым кулаком.

— Да пойми ты, дурья твоя голова! — наконец подключился к разговору и ротный. — Ну нет у начфина такой расходной статьи: на командировки в гости к совершившим самовольную отлучку. В смысле к их родителям. Скажи спасибо, командир части липовое командировочное удостоверение подписать согласился. Как вернешься, сразу порвешь. И заказ на билет «с кровью» из брони выцарапывали. Лететь край надо! Да, за личный счет. Но солдат-то ведь твой!

— Ну а если бы он не из Симферополя, а с Сахалина призывался? — предположил я. — Туда-оттуда мне на билеты надо было бы год трубить!

— Опять с темы съезжаете? — переквалифицировался и начпо на лексикон комбата.

А тот чмокнул и выразился еще резче:

— Если бы у бабушки был хрен, она была бы дедушкой! Короче, тебе приказывают немедленно вылететь к родителям Семыкина! Вот и изволь исполнять. Если же нет — пойдешь у меня на суд офицерской чести!

«Чтоб это тебя до рядового разжаловали — и на „гражданку“

пинком без пенсии! — подумал я. — Чмоки-чмоки хренов… Сам-то даже и рубля из кармана не собираешься выкладывать! Равно как остальные господа-товарищи — все за мой счет норовят проскочить! Да еще и не факт, что из этой командировки хоть какой-то толк будет. И-эхх, где она, социальная справедливость?»

Но вслух произнес лишь:

— Понял. Есть. Лечу.

— Политически созревает… — расплылся в довольной улыбке начпо.

…Инициатива направить меня к родителям Семыкина, чтобы на родине самовольщика поглубже вникнуть в обстановку, в которой он рос, принадлежала как раз ему. Подполковнику, видите ли, взбрело в голову побеседовать с капитаном Тюлькиным из соседней роты, как раз ездившим «купцом» за призывниками в Симферополь. Ну, тут интересные факты и выяснились. Семыкин-то, оказывается, дважды из военкомата и однажды уже с поезда деру дать пытался. Да не везло: всякий раз ловили. Отсюда и «блестящая» «политическая» идея с командировкой за мой счет. Правда, отец солдата, с которым еще в первый день, как сынок пятки салом намазал, по телефону связались, категорически отрицал наличие беглеца в родных пенатах, и не очень-то было и ясно, чего там в итоге выяснять. Тем не менее через два часа меня скоропалительно забросили на борт лайнера.

И кто бы мог предугадать, что еще минут через сорок, в ходе дачных поисков, беглец, уже переодетый в какую-то рванину, будет опознан одним из сержантов нашей роты и под усиленным конвоем препровожден на ковер к руководству полка, а оттуда белым лебедем на гарнизонную гауптвахту. Сроком на десять суток: максимально, что мог объявить командир части.

…Все это мне прямо в аэропорту Симферополя сообщил отец убегуна — худосочный и тоже лопоухий, как и сын, мужчина в возрасте под шестьдесят (самовольщик, оказывается, последышем был).

За счет Семыкина-старшего, из его квартиры, связался по межгороду с ротным.

— Подробно выясни, как он себя зарекомендовал в школе и ПТУ, — будто заезженная пластинка, повторял он. — В милицию зайди: состоял ли на учете. Про военкомат не забудь. Да везде чтоб, если какие «подвиги», пусть на бумаге зафиксируют. И завтра к исходу суток — назад! Ясно?

— Как с билетом будет. На самолет навряд ли удастся экстренно вписаться…

— Черт с ним, езжай поездом! Но не позднее завтрашнего

вечера!

…А портрет беглеца из справок ПТУ и районного отделения милиции вырисовался следующий.

Начиная с восьмого класса несовершеннолетний Семыкин дважды в год стабильно устраивал себе дополнительные каникулы — с уходом из дома. Конечно, не с пустыми руками: обязательно прихватывал что-либо из бытовой аппаратуры, принадлежащей старшему — на двенадцать дет — брату. Тот давно в торговом флоте подвизался, но проживал пока вместе с родителями. Младшенький сопрет фирменный музыкальный центр или тот же фотоаппарат «Никон», быстренько фарцовщикам за четверть цены толкнет (а в конце восьмидесятых большого наплыва первоклассной импортной техники, хоть и в Крыму, но все одно не было) — и с песней гулять по всему Черноморскому побережью. Прокутит денежки, сам в местную милицию заявляется: вот он я, пропащий, навеселился всласть, домой хочу!

— Это, знаете, редкостный был пакостник. И еще бездельник, каких свет не видывал! — охарактеризовал своего бывшего «клиента» капитан милиции из службы по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних. — Надеялись, хоть в армии за ум возьмется! Ага, конечно! Опять за старое! Да еще нам за его «подвиги» прошлые отписывайся! Делать будто нечего! Сволота! Намучаетесь еще с ним — не завидую…

— Права так обзывать не имеете! — встрял было Семыкин-старший, сопровождавший меня в визитах по учебным и силовым инстанциям.

— Вполне имею! — обрезал капитан милиции. — Это еще даже мягко сказано — в отношении дезертира!

— Он всего лишь совершил самовольную отлучку, — доказывал оппонент. — Ведь меньше двух дней в итоге получилось. Уже вчера в часть возвратился.

— Да какая разница — что в лоб, что по лбу, — остался при своем мнении капитан. — Тем более, он не возвратился, а возвратили его, насилком. Эх, случись такое в особый период… — мечтательно протянул он. — Тогда бы разговор короткий: к стенке и — пиф-паф!

Папаша сморщился, будто лимон целиком разжевал…

— Кто? Семыкин? А-а, был у нас такой. Сплошная головная боль, вечный прогульщик, — сообщил директор ПТУ. — Какой там из него плиточник — одно название… Мы даже ему диплом выдавать не хотели, так вот этот гражданин… — кивок в сторону отца самовольщика, — шум до небес поднял..

— Да! И поднял! И права сына отстоял! — рванулся в бой Семыкин-старший.

— Так теперь-то вы от нас чего хотите?

Я коротко пояснил ситуацию.

— Характеристику? Это пожалуйста, — и директор ПТУ потянулся к внутреннему телефону…

Побывал я потом и в школе, и в военкомате. Тоже характеристики на Семыкина добыл — и везде ни единой фразы положительной. Разумеется, родители его оказались крайне недовольны моими визитами «по местам боевых подвигов» их сына.

— Ну да, было: чего не случается по глупости да по малолетству, — усиленно втолковывал мне Семыкин-старший, кстати, оказавшийся начинающим пенсионером. Про свою трудовую деятельность он лишь вскользь сообщил: мол, на разных участках работать доводилось. Но обставлена была трехкомнатная квартира весьма достойно. — Ну, наидиотничал и у вас на первых порах. Уверен: в дальнейшем служба пойдет нормально. Я ему тут письмо большое написал, уж будьте добры, передайте…

— И вот еще конфеты его любимые, сигареты… — вклинилась в разговор мать нерадивого солдата, настойчиво суя мне весьма объемистый пакет. — Пусть мальчик сладенького покушает, а то у вас перловка одна… — и брезгливо поморщилась.

…Конфеты брать я отказался категорически, что вызвало бурное недовольство мамы и сдержанное — папы «мальчика». Сам же подчиненный, которого я по возвращении посетил на «губе», прямо огорошил своим нахальством.

— Вам что-о-о, жалко было пару кило моих любимых «Мишек» довезти-и-и? Тяжело, да-а-а? И почему это на гауптвахте курить совсем нельзя-а-а? У меня без курева голова кру-ужится-а… Ну хоть одну пачечку, поговорите, вам не отка-а-жут… — ныл и ныл он.

— Ах, конфетки, ах, сигаретки… Ты бы лучше об ином задумался, — назидательно произнес тогда я. — Сколько людей из-за тебя, вместо сна и отдыха, розысками занимались! За то совсем вины не чувствуешь?

— Ну это же все давно прошло-о-о…

— Хм! Не столь уж и давно. Ладно, а за форму свою, которую неизвестно где бросил, рассчитываться как думаешь? Это же утрата госимущества. Я уж не говорю про мой проезд к месту жительства твоих родителей…

— А они вам об этом что сказали-и?

— Промолчали скромно.

— Ну а я чем помогу-у-у? У меня вообще денег не-е-ет… Ну

хоть одну сигаретку, а-а-а? Ну, пожа-алуйста-а…

— Да ты, я вижу, только в направлении «подайте мне» думаешь. Понятно. Потому-то финчасть соответствующий начет за утрату формы на тебя оформит — и в личное дело. Уволишься, в военкомате на учет станешь, работать на благо общества начнешь — тогда и вычтут. Вот только мне, что к тебе домой попусту слетал-скатал, никто не компенсирует.

— Ну я же сказа-а-ал, я тут совершенно ни при че-о-ом…

Поговори-ка с эдаким кадром. Кстати, пока мой взвод целый месяц «тащил» караульную службу, Семыкин по выходе с гауптвахты обречен был летать из наряда в наряд дневальным по роте. А куда его еще прикажете деть? Тем более, ротный приказал: чтоб двадцать четыре часа в сутки чепешник на виду! Вот и следили. В несколько пар глаз. Потом, правда, начались занятия основного курса обучения и наблюдение за неблагополучным рядовым несколько притупилось. Как выяснилось, совершенно напрасно…

Да, совсем забыл. За семыкинскую самовольную отлучку дежурный по роте сержантскую лычку потерял, до ефрейтора разжаловали. Мне, как командиру взвода, соответственно, объявили выговор, ну а уж ротному и замполиту — «строго указали» за потерю бдительности и слабое воспитание личного состава. И попробуй я только рот раскрыть: мол, когда Семыкин «ноги делал», меня в подразделении вообще не было. «Но солдат-то твой? Твой… Значит — „заполучи, фашист, гранату!“ И сиди тихо, радуйся, что до строгача или, тем паче, неполного служебного соответствия не дошло». Так-то. Виновных в армии назначают.

…В ШМАСе, в середине периода обучения, всякий день похож на другой. Так что с момента семыкинской «самоволки» быстро минуло полтора месяца. И тут меня прямо с занятий нежданно выдернул в свой кабинет комбат, у которого уже находились ротный и наш замполит.

— В адрес части выделено энное количество боеприпасов и артвооружения, — предварительно чмокнув, сообщил подполковник. — И для их доставки в полк по железной дороге решено назначить тебя начальником караула по сопровождению воинских грузов. Значит, завтра с утра следует убыть в город Ростов-на-Дону, в штаб округа. С собой возьмете трех бойцов: лучших из взвода отобрать! Командир роты, замполит — проконтролировать лично! Это вам не абы что, а оружие! Пусть и в опломбированном вагоне. И сами с оружием. А то еще додумаетесь… — и хозяин кабинета скорчил гримасу, — кому-нибудь типа Семыкина автомат заряженный доверить!

— Товарищ подполковник, все ясно! — поспешил заверить ротный.

А я додумался уточнить:

— Кстати, насчет того же Семыкина. Не исключена вероятность, что если я убуду, он может еще раз «ноги сделать».

Фразу эту я произнес, отчасти действительно опасаясь этого. Но куда больше потому, что не хотелось неизвестно сколько суток по сильной жаре трястись в теплушке, прицепляемой к вагону с грузом. И каждому полустанку кланяться. И спать в собачьих условиях, на голых досках, — знаем, однажды уже проходили, только в тот раз командировка зимняя была.

— Товарищ старший лейтенант! — особенно громко чмокнул комбат и недовольно перешел на «вы». — Ваше единственное преимущество — как лучше выполнить приказ вышестоящего командования! Сосредоточьтесь только на этом! А за Семыкиным я, так и быть, сам лично прослежу!

«Держи карман шире!» — мысленно не поверил я. А вслух произнес:

— Задача ясна. Разрешите приступить к отбору караульных?

— Разрешаю, — смилостивился комбат. — Через час доложите фамилии кандидатов, да чтоб с подробными характеристиками! А к вечеру подготовить табель постам, недельный паек получить — и ко мне на инструктаж! — И вальяжно махнул рукою: — Пока свободна, исполняйте!

…В командировку, связанную с выполнением боевой задачи, отобрали командира первого отделения, комсгруппорга — таковые в Советской Армии имелись в каждом взводе — и еще одного толкового бойца. Все подготовили; все, в том числе и оружие, непосредственно перед убытием получили. И, как говорится, в добрый путь!

В Ростов-на-Дону приехали поздно вечером тех же суток. Добрались до военной комендатуры, там доложились, переночевали на жестких топчанах в комнате, больше напоминающей тюремную камеру. С утра по спецсвязи отзвонился дежурному по нашей части: так и так, прибыли на место без происшествий.

— Ну, это у вас без, — кисло усмехнулся он. — А у нас имеется. Семыкин-то твой опять испарился.

— Как?

— Известно: ножками. Вчера вечером роту в город на помывку повели…

— И?.. — Мне прекрасно было известно, что в связи с затянувшимся капитальным ремонтом гарнизонной бани личный состав уж который месяц пользовался одной из городских.

— И он оттуда-то не помылся, а смылся. Сначала зашел вместе со всеми в раздевалку, а потом, вроде как в первую партию не уместившись… Знаешь же, там в две смены процесс, — на двор вернулся, курил с остальными дожидающимися. А затем втихаря — шмыг на улицу. Построились после помывки, проверились — одного нет. Кого? Семыкина. Форы у него часа полтора имелось. Единственно же, кто его еще наблюдал, — мороженщица. Подходил, стало быть, худосочный да лопоухий солдатик, пилотка в руках. Пломбир приобрел. Ну, дальше следы теряются. Тут уже давно все на ушах стоят, а за то, что старшина ваш шлангануть решил, сам роту в баню не повел, на сержантов спихнул, его чуть ли не увольнять собрались.

— Дела-а-а… — протянул я и подумал, что все-таки вовремя комбату про возможность нового ЧП ввернул. Оно как-то само собой получилось. Проку с того, конечно, будет маловато, и все же…

Про саму командировку особо рассказывать, полагаю, здесь не к месту. Тем паче ничего примечательного за ее время и не произошло: долго ехали, на всякой остановке патрулировали-охраняли, питались сухпаем, отдыхали по очереди. Бойцам своим про новый побег сослуживца сказал, только уж когда через неделю, благополучно доставим опасный груз на нашу станцию, с рук на руки сдал его начальнику артвооружения. Еще и поинтересовался у него же:

— Семыкина-то так и не нашли?

— Нет-с, — по-старомодному ответствовал пожилой майор. — Хотя всю часть задействовали. И город, и все дачные коттеджи прошерстили. Увы-с… Приказ о наказании, кстати, уже родили и вчера на собрании офицеров зачли. Тебе, кажется, строгий выговор-с…

«Что и следовало ожидать», — уныло подумалось мне, и мы с бойцами пошагали к крытому тентом грузовику.

Едва я успел сдать пистолет и патроны в «дежурку» и выйти из нее в район большого плаца, как узрел дефилирующего по нему начальника политического отдела. Тот, в свою очередь, обнаружив меня, резко остановился и властно призвал рукой: ко мне! А когда я, чеканя строевой шаг, остановился напротив второго лица воинской части, откозырял и проорал традиционное:

— Товарищ подполковник, старший лейтенант такой-то по вашему приказанию прибыл! — старший офицер едва поинтересовался итогом ответственной командировки и тут же обрушил на меня поток обвинений.

Из таковых прямо-таки напрашивался вывод, что в новой

«самоволке», закономерно перешедшей по времени — более двух суток — в самовольное оставление части (минула неделя, а следов солдата так и не было обнаружено), виноват лишь я, только я, и вообще: кто дал право забирать с собой в командировку лучших бойцов, и всех из семыкинского отделения?

— Дак комбат же… — аргументировал я свои действия. — Прямым текстом приказал: лучших! Не абы что, сказал, а оружие повезем!

— Но это же ваш солдат сбежал, — зашел начпо с другой стороны. — Вы же должны были предвидеть и предупредить!

— Что я и сделал, — поспешил сообщить я. — И предвидел, и предупредил… накануне командировки.

— Кого именно и о чем? — набычился сбитый с толку начальник.

— Командира батальона, командира роты и ее замполита, — браво отрапортовал я. — Именно о том, что Семыкин с бежит немедленно после моего отъезда.

— И что?

— Мне было резко указано, что мое единственное преимущество — как можно лучше выполнить приказ вышестоящего командования! А за Семыкиным комбат пообещал лично проследить. Так и заявил: лично!

— Проверим! — недовольно рявкнул начпо. — И если выяснится, что врете… Ну, я вам тогда крайне не завидую!

…На сей раз ротный и замполит в голос подтвердили о легкомысленном заявлении комбата. Тот до поры до времени ничего на сей счет ответствовать не мог: несколько дней назад рьяно выехал к родителям сбежавшего, дважды отзвонился оттуда с нулевым результатом и… потерялся. Похоже, решил воспользоваться шансом и маленько погреть пузо у Черного моря.

Вернулся он еще через день. Не буду описывать очную ставку с ним в кабинете командира полка и в присутствии начпо, но орали они оба на отдохнувшего и загоревшего старшего офицера без стеснения, прямо в моем присутствии. Позднее же ротный проговорился, что, по проверенным сведениям (полученным из строевой части), нашему общему прямому начальнику, как и ранее старшине роты, вкатили неполное служебное соответствие — «за самоустранение от служебных обязанностей» — отдельным приказом.

— Опять ты дешево отделался, — подытожил ротный. — Всего строгач, как мне и замполиту. А ведь солдат-то твой…

— Товарищ майор, ну я ведь прямо предупреждал: сбежит он, гад! И к тому же сам выполнял боевую задачу за полтысячи

километров от части! Так в чем тогда моя личная вина?

— Семыкин, спрашиваю, твой?! Или как? Так почему ты всех нас не убедил, раз такой умный?

Дальнейших аргументов у меня не нашлось.

Шло время… Поиски солдата продолжались, но — постепенно затухая. Оно понятно. И только к концу августа дезертира наконец-то обнаружили. В Новороссийске, на пляже, карманы в без присмотра оставленной одежке чистил: кушать-то и на море хочется. Отдыхающие вора сами задержали и милицию вызвали.

Как мы узнали много позднее, выскользнув с банного двора, самовольщик выяснил, где в городе расположена железнодорожная товарная станция (повезло — оказалась не столь уж и далеко), и направился туда. Удачно добрался до цели, по пути затарился двумя буханками хлеба, помидорами и колбасой, найденную банку из-под томатной пасты водой из колонки наполнил. И со всеми припасами спрятался в облюбованном товарном вагоне, зарывшись в солому. Двое суток дрожал от страха: вдруг обнаружат, а на третьи сформированный состав, куда прицепили и вагон-убежище, отбыл в южном направлении.

Дня через три в часть поступила новая информация: Семыкина направили для освидетельствования в дом для умалишенных.

— Тут без родителей явно не обошлось, — приняв на грудь стакан очищенной, рассуждал ротный. — Они, похоже, на все готовы, лишь бы любимого сыночка не посадили, ну и срочную чтоб дальше не служить. Лучше пусть их оглоеда официально дуриком объявят…

От нас потребовали представить в спецмедучреждение ряд документов на обследуемого. Подготовили. Служебную карточку, характеристику, результаты индбесед и т. д. Из всего следовало, что на солдате клейма ставить негде — это в принципе действительности соответствовало. Но, прежде чем из штаба отправить пакет бумаг спецпочтой, меня вызвали к комбату.

Серия номер два многопрофильной беседы с участием его, начпо, ротного и — прицепом — замполита новшествами не блистала.

— Мы же обязаны всемерно заботиться о чести и престиже родной воинской части, — непривычно ласково вещал начальник политического отдела. — Вот потому-то командир и приказал отработать вопрос: что, если направить в Новороссийск офицера с отношением и забрать дезертира на поруки? Глядишь, общими усилиями и с учетом прошлых ошибок перевоспитаем. Тогда,

само собой, не столь жирное пятно на коллективе…

— А ехать именно тебе, — мрачно буркнул комбат, свято убежденный, что я его с потрохами политотдельцу заложил, Чтобы с больной головы на здоровую ответственность перекинуть (ничего, тебе, старлей, это еще аукнется!). — Чмокнул и весомо добавил: — Это же твой и только твой выкормыш!

— Все ясно… почти. Можно только один вопрос?

— Ну?

— Так понимаю, поездка предполагается снова за мой личный счет?

— Опять ремешком прикидываешься? — на все тридцать два зуба рявкнул комбат и даже чмокнуть забыл.

— Нет, вы скажите: а он как хотел? — возмущенно взвопил начпо в сторону ротного и замполита. Те скромно промолчали, на пару отведя глаза.

— Я один раз уже так скатал! — поняв задумку кучи начальников, отчаянно ринулся я в словесную атаку. — И средств мне никто не вернул! А тут предлагается в поезде идиота — и в одиночку — везти! Так как с ним прикажете отдыхать, путь-то неблизкий… Или в туалет водить? Смирительной рубашки-то не имеется…

— Наручники изыщем! — зло рявкнул комбат. — И самого здоровенного сержанта в помощь! А срать — ночную вазу укупишь, пусть в отдельном купе тужится! Потом в сортир снесешь, чай не барин!

— Понял, понял, — побежденно вскинул я руки вверх. — Значит, до Новороссийска два плацкартных билета, назад — четыре купейных. Множим, плюсуем и делим сумму поровну на присутствующих.

— Это почему же купейных четыре билета? — впервые подал голос ротный.

— А тужиться он в присутствии посторонних будет? Женщины там, с ребенком… Или вдруг полковник какой именитый в купе до комплекта окажется. Академик, знатный комбайнер, спортсмен. Да как вызовет бригадира, да накропает жалобу — чего там мелочиться! — прямиком министру обороны! Если же довезу «ценный груз» до части без происшествий, кто из вас гарантирует, что он до конца периода обучения больше ничего не выкинет? Всяку ночь над ним наблюдателем стоять? Каждый день следом, не отрываясь, поспешать? Кругломесячно? Ну, если б он у меня один был, а то ведь и остальным тридцати гаврикам внимание уделить треба! Они ж ведь все **мои**! А как, если умалишенный кого среди ночи придушит? Ему — ничего, а кто виноватым будет? Не один же я, тут мно-огих пристегнут!

— Эка ведь умеет с темы съезжать! — поморщился засомневавшийся начпо.

— «Пиджак» хренов! — вскочил комбат, а следом живо поднялись и мы с ротным и замполитом. — Ему лишь бы ничего не делать! Я вот те на суд-то офицерской чести!

— Товарищ подполковник! А ведь он отчасти прав! — неожиданно стал на мою сторону ротный, видимо, представив, насколько сложно будет уследить за Семыкиным, а в случае чего отвечать за дурака или какой там у него сейчас непонятный статус… Замполит, в унисон чужим словам, часто закивал.

— Молчать! — сжал кулаки комбат.

— Я лично молчать не буду! — окончательно закусил я удила. — Прикажете за убегуном ехать — так в ГлавПУР телеграмму подробную отобью! Имею полное право! И про то, что руководство раньше предупреждал, да только вот слепы и глухи оказались! И снова на те же грабли толкаете!

— Так! Все свободны! — подытожил начальник политотдела, поднявшись из комбатова кресла. — Я доложу командиру части, что вопрос отработан.

И на богатой идее взятия дезертира на поруки был поставлен большой жирный крест.

А вскоре в часть пришел новый запрос относительно моего бывшего солдата. Перевели его, оказывается, из одного дурдома в другой. В нашем уже городе. И оттуда аналогичное требование в ШМАС поступило. По поводу документов. Поскольку пока пациента из Новороссийска везли, бумаги его все оказались утеряны при невыясненных обстоятельствах…

Флаг вам в руки! Наш штаб оперативно ответил, что однажды мы таковой пакет уже отправляли, копий не имеем, стало быть, сами ищите, да обрящете.

Спустя еще несколько суток мой взвод, вместо послеобеденных занятий, в полном составе разогнали на всякие хозработы. Неожиданно оказавшись свободным, я по собственному почину махнул на окраину города, в дурдом. Ну вот хотелось мне на этот штучный со знаком минус экземпляр поглядеть, который у всех массу крови попил, да и высказаться от души.

Добрался. Удостоверение личности офицера предъявил на входе. К главврачу попросился. И о короткой встрече попросил. Удовлетворили. Только говорить пришлось с разных сторон массивной решетки.

— Ну что, рядовой Семыкин, со свиданьицем, значит! — с неприкрытым сарказмом поздоровался я. А чего, собственно, его жалеть? — Во-он куда ты, значит, поспешал-то со всех ног. И как

обстановочка за решеткой? Соседи не забижают? Персонал конфетки-сигаретки регулярно выдает?

— Зачем вы та-ак, товарищ старший лейтена-ант?

— Как?

— Издева-аетесь. Не ду-умал, что вы тако-ой злой.

— Ты-то чего хотел? Может, чтоб тебе за все про все да орденок на грудь? В такое говно часть вогнать — на все Вооруженные Силы прогремели!

— И что-о тепе-ерь?

— Тепе-е-ерь у тебя две-е-е дороги, — передразнил я бывшего подчиненного, глядя прямо в его узкие глаза. — Или в компанию с дураками, или — на нары. Так вот: хотя и оба варианта решеточные, все же от души желаю именно второго. Побыстрей и надолго!

— Вы за э-этим только и приходи-или?

— Отчасти. А еще — очень уж захотелось в твои честные глазки поглядеть.

— Ну и как? Чего увидели? — неожиданно перестал растягивать слова патологический убегун.

— Скорее, чего не увидел. Раскаяния. М-да. Не зря про тебя, кого ни спроси, — сплошной негатив. Как же ты дальше жить будешь?

— Вот это уж точно не ваша забота, — отрезал Семыкин. Безразличный взгляд его мгновенно исчез, переродившись во взор превосходства. — И неизвестно еще, куда именно я отсюда пойду. А поскольку конфет и сигарет вы мне явно не принесли, общаться больше не желаю.

Повернулся спиной ко мне и закричал:

— Санитар! Санита-ар! Помогите! Плохо мне!

— Чтоб тебе еще хуже стало… — негромко произнес я, и дезертир зябко поежился. Тут к нему подошел здоровенный санитар и увел в глубь длинного коридора.

Нет, далеко не столь прост оказался на деле солдат, на словах всячески давящий на жалость.

Едва успел я возвратиться в часть, как на меня тут же наскочил ротный.

— Где тебя носило? Комбат искал, куда-то с заданием срочно заслать хотел! Так орал, так орал!

— К Семыкину ездил, — ответил я.

— А на хрена? — изумился майор. — Какого лешего: тебя ж к нему никто не посылал?!

— Вот и я говорю: а на хрена? — взвыл комбат, едва мы с ротным перешагнули порог его кабинета. — В дурдом? Что еще за такая непонятная самодеятельность?

Я как мог пояснил. Однако начальство не убедил. И чуть ли новое взыскание не заработал. За свою, так сказать, самовольную отлучку. Наверное, именно из-за этого как-то так и не успел рассказать прямым начальникам, что, выйдя из спецмедучреждения, на улице едва не столкнулся с родителями горе-рядового, как раз подъехавшими сюда на такси. Беседовать с ними мне совсем не хотелось, и я резко ускорил шаг.

…Минуло еще дней десять. Вместе со взводом заступил я в очередной караул, который мы пронесли без замечаний. А вернувшись после наряда в подразделение, застал в канцелярии уже остограммившегося ротного.

— Все нормально? — осведомился майор. — Тогда присаживайся. Выпьешь?

— Благодарствую, что-то не хочется.

— Лучше прими. А то сейчас такое скажу…

— Говорите, я, если что, всегда успею.

— Водка имеет обыкновение заканчиваться, — глубокомысленно заметил ротный и хлопнул еще граммов пятьдесят. Тщательно зажевал корочкой и проинформировал:

— Семыкина нынче из дурдома доставили. Признали, стало быть, полностью негодным к армейской службе. Мол, ошибочка с призывом вышла. Историю болезни толщиной со спичечный коробок стоячий в медсанчасть передали. А самого идиота — папаше на руки. Под роспись, как вещь. В каптерке переоделся — сплошь джинса, кроссовки навороченные. Адью, говорит, товарищ майор, пусть у вас другие дураки службу дальше тащат, а мне и на «гражданке» неплохо будет. Тут папаша на него цыкнул — они и отвалили. Да-а, похоже, особого рода сволочь из него выйдет. Ну так как, примешь?

— Наливайте! — решительно согласился я…

Месяцем позже, после некоторых раздумий, я записался на прием к командиру части. По заведенному порядку вместе со мной в кабинет полковника вошли ротный и замполит. А начпо и комбат там уже находились.

— Товарищи офицеры, — несколько робея, начал я. — Как вам всем известно, по причине самовольной отлучки, а позднее дезертирства рядового Семыкина, я, как его командир взвода, получил два взыскания. Подчеркну, что в обоих случаях у меня просто не имелось физической возможности пресечь противоправные действия нарушителя воинской дисциплины. Особенно во втором, о возможности которого я тщетно предупреждал руководство. Но дело даже не в этом. Поправьте, если не согласитесь со следующим. Полагаю, когда взводный получает под свое начало очередное молодое пополнение, он не

должен задумываться над тем, что ему могут подсунуть идиота, дебила, сумасшедшего — словом, юношу, не подлежащего призыву. А поскольку я не имею соответствующего образования психоаналитика и психотерапевта, полагаю также, можно считать, что проколы медкомиссий военкомата и нашей части несправедливо приписали мне. Приписали и наказали. Ошибочно.

— Позвольте, позвольте! — прервал меня начальник политического отдела. — Но это же был ваш солдат!

— Да. Но он им не должен был быть ни при каких обстоятельствах! — твердо заявил я. — Раз впоследствии официально оказался признан идиотом.

— Что ты тут нам ваньку валяешь! — вклинился комбат.

— Родители отмазку у врачей купили — и делов! Липа там все! — И яростно чмокнул.

— Товарищ подполковник, а чем вы можете подтвердить свое заявление? Есть факты подделки анализов, неправомерные выводы или еще там чего по медицинской части? Я, повторюсь, не специалист; вы и остальные присутствующие тоже. Давайте тогда старшего врача части сюда пригласим, пусть он расскажет, соответствует ли диагноз Семыкина действительности.

— Допустим, по бумагам вполне соответствует, — опять перехватил инициативу начпо. — Вы-то, собственно, чего хотите? Выражайтесь яснее.

— Да куда уж, — усмехнулся я. — Отмените неправомерные взыскания. Всего лишь.

Присутствующие отреагировали бурно: несколько матерных фраз, наползая одна на другую, прозвучали в комнате.

Затем ротный уничтожающе произнес:

— Ну, только «пиджак» до такого и мог додуматься! Слышь, мы здесь, по-твоему, в бирюльки играем? Ведь если по твоей ущербной логике, то и мне следует требовать строгий выговор снять! И ему! — кивнул на замполита. — Да и товарищ подполковник тоже пострадал! — Теперь кивок в сторону комбата. — Я вообще такой наглости — двадцать лет служу, а не видывал! Это же открытое посягательство на основы основ армии — на единоначалие!

— А ваше мнение, товарищ капитан? — впервые вступил в разговор полковник, обращаясь к замполиту роты.

— Э-э-э… — заерзал тот на стуле. — Полагаю, старший лейтенант еще не осознал в полной мере свою роль как офицера.

— А разве здесь театр? — удивился полковник. — Вот уж истинный ответ политработника: вокруг да около и мало толку.

— Почему мало? — тут же бросился начпо на защиту

замполита. — Скорее, неточно. Да, у командира взвода, не прошедшего закалку военного училища, недостаточно опыта; да, он пока не сформировался как офицер, склонен в своих неудачах винить окружающих… Но рациональное зерно в человеке присутствует, пытается логически мыслить…

— Словом, не потерян пока для армии полностью, — хмыкнул полковник.

Остальные офицеры настороженно молчали.

— Так что делать-то будем? Солдат твой был, а быть, говоришь, не должен. За что всех наказали, а сатисфакции требуешь ты один. Вот с чем единственно безоговорочно согласен — идея со взятием на поруки действительно гнильцой отдавала. — И полковник метнул быстрый взгляд в сторону потупившегося начпо. — Только такая штука. Правомерны там они, твои взыскания, либо неправомерны — можно спорить до хрипоты, но так мы ни к чему не придем. Это вроде судья в футболе другой раз гол не зачтет, а он, как потом просмотр покажет, был. И что? На результат матча не повлияет, даже если этого судью позднее с работы турнут. Дело уже сделано, и никакого сослагательного наклонения! Так что об официальной отмене взысканий даже не мечтай. Нравится вариант?

— Тогда, товарищ полковник, я вынужден буду написать несколько жалоб.

— Даже несколько?

— Так точно. В штаб округа, в политотдел штаба округа, в военную прокуратуру, в Министерство обороны, в крайком партии, наконец. Может, какой адрес еще и забыл — помараковать следует…

— Мал клоп, да вонюч, — бесстрастно произнес полковник и потянулся к трубке внутреннего телефона. — Строевую часть… Где начальник?

Спустя пять минут тот уже бережно положил перед командиром мое личное дело в красной папке с надписью «секретно» на белой полоске, приклеенной сверху.

— Ну-с, делаем таким образом. — Полковник раскрыл папку, полистал. — Разошьешь, старую служебную карточку порвешь, а вставишь новую и на нее поощрения перенесешь. Взыскания же — вот эти: раз, два — не разноси. Понял?

— Так точно! — И ни единый мускул больше не шевельнулся у начальника строевой части.

— Свободен!

— Есть!

— Вот видишь, — задумчиво произнес полковник, — а ведь приказ-то я отдал противоправный. И майор вполне может на

меня свыше пожаловаться. Только не станет, и сделает совершенно правильно. С волками жить… А тебе, мыслю, товарищ старший лейтенант, не в армии бы служить. Запомни: сегодня ты по чистой случайности «торжество справедливости» отыскал. Другого такого шанса не будет. Так что иди и думай. Хорошенько! И вы все тоже свободны.

Начпо моментально подал команду:

— Товарищи офицеры!

По дороге в подразделение ротный уважительно сказал:

— Командир — он действительно командир. Настоящий. Не стал тебя ломать, пожалел. Только помни: это просто стечение обстоятельств. Редкостное. Тем более нехарактерное для закоснелого «пиджака». Ты все же поразмысли: а может, рапорт на увольнение наваяешь?

Подумал я тогда действительно крепко, однако «ваять» ничего не стал.

С годами служба все больше обтесывала меня, зато уже никто не называл «пиджаком». Ближе к концу своей пологой карьеры, серединой пришедшейся на конец лихих девяностых, когда люди учились держаться за место, дослужился я до должности командира роты. На коей имел достаточно взысканий — главным образом, конечно, за дело, хотя и перегибы случались. Только больше такой глупости, как отмены взыскания требовать, и в голову не приходило. А уж каким сам начальником был — про то пусть мои бывшие подчиненные расскажут.

…Вот и сейчас один из них, человек из давнего прошлого, хитровато прищурясь, поглядывал на меня водянистыми глазами.

— Ну что ж, Семыкин, где нынче живешь, чем занимаешься? — решил я слегка поддержать разговор, хотя желания к тому и не испытывал.

— Да все там же, в Симферополе. Свой бизнес небольшой имею, многопрофильный. Автозапчасти, конфеты, сигареты… С Москвой кое-чего иногда перетираю, потому наездами и тут. Жилье? Дом двухэтажный, дача в Севастополе… Две машины, катер хороший недавно прикупил… Женат, один сын, семнадцать годков, на полголовы меня выше.

— Значит, не за горами и армия? — решил я наступить собеседнику на больную мозоль.

— Вот это вряд ли, — расплылась сытая физиономия в несимпатичной улыбке. — Я ведь, учитывая личный опыт, загодя все продумал, хоть и в копеечку влетело. У моего парня уже сейчас «белый билет» аж по пяти разным болячкам. Так что не видать его украинским ВС родимым никогда и нипочем. Так-то оно, товарищ старший лейтенант.

— Положим, майор (я почему-то не стал упоминать о своей отставке).

— Ну, невелика разница. Один черт, гроши получаете, а полканы во все дыры жарят. И так по понижающей.

— А ты, стало быть, мильонами деньгу гребешь?

— Хм… Не буду хвалиться, но, можно сказать, почти так.

— В таком случае как насчет старого должка? За тот давний проезд туда-сюда к твоим родителям? Для моего старшелейтенантского кармана весьма накладно было, да и для майорского тоже подспорьем станет.

Нет, не надеялся я вовсе на то, что Семыкин тут же раскроет бумажник. Интересно просто было: как с темы съезжать будет?

— Ох, това-арищ старший лейтенант… — Бывший подчиненный упорно величал меня, как в далеком 1990-м. — Это неуклюжая попытка удара ниже пояса.

— Обоснуй.

— Так козе понятно. Глупо отдавать старые долги, если они документально не подтверждены. Да и то — только если суд принудит. И потянуть еще, сколько судебные исполнители и сам заимодавец перетерпят.

— Понятно. Сняли тему. Ладно, тогда скажи еще: тебе бумаги твои медицинские — ну, из дурдома — никогда потом в жизни не мешали?

Бизнесмен средней руки Виктор Борисович Семыкин тяжко вздохнул. Потом спрятал хитрые глаза за темными очками и скучно протянул:

— Ох и злой же вы, товарищ старший лейтена-ант. Я к вам, можно сказать, со всей душою, а вы-ы…

Обреченно махнул рукой и, круто развернувшись, вперевалку зашагал прочь. А я неожиданно ощутил на губах невесть откуда взявшийся привкус уксуса.

— Это кто был-то? — спросила жена, до того, как и положено здравомыслящей супруге, в мужскую беседу не встревавшая.

— Да так… Одна большая толстая крыса, которая давным-давно слегка подъела наш семейный бюджет.

— Не поняла…

— Ну, пошутил я, пошутил, не принимай всерьез… Слушай, а давай еще раз здесь щелкнемся?

2008, 2010

«ТРЕХЛИТРОВАЯ» ЖЕНА

— Да больно же, ирод проклятый! Пусти, отпусти! Люди добрые, спасите, помогите! А-а-а! — прорезали октябрьским воскресным утром захламленный станичный двор отчаянные женские крики.

Они-то и разбудили сладко посапывавшего — по случаю выходного — на старой металлической кровати с никелированными шариками, венчавшими высокие спинки, лейтенанта Алексея Нартова. Он вот уже третий месяц снимал флигелек у молодой супружеской пары.

«Опять Борька уже с утра нажрался и жену гоняет, — понял молодой офицер. — У-у, алкаш чертов…»

Рывком отбросил одеяло, сел на кровати. Натянул трико, нащупал тапочки… А со двора меж тем продолжало истошно нестись:

— Помогите же, хоть кто-нибудь! Ой-е-ей, б-о-ольно!

Тут мольбу перекрыл мужской рев:

— Заткнись, сука! А то вообще убью! Бу-удешь у меня знать, как гулять и концы в воду прятать!

Алексей накинул рубашку, не застегивая ее; толкнул входную дверь флигелька, выскочил наружу. Так и есть: во дворе пьяненький Борька, намотав на руку богатую косу жены Марины, с наслаждением таскал согбенную нареченную по сложной траектории. А поскольку действо сие время от времени повторялось с завидным постоянством, Нартов не стал попусту тратиться на слова, а подскочил к распоясавшемуся мужику и разом завернул ему левую, свободную руку за спину.

— А ну, отпустил ее, быстро! — скомандовал Алексей.

Борька вынужденно подчинился. Освободив волосы, Марина сразу замолчала и на всякий случай отбежала поближе к двери флигелька.

Зато плененный муж ее возмущенно возопил:

— Ты-ы-ы! Ты кто такой — мне руки крутить? Она моя законная! А ты сей же секунд вещи собрал! Проваливай! К энтой матери! Да больно же, падло!

Поскольку «проваливанием» с занимаемой жилплощади хозяин пугал квартиранта чуть ли не еженедельно, очередную угрозу Нартов всерьез не воспринял. Но Борьку таки удерживать перестал. Чем, как ни странно, распалил того вдвойне.

— Все! Хана! Уходи! Убирайся! — возбужденно орал он, отшагнув на всякий случай подальше от квартиранта, и даже неловко подпрыгнул, тыча рукой ему в сторону ворот. — Ты мне

праздник испоганил! — Секунду подумал и добавил, разделяя слоги: — Про-фес-си-ональный! — Затем перевел указующий перст на жену. — А ты, с-сука, живо в дом! Ну! Я т-те там покажу… небо в алмазах!

— Никуда я с тобой не пойду! — со слезами запротестовала Марина. — Опять драться будешь! Проспись сначала!

— Как это? — изумился Борька. — Ты мужнина жена! Быстро марш в дом, голодранка хренова! А ты, гад, — из дома! — снова перенес он словесный огонь на квартиранта. — Собирай манатки!

— Слышь, буянить-то прекращай! — прикрикнул Алексей. — И обзываться! Тоже, герой: залил зенки спозаранку — и жену ни про что колошматить! А вот если она сейчас куда надо заявление отнесет? Про пятнадцать суток забыл уже? Повторно-то не на полмесяца — на все полгода законопатить могут!

— С-сука… — сразу сбавил обороты хозяин дома. — Я ее не за просто так! Гуляет она, сволочь! Гуляет!

— С кем? — не выдержав, с отчаянием выкрикнула Марина. — Где, когда? Ты меня хоть раз ловил?

— Еще пойма-аю… — буркнул Борька. — А тебе, — и он еще на шажок отступил от офицера, — повторять не буду: уматывай с хаты сегодня же!

— По закону ты за месяц меня предупредить должен, — не согласился тот. — Вот через тридцать дней и поговорим. А сейчас — шагай, проспись. Иначе ведь действительно участковому стукануть придется.

— Законник какой, смотри, выискался… Защитничек хренов… Праздник испортил… — уже не столь агрессивно протянул флигелевладелец, даже и по сильной пьяни понимая, что стучать на него в милицию никто не пойдет.

Это ведь когда он месяца полтора назад вот так же, на дворе, жену уму-разуму учил, мимо как раз участковый инспектор капитан Богатырев на «уазике» проезжал. Фамилии внешность соответствовала. Услышал истошные крики, споро отреагировал на них, как по должности и полагалось. Вот угораздило же его именно в тот момент поблизости оказаться! Блин горелый! А Марина своего благоверного тогда еще всяко защитить пыталась, даже заявление в ментуру наотрез отказалась писать. Только толку с того, если Борька, по нетрезвости сразу не разобравшись, правоохранителю с разворота по мордасам двинул. Тот-то, понятно, даже и не поморщился, а вот для драчуна последствия оказались печальные: лишь при помощи дядьки, одного из местных руководителей, удачно со статьи соскочил.

— Хрен с вами; пойду действительно отдохну, — подытожил баталию горе-хозяин. — А ты, Маринка, лучше добром

сознавайся, а то ведь ежели докопаюсь… И вообще: проснусь — окрошки с разварной картошкой хочу…

И гордо удалился в дом, почесывая бок и демонстративно хлопнув дверью веранды. Куда она, жена, на фиг, денется? Придет, голубушка. На коленях приползет, детдомовская голь перекатная…

На кухне прикинул на глазок остаток самогона в бутылке — с полстакана, маловато будет. Но что поделать, зато остатки всегда сладки — и со смаком выхлебал мутную жидкость прямо из горла. Крякнул. Вух, хорошо пошла! Да прямо в трико и линялой футболке плюхнулся на расшатанную кровать-двуспалку: день утра мудренее станет…

— Ну, Марина, что делать-то дальше будем? — обратился Нартов к женщине, затравленно уставившейся вслед удалившемуся мужу.

Употреби тогда лейтенант единственное число глагола, спроси у нее: «Что делать будешь», — глядишь, на той временной развилке жизнь выбрала бы для них, двоих, разные дороги. Но, угадав нотки сопереживания в голосе квартиранта, спасенная жалобно попросила его:

— Алексей, можно я у тебя сколько-нибудь побуду? Домой идти страшно: он раз от раза, как выпьет, так все зверинее.

— А ты у тетки Дуни-то временно пересиди, — присоветовал было Нартов.

— Нельзя мне к ней сейчас, — грустно пояснила Марина. — Борька ей в последний раз напрямую пообещал: учтите, Евдокия Спиридоновна, будете от меня, супруга законного, родственницу прятать — а там и родства-то у нас седьмая вода на киселе — так вот, грозит, вам крест: разведусь — и кормите тогда эту нищенку сами! У тетки же, извини, двое школьников на руках. Ну-тка, без мужика подыми! А так — глядишь, еще и чем сама им подсуроплю. Нет, не деньгами, конечно. Откуда? На огороде или хоть постираться-прибраться. Да и жить там, в одной комнатухе, в тесноте… Набедовались, на раскладушке на кухне спала. Спасибо еще, когда я после детдома ей на голову свалилась, приняла и чуть не полгода терпела, пока я замуж вышла. Опять и с работой какой-никакой подсобила… Уж лучше как-то здесь перемогусь. Должен же он когда образумиться?

— Это вряд ли… — помимо воли вырвалось у Алексея.

— Горбатого могила исправит. — И сразу пожалел о сказанном, увидев, какая глубокая тоска обреченности разом омрачила красивое женское лицо. — Ладно, чего там, пошли, — грубовато пригласил он напросившуюся гостью во флигелек. — Только учти: у меня и угостить-то тебя особо нечем.

— Это ничего, — уже с бодрой ноткой ответила Марина.

— Слушай, а чего он про какой-то праздник профессиональный толковал, я не понял, — поинтересовался Нартов.

— Для блезиру, что ли?

— Как раз нет, — грустно улыбнулась Марина, входя во флигелек. — Сегодня День работника сельского хозяйства и еще какой-то промышленности. Во второе воскресенье октября отмечать положено. Борька загодя про это чуть не неделю долдонил.

— Вот даже как… — хмыкнул молодой офицер. — Выходит, обидел я его кровно…

— Да уж… — со вздохом согласилась Марина. Подошла к небольшому настенному зеркалу и стала приводить в порядок толстую косу.

Алексей сунулся в холодильник, добыл тушенку, шпроты, сгущенное молоко, сыр и колбасу. Поставил на двухкомфорочную газовую плиту чайник, полез в пакет за хлебом.

— Не надо, зачем? — запротестовала женщина. — Давай просто посидим.

— Никак нет, — не согласился Нартов. — Раз уж оно так вышло, имеем полное право… Тем более, я еще не завтракал, да и ты, наверное, тоже. Так?

— Ну, так. Может, тогда в погреб во дворе сбегаю? За огурцами-помидорами солеными. Сальца опять же — там оставалось еще в кастрюле…

— А вдруг он в окно следит? Только на дополнительные неприятности нарвемся…

И вновь лейтенант употребил множественное число глагола..

Мужчина и женщина позавтракали, и, на удивление, даже с аппетитом. А что? Алексею — двадцать три, Марине — двадцать один. Молодые организмы витаминов требуют. Ну а пока наши герои заканчивают трапезу — кто чаем с лимоном, кто кофе со сгущенным молоком, познакомим читателей с ними поближе.

Начнем с сильного пола. Лейтенант авиации Нартов Алексей Александрович. Уроженец одного из райцентров Липецкой области. Там же окончил десятилетку и за компанию с лучшим школьным другом Виталиком Есауловым поехал штурмовать Ульяновское высшее военно-техническое училище: как раз в том две тысячи пятом оно вновь обрело самостоятельность, распрощавшись со статусом Ульяновского филиала военной академии тыла и транспорта. Конкурс в УВВТУ друзья выдержали без особых проблем и в июне две тысячи десятого в числе середнячков окончили вуз, овладев специальностью «обеспечение

и применение ракетного топлива и горючего».

Дальше пути их разошлись: после отпуска — первого, отгулянного уже в офицерских погонах, — Есаулова направили под Екатеринбург. Нартову же по распределению выпала глубинка Ростовской области, летный полк, базирующийся в степи, откуда до близлежащей станицы было километров десять, а до райцентра — так все тридцать с гаком. Назначенный помощником начальника службы снабжения горючим, он с ходу принял на себя все «тяготы и лишения» повседневной службы. Как на грех, в полку неоправданно затянули с капремонтом офицерского общежития, так что Алексею сразу пришлось искать себе временное жилье в станице, а потом оттуда на службу — порой ранней ранью — добираться на стареньком мотоцикле.

Зеленый «Восход-3М» еще девяносто пятого года выпуска, но вполне исправный и даже ухоженный, Нартов всего лишь за три тысячи рублей приобрел у начальника вещевой службы полка, увольнявшегося на пенсион и переезжавшего в город своего детства. Тем паче, на бензинчик для мотоконя, учитывая занимаемую должность, и тратиться не приходилось. Нет, в перспективе зимой на двух колесах, конечно, особо не поездишь, но зам командира полка по тылу клялся и божился, что ремонт общежития завершат еще до декабря.

На квартиру к Борьке Алексей попал отнюдь не случайно: адрес ему по прибытии в полк в штабе дали.

Когда лейтенант открыл калитку, прятавшуюся посреди давно не крашенного забора, хозяин домовладения, одетый лишь в синее трико, сидел на ступеньках крыльца и ожесточенно смолил «Приму». На пальцах левой руки читалось некачественно татуированное «Боря».

— Вечер добрый, — поздоровался офицер.

— Ночь покажет, добрый он или хрена с два, — отрезал курящий.

— Что так пессимистично? — поинтересовался Нартов.

— А чему радоваться? Конец света на горизонте. И если, к примеру, Земля изнутри вулканами не взорвется, так инопланетяне в рабство возьмут. По ящику уже сообщили — три огромнейших корабля к нам летят: два круглых и цилиндром, — пояснил хозяин, затянулся и продолжил: — Или этот… астероид с Эльбрус величиной на полном скаку по Америке долбанет, а нам до самой ж… тоже аукнется. Третья термоядерная опять-таки возможна. Да мало ли…

— Хм-м… Это у вас в станице что, все так информационно продвинуты? И глобальными проблемами человечества озабочены? — удивился Алексей.

— А то! — довольно осклабился Боря. — Мы здесь, понимаешь, отнюдь не лаптем щи хлебаем…

— Понял. Только вот с эдакими воззрениями впору веревку с мылом прикупить. Да подходящий крюк высмотреть, потолщее, — едко сыронизировал лейтенант.

— Вот это уж ты шалишь. Это ты давай сам… шею намыливай, — загоготал собеседник, затянулся и щелчком отправил незагашенный окурок в клумбу под окном веранды. — Пущай цветики тоже подышат, я не жадный… Ну что, поди на квартиру устраиваться пришел?

— Да. А как вы догадались?

— Я здесь родился и вырос, — со значением пояснил хозяин, лениво поднялся на ноги и сладко, с хрустом потянулся. — А полк летный рядышком испокон веков разбит. Так что уж как-нибудь служивого и по «гражданке» отличу. Опять же срочную недавно оттарабанил…

— Ясно. А что насчет жилья-то? Имеется?

— Какой ты быстрый, однако. Спешка нужна только при ловле блох. Или когда чужую жену трахаешь, а муж в дверь ломится, — озвучил хозяин избитую поговорку. — Колись: ты офицер или прапор?

— Существенная разница? — усмехнулся Нартов.

— Имеется. Не терплю «кусков». Из личного опыта, понял? Так что ежели ты — он, то давай, дергай сразу.

— Ну, лейтенант я, — нехотя признался Алексей, хотя почувствовал уже неприязнь к собеседнику. — Помощник начальника службы снабжения горючим.

— Нос в мазуте, зад в тавоте, но служу в воздушном флоте! — неожиданно продекламировал хозяин и вновь загоготал.

— Это вы еще откуда… наслышаны? — удивился офицер.

— Да все оттуда же! Я срочную служил именно на гесеэме. Только, конечно, за тысячу кеме, в Сибири. Понял, зад в тавоте? Да ладно, ладно, не куксись. Давай, проходи. Вон он, флигель-то. С газом, с отоплением и даже с раритетной мебелью. Койка там дедовская еще. Он ее после войны на трофейные камни для зажигалок выменял. Целый вещмешок из Берлина приволок! По тем временам — состояние! Да, кстати. Меня Борисом зовут.

— Уже прочел, — кивнул Нартов на татуированные пальцы собеседника. — Алексей.

— Значит, будем знакомы, — протянул хозяин загрубелую ладонь.

Мужчины крепко поручкались, проверяя друг друга на силу. И пошли смотреть сдаваемое жилье…

Столковались быстро — Борис цену не заламывал. Но задаток

попросил: хотел быть уверенным в квартиранте.

— Можешь хоть сию минуту располагаться, — радушно пригласил он. — Попервости Маринка, супружница моя, бельем обеспечит, а потом простынки-наволочки с полка возить будешь. У нас все так делают, кто жилье снимает.

— Это я понял, — согласился Алексей. — Только как же мне завтра к восьми утра на службу попасть? Автобус рейсовый до полка вряд ли ходит…

— Я тебе велосипед напрокат дам, — расщедрился Борис.

— Машина заслуженная, на внешность не гляди. По сезону даже в райцентр на ней мотался. Давненько, правда, еще до армии.

— А теперь? Совсем велосипед не нужен?

— Теперь у меня завсегда железный конь под задницей.

— В смысле?

— Э-э, да у тебя мозговые подшипники туго проворачиваются. Трактор, понял? «Беларусь». Почти танк! В СПК «Кавказ» на нем впиливаю. Слыхал? А-а, откуда — ты ж только приехавши. Между прочим, дядька мой, младший материн брат — царство ей небесное, — председателем там, и вообще: кооператив этот с нуля и создал. Ладно, сейчас пошли, пошамаем. За счет фирмы. Маринка должна уже картошки нажарить. Да по стопарику свойской — чего на магазинную тратиться: самогончик вдвое дешевле, места только знать надо.

— Да оно как-то не хотелось бы с утра, с перегаром, на построение…

— Не боись, сто раз выветрится! Ты закуси поплотнее: картошечка, огурчики, сальцо, грибки… А может, борщичка со сметаной хочешь?

В общем, остограмиться по солидному поводу новоселья пришлось.

За ужином, сервированным прямо на дворе, в беседке, Нартов впервые увидел жену Бориса — Марину.

…Невзрачно одетая девушка с роскошной темно-русой косой в станице появилась три года с небольшим назад. Она приходилась троюродной племянницей Евдокии Спиридоновне Хохлаткиной, вдовствующей уже несколько лет (муж на Пасху опился самогоном) — болящей предпенсионерке, обзаведшейся детьми нежданно-негаданно только в возрасте под сорок. В станице болтали, что нагулянные они: не могло у законного супружника Спиридоновны потомства быть вообще, но ведь со свечкой в ногах никто не стоял. Да и походили наследники на покойного ныне отца явно. Теперь старшенькая, отличница, училась уже в одиннадцатом классе, куда ездила в райцентр.

Младший, сынок-сорвиголова, кое-как обозначал учебу в девятом. А тогда, летом две тысячи седьмого, Маринка, угодившая в детдом в трехлетнем возрасте (родители не выжили после автомобильной аварии), сама только окончила школу. И приехала к единственной известной ей родственнице. Они своеобразно переписывались: на ежемесячные послания Маринки Евдокия Спиридоновна отвечала скупыми текстами открыток — на наиболее значимые праздники, — но навестить племянницу так и не сподобилась ни разу.

Соответственно, не очень-то обрадовалась и ее приезду. Однако, быстро углядев, что та — девка работящая, безотказная и скромная, приняла-таки в дом и не прогадала. С работой тоже разрешилось как нельзя проще: заведующая единственным детским садом в станице была школьной подругой Хохлаткиной. А тут в садике как раз освободилось место нянечки, ну, Маринку на него и пристроили. Да как славно! Заведующая нахвалиться не могла.

И все бы хорошо, однако на девушку быстро положил похотливый глаз начинающий тракторист местного СПК Борис Провоторов. Он молоко в детский сад по утрам привозил — вот и углядел симпатичный объект. Не раз и не два пытался Марине свидания назначать, на танцульки в клуб приглашал, ну и прочее… А поскольку избранница бурных чувств ухажера никак не разделяла, все больше после работы поспешая домой, крепко озлился. И однажды, употребив для храбрости, отследил недавнюю детдомовку вечером на краю станицы, у озера, куда та прибегала ополоснуться в укромном местечке, да и взял ее там насилком.

На крики о помощи прибежали двое местных рыбаков, проплывавших поблизости на лодке. Они буквально стащили озверевшего Провоторова с потерпевшей. В итоге на Бориса завели уголовное дело. И единственное, чем смог тогда ему помочь почти всемогущий, по сельским меркам, дядька, — посоветовал попытаться загладить вину, предложив потерпевшей руку и сердце. Согласиться на замужество Марине жестко указали тетка и завдетсадом.

— Ну, посадят его, ирода, так тебе что с того толку? — втолковывала Евдокия Спиридоновна. — С клеймом порченой век ходить будешь? А так стерпится — слюбится. Не век же тебе у меня в приживалках ютиться. Вон, свои как на дрожжах подрастают.

— У Провоторовых дом хороший, хозяйство крепкое, — вторила завдетсадом. — Матери Борьки, конечно, палец в рот не клади, человек она скандальный, тяжелый; ну да уж зубы

стиснешь, потерпишь. Глядишь — и она к тебе попривыкнет. Опять же и брат ее в станице если не первый, так второй после главы администрации человек. Не упусти свой шанс в жизни, девка!

…Свадьбы как таковой не было. Расписались молодые в ЗАГСе, в райцентре, а потом тесным семейным кругом за столом в доме жениха посидели. Дядька его, правда, там объявился, японский обеденный сервиз «Yamasen» на двенадцать персон подарил. С элементами декоративного искусства Страны восходящего солнца. Пятьдесят пять предметов, стоимость — почти сорок тысяч «деревянных». Не то что Евдокия Спиридоновна — постельное белье да простенький отрез на платье. Ну, с затрапезницы какой спрос?

Отметим сразу: невестку свекровь яро невзлюбила. Не о такой паре для сына мечтала. Борис ее ведь поначалу после школы — при помощи дядьки, конечно, — в РИНХ, Ростовский институт народного хозяйства, поступил. Только быстро вылетел оттуда пробкой, на корню первую же сессию завалив. Лодырничал много, занятия пропускал. Это при том еще, что в учебе дубоват-туповат. Побездельничал дома полгода — от армии его, разумеется, «отмазали», — вторую попытку получить «верхнее» образование сделал. Тут уж он до конца первого курса продержался — и опять на экзаменах «не повезло». Один «хвост» за студентом с зимы числился, да два новых, да еще сильно нетрезвым на глаза декану уже в самом конце сессии попасться угораздило… В общем, вузовское начальство стало в позу, и даже приезд влиятельного родственника не помог: из РИНХа Провоторова вторично отчислили.

Сильно тогда на безбашенного племянника дядька наехал.

— Пустоцвет ты, Борька, — заявил он ему при его матери. — Все на меня надеешься, что по-родственному твою жизнь так и буду устраивать. Баста, хватит! — и крепко саданул ладонью по обеденному столу, застланному чистой клеенкой. — Осенью в армию пойдешь; она тебя, мать родимая, хоть чуток, а жизни научит. А там поглядим, стоишь ли третьего захода на «вышку» вообще. Пока же хватит у матери на шее сидеть и гулевать чуть не до утра, а потом до обеда дрыхнуть. Тебя в школе на тракториста готовили? Вот и пойдешь ко мне общественно полезный труд осваивать — я как раз еще «Беларусь» навороченный прикупил, буквально вчера пригнали. И смотри у меня! — погрозил дядька нерадивому племяшу литым кулаком. — Не приведи, загробишь миллионную технику — так не семь, все семнадцать шкур спущу! Ты, сестра, лучше молчи и слез понапрасну не лей: дожалелась ужо, хватит!

…А буквально через несколько дней, после того как Борьку оформили водителем новенького МТЗ, в станицу приехала Марина.

На срочную службу Провоторов был призван двумя месяцами позднее принудительного бракосочетания и свой священный долг Родине отдавал под Челябинском. В письмах же сыну изначально недовольная невесткой мать его усиленно муссировала тему: «А жена твоя, хоть я ее за руку так и не поймала, но сердцем точно чую: верности тебе не блюдет, гуляет напропалую…»

Так и не изменив своего мнения по поводу «неблагонадежности» снохи, родительница Бориса скоропостижно скончалась почти сразу после его увольнения в запас: обширный инфаркт. Теперь молодые обитали в большом четырехкомнатном доме вдвоем — детей у них пока не намечалось, и глава семейства уже неоднократно высказывал по сему поводу свое мужское недовольство. Причем пытался связать эту тему с подозрениями о «гулевании» жены: мол, потому от меня и беременеть не желаешь…

И еще. В армии, особенно по второму году, учитывая специфику службы на складе ГСМ, Провоторов усугубил свое предрасположение к алкоголю. Дома же, за неимением спирта, в предостаточном количестве хлебал самогон. Правда, пока еще на работе держался, а вот после нее… Особенно раскрепостился, похоронив мать: ведь теперь появился железный повод к употреблению горячительного — все поминал ее чуть ли не ежевечерне. Ну а поскольку самогон хотя и дешевле магазинной очищенной обходился, однако в семейном бюджете дыру тоже пробивал немалую, Борис пораскинул мозгами и скатал на своем МТЗ в летный полк, объявив в штабе, что подыскивает квартиранта…

Итак, пока хозяин дома и флигелька отсыпался после утреннего возлияния, хозяйка и квартирант, завершив завтрак, продолжили общение. И не будучи по природе сильно красноречивым с женским полом, Нартов по ходу беседы неожиданно для себя рискнул почитать Марине собственные стихи.

К сочинительству Алексей пришел на втором курсе. Можно сказать, совсем случайно. Тогда в военном вузе объявили конкурс на создание гимна училища, «наиболее ярко и правдиво отражающего специфику и героику профессии офицера, традиции Вооруженных Сил России, а также преемственность поколений защитников нашей необъятной Родины»… В общем, что-то в духе заслуженно подзабытого метода социалистического реализма. Нартов и за перо-то взялся разве что за компанию с лидерами

своей группы, и в итоге у него родились следующие четверостишья:

Мы, гесеэмщики, воины тоже,
Армии нашей частица родной.
Служба у нас на другие не похожа,
Но по-любому главнее любой.

Мы мирный труд Отчизны охраняем,
Страны огромной мы — надежный щит,
И хоть мы сами, признаем, не летаем,
Без нас самолет не полетит.

Далее автор соглашался с тем, что, опять-таки «мы не танкисты, не артиллеристы». Зато констатировал: «Без нас ни танк, ни бэтер не помчится», а в отношении пушки утверждал — она «в тылу глубоком останется стоять».

Были еще в этой конкурсной работе строки, касающиеся ракетных войск, военно-морского флота, связистов, саперов, военных медиков и еще почему-то войск химзащиты — на чем соискатель, вняв знаменитому изречению Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное», вовремя остановился. И подытожил:

Масла с горючим — как кровь для человека,
Для всяких войск всегда они важны,
И пусть пройдет не меньше чем три века,
Мы снова будем всем-всем в армии нужны!

Варианту Алексея сослуживцы прочили первое место. Нет, компетентное жюри (начальник училища, генерал плюс четыре полковника, в число которых входил и имеющий филологическое образование) решило-таки отдать его поэту-профессионалу, которого подрядили для подстраховки: а вдруг из курсантов никто ничего путного не родит? Мэтр свой гонорар честно отработал, хотя предъявленный им текст оказался пусть и правилен со всех сторон, но написан без той душевной теплоты, что легко угадывалась в сочинении Нартова. Однако тому попеняли на неточность рифм, сбой ритма, сомнительное сравнение и «некоторую наивность» да еще придрались к словосочетанию «три века»: «А почему не два или, скажем, не пять? Где логика?» Впрочем, вторую премию присудили единогласно. Что и подтолкнуло будущего офицера пополнить ряды служителей музы Евтерпы, поскольку и в дальнейшем он

сочинял стихи единственно военно-патриотической тематики.

Итак, добыв с полки заветную общую тетрадь, куда переписывались беловые варианты новых произведений, Алексей смущенно прокашлялся и, сначала робко, а потом все больше воодушевляясь, стал декламировать их гостье, которая восторженно прослушала содержимое тетради от верхней крышки и до последних, пока чистых листов. Еще бы: лично ей никто никогда в жизни не читал собственных стихов! А классическую поэзию она уважала. Особенно Есенина и отдельные вещи Бунина (скажем, то же «Слово»): в детдоме преподавательница русского языка и литературы свой предмет и знала и с неослабевающим интересом преподнести умела…

Нет, конечно, так или иначе прославляющие армию и пропагандирующие военную профессию стихи Нартова всякий изощренный литератор забраковал бы на корню, обвинив в неумеренном пафосе, беспомощности стиля, менторстве, обилии штампов, а уж по части теории стихосложения вообще бы разгромил. Но Марина уловила в услышанном в первую очередь сильные, а порой даже поразительные по искренности чувства.

— И это все ты сам? — задала она риторический вопрос, когда Алексей наконец бережно закрыл толстую тетрадь в ярко-красном переплете.

— Разумеется.

— Ой, какой же ты, однако, молодец!

— Скажешь тоже…

— Нет, правда! Вот никогда бы не подумала…

— Эй, шалава! Да ты точно совсем обнаглела! А ну, бегом в дом, к плите! Я жрать хочу! — заорал проспавшийся Борька, возникший на пороге флигелька, и с появлением в дверном проеме небритой оплывшей физиономии разом канула в небытие вся романтическая обстановка домашнего литературного утренника.

На какую-то секунду наступило напряженное молчание. Нарушил его опять-таки Борька:

— Ну, так… Если сейчас, с-сука, домой не пойдешь — вон Бог, а вон порог! Можешь к Спиридонихе уматывать, только с концами! Безвозвратно! В ногах потом будешь валяться — не приму! А ты, Лешка, начинай другое жилье подыскивать. Таких наглых квартирантов… да за любую цену не потерплю! Ишь, голубки какие, сидят друг против друга, воркуют! А сами, может, уже и переспали… Ну? Чего языки в ж… позасовывали? Нечего сказать?

— Дурак ты, Борька, — не нашел ничего лучшего возразить Нартов. — Я ее и пальцем не тронул. Лучше еще поспи — может,

тогда окончательно протрезвеешь.

— Я никуда не пойду, — заявила побледневшая Марина. — Если хочешь — можешь на развод подавать. Довольно ты моей крови попил… — И обидчиво поджала губу.

— Ой-ей-ей, «крови»! — передразнил Борька. — Я что, вампир, или как?

— Энергетический, — уточнил Алексей. — Я тебе уже говорил и повторяю: до каких пор бабу мучить по-пустому будешь? Другой бы жил да радовался: ведь красавица в жены досталась! (При этих словах Марина потупила взор и моментально покраснела, невольно затеребив кончик косы.) А ты со своей идиотской ревностью — и на абсолютно пустом месте!

— Молод еще меня жизни учить! — рявкнул Борька. — Тоже, красавицу нашел! А внутри она, может, настоящая баба-яга. И вообще… — Провоторов вдруг осекся, потом шагнул вперед, плюхнулся на свободный табурет, побарабанил пальцами по краю стола… И неожиданно заявил-предложил: — И вообще: раз она тебе так понравилась, гони три литра спирта на кон — и можешь ее забирать. Совсем. Сегодня же. Один хрен, я с ней все равно разведусь — так с паршивой овцы хоть шерсти клок. Годится?

— Ты… Да как ты… такое? Вообще язык повернулся? — возмутился Нартов, и от гнева у него аж дыхание перехватило, а кулаки туго сжались.

Борька глупо ухмыльнулся:

— Слабо?

Марина же бессловесно сгорбилась на стуле, и краска стремительно отлила у нее с лица — словно женщину резко ударили ножом пониже груди…

На этот раз напряженное, ничем не нарушаемое молчание воцарилось во флигельке на несколько секунд. Теперь его прервал Алексей:

— Я согласен.

— А-атлична! — хлопнул ладонью по столу «продавец» живого товара. — Когда и где бартер осуществлять будем?

— Здесь же. Сейчас на мотоцикле на службу смотаюсь и спирт привезу.

— Только смотри, чтоб неразбавленный.

— Обижаешь…

— Вы-ы-ы! — громко воскликнула тут Марина. — Меня-то спросили? Или почему так? Торгуетесь? Да я вам что — вещь какая дешевая?

— Гы-ы-ы! — неприятно осклабился Борька. — Достоинство прорезалось? Позднова-ато…

— Успокойся, пожалуйста, — подскочил к Марине и сжал ее

ладони в своих Нартов. — Ты мне на самом деле давно нравишься. С самого первого дня, как увидел. Пойдешь за меня замуж? Я серьезно! А с ним, — и Алексей кинул гневный взгляд на обалдевшего Борьку, который тупо, с раскрытым ртом слушал признание постороннего в любви своей жене, — пропадешь ведь!

— Ты… на самом деле? Не шутишь? — прошептала Марина.

— Да! То есть нет, конечно, какие шутки! Тьфу, сам себя запутал! — мотнул Алексей головой. — Повторяю: я тебя люблю, и выходи за меня!

— Я не против, — еле слышно произнесла Марина.

— Тогда вставай, со мной поедешь, — предложил Нартов. — Я тебя с ним наедине не оставлю: неизвестно, что спьяну выкинет.

— Э-э-э, так дело не пойдет! — как-то вяловато запротестовал Борька. — А вдруг вы на пару смоетесь?

— Куда? — искренне удивился Алексей. — У меня же тут все имущество.

— А кто тебя знает? На дурничку-то, говорят, и соль сладка…

Мужики попрепирались еще маленько и сошлись наконец на том, что сейчас Марина самостоятельно идет к тетке, а минут через десять Нартов на мотоцикле выезжает за спиртом.

Так и сделали. Офицер отсутствовал минут сорок, и куривший на ступенях веранды Борька уже начинал терять терпение. Но вот с улицы послышался усиливающийся стрекот мотоциклетного мотора. И — урра! — Алексей протягивает «купцу» две полуторалитровых пластиковых бутылки из-под минеральной воды, под пробки заполненные прозрачной жидкостью.

— Девяностовосьмипроцентной крепости, — счел нужным уточнить Нартов.

— Годится! — одобрил Провоторов товар, проинспектировав его на вкус. — Можешь забирать эту голодранку!

— Расписку напиши, — вдруг потребовал Алексей. — А то выхлестаешь все, а как протрезвеешь — начнешь орать, что ничего не помнишь.

— Га-га-га! — совсем развеселился Борька. — Тебе, может, и свидетелей еще позвать?

— Было бы неплохо, — тут же согласился офицер.

— А эвон как раз шагают… Парочка — кулик да гагарочка, — углядел Провоторов с высокого крыльца двух подвыпивших мужиков, обретавшихся по соседству, на Том же квартале. — Э-э! Рули сюда, магарычевое дело!

Приглашенные в свидетели — доходяга Венька Герасименко, по прозвищу Мумушка — сложное производное от изначального

Герасима Муму, — и медвежковатый Иван Сыромясов, больше именуемый собутыльниками как Сыромяс — находясь в достаточной степени опьянения, поначалу не могли взять в толк, что за документ им предстоит завизировать. Потом все-таки поставили свои закорючки ниже подписи Борьки. Алексей внимательно прочел расписку.

«Я, Провоторов Борис Петрович, отдаю Нартову Алексею Александровичу свою жену Провоторову Марину за три литра спирта. Навечно. Обещаю своими претензиями обоих больше не тревожить».

— Ну, все? Доволен? — уточнил нетерпеливый «бартерщик». — Вот и ладушки. А то нам праздник спрыснуть давно пора. Про-фес-сиональный! Только ты, Сыромяс, поперед за кваском сгоняй: у твоей бабы самый классный, ей-ей. Уважаю! А мы тут пока с Мумушкой сальца подрежем да капустки изымем из погреба… А ты вали, вали, лейтенант, пользуйся… объедками с барского стола! На хрена она мне теперь сдалась — голодранка, пройденный этап! Вот выпью — и весь гардероб ее подпалю! И перину! А больше у нее и нет ничего! Уразумел? Развод и девичья фамилия!

Алексей сжал скулы, нервно сглотнул, но желание двинуть хозяину домовладения в рожу переборол. Выкатил мотоцикл со двора, завел. Уезжая, услышал в спину:

— Скатертью дорога!

Борька пил вусмерть четыре дня подряд. Сначала с приятелями, позже в одиночку. Весь спирт подчистую оприходовал. Про работу, понятно, напрочь забыл. Какое там — он и во двор-то выходить перестал уже на вторые сутки.

Главное — и дядька нашего запойного горе-героя еще в понедельник с утра в столицу подался: глобальные вопросы по СПК решать. А из Москвы, поразмыслив, уж заодно и в Санкт-Петербург махнул. Так что некому оказалось алкаша авторитетно к порядку призвать. Нет, конечно, бригадир домой к прогульщику дважды ездил. Полюбуется на изрыгающее матерные ругательства нетрезвое тело, плюнет — и отбывает несолоно хлебавши. А на пятый день Борька с чугунной головой выполз наконец на крыльцо дома и узрел новый забор сплошной набивки, ограждающий флигель и кусочек двора. Позвольте, это еще что за дурацкие шутки?

Походил, ничего не понимая, вдоль грубо оструганных сосновых досок с треугольным верхом. Выглянул на улицу — еще сюрприз: в старом фасадном заборе вторая калитка появилась. Прямо перед флигельком. Запертая.

«Ах они мерзавцы! Отделились, стало быть, без моего

ведома! — сообразил наконец Провоторов. — Как же, значит, я и не услышал даже? Ну, ничего, это гадство мы сейчас живо поправим!»

Притащил из сарая стремянку, запасся топором и с натугой одолел деревянное препятствие, спустившись вниз по деревянным же лагам.

Флигель был закрыт, да оно и понятно: середина дня, квартирант и стерва гулящая на работе оба. Подрубить заборные столбы, а потом завалить доски — и вся недолга. Будут знать, как посягать на частную собственность!

Вот только топор в ослабевших похмельных руках вел себя по-предательски. В итоге Борька едва не оттяпал себе пальцы на ноге, взмок и плюнул на шикарный замысел «ломать — не строить». С третьей попытки перелез на «свою» территорию, уселся на любимом месте — верхней ступеньке крыльца, выкурил последнюю сигаретку из мятой пачки «Примы». Потом на кухне прямо из банки похлебал огуречного рассола. Есть не хотелось. Хотелось похмелиться, но не было ни денег, ни желания тащиться в магазин на свинцовых ногах. Оставалось ждать. И поневоле — думать…

Около половины седьмого на мотоцикле подъехали Алексей и Марина.

— Э-эй! — осипшим голосом закричал им Провоторов. — А ну, подождите! — И заковылял через две калитки к флигельку. — Побаловались — будя! — стараясь придать голосу твердость, заявил он. — Маринка, домой!

— Никуда она с тобой не пойдет! — отрезал Нартов. — Пропил ты ее! Променял! Или забыл уже? Вот она, копия расписочки-то! — достал он из нагрудного кармана форменной рубашки сложенный вчетверо стандартный лист.

— Ознакомься. Можешь даже порвать. Или съесть — я их пять штук наксерил, не жалко. Ну! Читай! Тут и подписи свидетелей имеются.

— Дак это… — Про «бартер» Борька, как ни удивительно, помнил. Поморщился, по складам разбирая текст расписки. — Шутейно же все было… Ты чего? Жена она мне!

— А кто развестись грозил? И все вещи ее спалить? Слава Богу, кое-чего из носильного забрали, пока ты невменяемый четверо суток валялся. Перину, кстати, тоже. И паспорт — знаешь, на всякий пожарный…

— Ну… Чего по пьяни да в горячке не ляпнешь… Постой-постой… Это ж какой день сегодня?

— Четверг, однако, — с усмешкой отозвался Алексей.

— Брешешь!

— Собаки брешут! — с металлом в голосе отрубил офицер.

— Ладно, ладно, вырвалось…. Маринка, ну хватит уже выпендриваться, пошли, а?

— Ни за что! — на резкой ноте вступила та в разговор. — Я от тебя только оскорбления да колотушки за все время имела! Да и взял-то ты меня как — помнишь? Только потом тюрьмы испугался — называется, «осчастливил»! А он — стихи свои читал! Знай: я уже заявление на развод подала! И согрешила, и не жалею, чтоб не зря меня изменами попрекал!

— Маринка-а-а! — вдруг в похмельной истерике взвыл Борька и бухнулся на колени. — Вернись, матерью покойной клянусь, и пальцем не трону!

— Нет! И вообще: скоро в полку общежитие офицерское откроют, так мы с Лешей сразу же туда уйдем! А ты хоть подавись своим особняком — мне он без надобности! В детдоме и малому радоваться приучили!

— В общем, уходи подобру-поздорову, — подытожил Нартов. — Нам еще ужин готовить да лечь надо пораньше, а то завтра на полеты в первую смену…

— Не имеешь права гна-а-ать! — запричитал Борька, с усилием подымаясь с колен. — Это моя земля-а-а! И флигель тоже! Уходи са-ам! Сам уходи! А ее оставь!

— Алеша, поедем отсюда, — предложила Марина. — Ведь покоя не даст!

— Но куда?

— К тетке. Как-нибудь в сараюшке на старых одеялах перекантуемся. Ночи-то пока теплые — на удивление.

— Ладно. Только захватить с собой надо кое-чего.

— А как же я-а-а? — голосом обиженного ребенка вскричал Борька.

— А ты — сам по себе, — жестко ответила Марина и, брезгливо обойдя пока еще законного мужа, стала отпирать дверь флигелька.

Уезжали двое на мотоцикле под заунывно-угрожающие вопли третьего…

На следующий день в станицу вернулся дядька Бориса. Быстро вник в ситуацию и тут же помчался к руководству летного полка.

Дело лейтенанта Нартова скоропалительно вынесли на суд офицерской чести. Заместитель командира полка по воспитательной работе свою обвинительную речь построил главным образом на том утверждении, что помощник начальника службы снабжения горючим «украл со склада ГСМ три литра этилового спирта высшего сорта и использовал их для

разрушения семейной ячейки общества».

Другие выступающие лейтенанту тоже пеняли, но все больше как-то несерьезно, пряча улыбку. Оживление сослуживцев вызвали лишь детали «бартерной сделки». Кто-то из зала высказался, что раз инициатором ее был именно Провоторов, значит, он-то и есть главный виновник конфликтной ситуации. Нартов же тут сбоку припека, пристяжная лошадка. Бориса в первую очередь судить следует! На что сразу получил из президиума отлуп — это, значит, не в нашей компетенции, и нечего съезжать с темы, а любой выкрик с места есть нарушение воинской дисциплины!

Впрочем, когда Алексей принародно и наотрез отказался порвать связь с Мариной, присутствующие неохотно согласились: да, наказать его, конечно, надо, но вот как? Зам по воспитательной озвучил мнение руководства: за поступки, дискредитирующие честь мундира российской армии, ходатайствовать об увольнении лейтенанта авиации Нартова А. А. из Вооруженных Сил. А стоимость похищенного спирта взыскать с виновного из расчета пятикратной. Несколько офицеров высказались мягче: за предупреждение о неполном служебном соответствии.

Главный воспитатель полка взял слово вторично, продолжив с трибуны настойчиво гнуть свою, «принципиальную» линию:

— Мы не вправе поощрять аморальность! Разбить молодую семью! Похитить военное имущество! А самое страшное и печальное — он ведь до сих пор так и не осознал и не признал тяжести своих проступков! О чем тогда дискутировать? Вдумайтесь: покрывая вора и разлучника, вы проявляете элементарную и непростительную политическую незрелость! Уволить! Однозначно! По негативу!

И так-таки настоял на своем, заявив, что по полной программе будет разбираться с лицами, защищающими «двойного» преступника.

Упомянутое ходатайство требовалось утвердить «на самом верху», а посему Алексей временно продолжал службу. Ночевали они с Мариной пока у Евдокии Спиридоновны.

Борис же на работу так и не вышел. Целыми днями валялся на диване, на удивление трезвый, тупо смотря мимо работающего телевизора или — со ступенек веранды — в на редкость безоблачное небо. А потом застрелился в огороде из двустволки, подаренной ему дядькой в честь окончания срочной службы. Курок нажал большим пальцем ноги.

В горлышках двух пластиковых бутылок из-под «бартерного» спирта сотрудники милиции позднее обнаружили аккуратно

скрученные бумажные листы. На первом из них оказалось короткое завещание, заверенное главой сельской администрации и датированное днем накануне суицида. Второй — записка следующего содержания: «Прошу в смерти моей никого не винить. Я продал жену за три литра спирта. Нет мне прощения, я это полностью осознал. Дом и все имущество оставляю жене. Никто меня не преследовал, из жизни ухожу добровольно».

Дядька покойного самострельщика рьяно пытался найденное завещание опротестовать. Переселившимся из флигеля в добротное жилье сразу после похорон племянника его вдове и ее любовнику угрожал, требуя уматывать с чужой территории. «И пока по-хорошему, а не то…» Для лучшей понятливости было даже обещано подключить криминал. На защиту законной наследницы решительно встал капитан Богатырев. Завдетсадом тоже в стороне не осталась: районным функционерам на предпринимателя крепко нажаловалась. Словом, желание его противоправное не прокатило.

Спустя полгода счастливая супружеская пара — у Марины к тому времени явственно округлился животик — наследство удачно продала и из станицы уехала. Предположительно на родину Алексея, на тот момент уже уволенного из Вооруженных Сил. Где точно они теперь живут и кем трудятся, история умалчивает. Но хоронила Бориса и все поминки (после погребения, на девять дней и, соответственно, на сорок) организовывала именно его «трехлитровая» жена, как впоследствии окрестили Марину в станице.

2010

ЗА СЛАБУЮ ПОЛОВИНУ

— Товарищи офицеры, у кого есть какие вопросы? — осведомился с трибуны конференц-зала командир Школы младших авиаспециалистов полковник Сергачев, обращаясь к подчиненным.

Этой традиционной фразой он рассчитывал завершить ежесубботнее совещание по подведению итогов недели: вопросов-то в таких случаях, как правило, не возникало. Но на всякое правило когда-то найдется и исключение.

— Разрешите, товарищ полковник?

Из-за стола на «галерке» аудитории поднялся лейтенант-крепыш с суперкороткой стрижкой, характерной для сегодняшних звезд кино и спорта и для командированных в «горячие точки». С так называемого ромбовидного лица с круглыми щеками и слегка прижатыми висками глядели умные серые глаза под прямыми характерными бровями. А твердый, с четкой линией скул подбородок (как принято считать, указующий на решительность характера) и резко очерченные губы не очень-то гармонировали с небольшим курносым носом, придававшим лицу с бледной кожей персикового оттенка наивно-жизнерадостное выражение. Атлетическую фигуру молодого офицера ладно пригнанная форма не только не скрывала — даже подчеркивала.

— Пожалуйста, — произнес, на долю секунды склонив голову набок, командир воинской части: любопытно даже, по какому именно серьезному поводу решил в присутствии множества сослуживцев обратиться к первому лицу ШМАСа один из командиров взводов.

— Лейтенант Киндинов, — представился крепыш, соблюдая субординацию. — У меня вообще-то два вопроса. И оба — к вашему заместителю по учебной части подполковнику Чердакову. Можно?

— Ну, задавайте… Николай Ярославович, это к вам.

— Слушаю… — голосом с хрипотцой отозвался из президиума, сформированного из командирских замов, старший офицер с широким лбом, под которым прятались хитрые глазки, выделялись нос с горбинкой и энергичный широкий рот.

— Заранее извиняюсь, если первый вопрос покажется… м-м-м… неадекватным. Уверяю: второй эту неадекватность быстро разъяснит.

— Да рожай уж, чего там по-пустому рассусоливать, — хмыкнув, поторопил подполковник лейтенанта, а заместитель командира части по воспитательной работе неодобрительно

поморщился, но промолчал — как, впрочем, и сам бровью не поведший командир.

— Товарищ подполковник, скажите, вы знакомы с моей женой?

Несмотря на предупреждение, Киндинов все же присутствующих удивил, и по конференц-залу пронесся тусклый шепоток.

— Не понял… — агрессивно выпятил Чердаков тяжеловесный подбородок, сильно уподобившись сделавшему стойку суслику. — Это что еще за маневры?

— Абсолютно никаких, — мотнул головой лейтенант. — Так вы ответите по существу?

— Признавайтесь, Николай Ярославович, — полушутливо посоветовал-приказал заинтересовавшийся нестандартной ситуацией полковник.

— Допустим, отродясь не видел, — нехотя выдавил «зампоуч». — Даже заочно, на фотографии. И что дальше?

— Тогда почему вы считаете себя вправе безосновательно и прилюдно обзывать мою супругу б…ю и проституткой и прямым текстом приказываете гнать ее на три веселых буквы, если только она приблизится к порогу КПП? Обоснуйте, товарищ подполковник.

Шепоток в зале набирал силу, активность. Командир части звучно шлепнул ладонью по верху полированной трибуны:

— Товарищи офицеры, что за базар? Товарищ подполковник, это что, действительно имело место?

— Никак нет… — тут же отбоярился от нецензурщины зам по учебной части. — А за клевету, товарищ лейтенант, можно ведь и под суд угодить!

— Значит, отрицаете… — Киндинов вздохнул. — В таком случае, товарищ полковник, разрешите подойти поближе к вам и руководству части.

— Зачем?

— Боюсь, иначе не услышите… В смысле, не меня, конечно…

— Ну, подходите… — после едва заметной заминки дал «добро» Сергачев.

Лейтенант решительно прошагал к трибуне и, остановившись в метре против нее, вынул из кармана брюк сотовый телефон.

— Товарищ полковник, товарищи офицеры! Прошу тишины!

Киндинов дважды ткнул по кнопкам продвинутого мобильного аппарата, и все — даже на «галерке» зала — отчетливо услышали низкий, словно его владелец вещал с большого бодуна, легко угадываемый голос Чердакова:

— …меня понял? Повторяю: гони ее прочь, эту б…, эту суку,

эту проститутку! Если только на КПП появится — слышишь?! — тут же на х… ее, нах… и к е…не матери!

И ответствующий «зампоучу» почтительный соглашательский басок:

— Так точно, товарищ подполковник! Все исполним, в лучшем виде! Даже и не сомневайтесь!

Большинство присутствующих сразу распознали во втором собеседнике старшего помощника начальника учебной части капитана Равчука, сидевшего за третьим столом в среднем, управленческом ряду. Многие словно по команде повернули головы в сторону младшего офицера — высокого, стройного, лицом определенно напоминающего Алена Делона в молодости. Оказавшись в перекрестье взглядов, он зябко повел плечами, достал носовой платок и бесшумно высморкался.

Киндинов меж тем выключил режим воспроизведения «сотика» и пояснил:

— Дальнейший разговор моей супруги уже не касался, так что запись я прекратил. Ну так как, товарищ подполковник: кто на кого клевещет?

В конференц-зале повисла обманчивая — похожей она бывает перед ожидаемым боем — тишина, в которой кто-то уронил авторучку, но поднимать с пола ее не торопился. Офицеры прекрасно понимали, что подполковник попался на горячем. Вот только как лейтенант решился на столь глупо-показушный поступок, последствия которого в любом случае обещают ему массу проблем? Никакие перестройки ведь не коснулись незыблемого армейского закона, охватывающего любые стороны «погонной» жизни: ты начальник — я дурак. Причем вдвойне, если сравнивать с «гражданкой».

Обвиняющий так и остался меж президиумом и рядами столов с недоумевающими сослуживцами, замер в строевой стойке, буравя гневным взглядом обвиняемого. Тот же мрачно уставился растерянным взором в раскрытую тетрадь-ежедневник, будто там надеялся отыскать достойный ответ на неудобный, скользкий вопрос. Секунда, другая, третья, пятая…

Напряженное молчание зала решительно прервал командир части.

— Товарищ лейтенант! — начал он не предвещающим ничего хорошего повышенным тоном. — Вы что это мне тут за балаган устроили? Почему нарушаете устав? Порядка подачи жалоб не знаете? Гласности захотелось? Но позвольте: что это за подпольная запись? Откуда она у вас? И вообще: о ком в ней идет речь? Ни имен, ни фамилий…

— Могу все объяснить… — обидчиво вздернул голову

Киндинов.

— Не мне и не здесь! — резко отверг предложение лейтенанта Сергачев. — Или вы, может, всерьез рассчитываете, что у командира части только и дел, как в мелкие бытовые дрязги любого взводного вникать? Да еще и в присутствии всего личного состава офицеров! Заместитель по воспитательной работе!

— Я! — без энтузиазма тяжело поднялся со своего места до безобразия тучный подполковник Анюшкин.

— Сегодня же лично разобраться в ситуации и доложить! А на ближайших командирских занятиях освежить главу Дисциплинарного устава «О предложениях, заявлениях и жалобах»!

— Есть!

— Это же надо додуматься, — не успокаивался начальник, — с телефоном вылезти! на служебном совещании! Детский сад, твою дивизию мать! Все! Окончен бал! Свободны!

— Товарищи офицеры! — браво выкрикнул помощник командира части по строевой, и все присутствующие привычно вскочили на ноги, застыв в положении «смирно».

— Вольно! — вполголоса скомандовал Сергачев.

— Подполковник Булак! — сразу же окликнул командира второго батальона Анюшкин. — После утреннего развода немедленно с лейтенантом Киндиновым и командиром роты в мой кабинет!

— Ясно… — с кислой миной отозвался комбат и повернулся к непосредственному начальнику правдолюбивого лейтенанта, майору Пекарину, укладывающему в «дипломат» ежедневник. — Ротный! Слыхал?

— Так точно, будем…

— Он у тебя давно с таким большим приветом? — намеренно проигнорировал Булак самого виновника коллективного вызова «на ковер», застегивавшего кожаную папку на молнии. — Додуматься записывать разговоры руководящего состава части! Уму непостижимо! Да по какому праву?!

— Раньше столь дурной инициативы не наблюдалось, — пасмурно буркнул майор. — И ведь мне ни словечка… Как говорится, ума палата, да ключ потерян. Странно: ведь вполне адекватный был офицер.

— Вот именно: был!!! — уточнил, как утвердил командир батальона. — А скорее — никогда им и не был! Только единственный на всю часть «пиджак» и мог на такое сподобиться! Тот же, кто сам на плечах курсантские погоны носил, никогда — слышишь — ни-ког-да! Даже и в мыслях! Тьфу! Позор! Не удивлюсь, если с тобой настоящие офицеры завтра здороваться

перестанут!

Булак бросил на виновника набирающей обороты конфликтной ситуации гневно-презрительный взгляд и заспешил к двери. А более сдержанный Пекарин обратился к тому же Киндинову:

— Ты пословицу «язык мой — враг мой» знаешь?

— Конечно, — кивнул насупленный лейтенант. — И… что с того?

— Пошли-пошли, — заторопил ротный, уже на ходу толкуя дальше: — Так у нее ведь еще продолжение имеется. В курсе?

— Да нет…

— Прежде ума рыщет, беды ищет, — дополнил комроты, слывущий в части — редчайший, уникальный случай! — знатоком пословиц с назидательным смыслом.

— Ага… Вот Чердакову вперед меня это и надо было сказать.

— Ты о том не волнуйся, — успокоил подчиненного, шагающего рядом по коридору учебного корпуса, майор. — Командир ему, в свой черед, все-о разобъяснит. И даже без имен и фамилий. Только ты лучше бы теперь о себе поразмыслил, борец хренов за пустую справедливость.

— А чего? — набычился Киндинов. — Разве я свою правоту не доказал?

— Не думаю. Неужели не видел, как Чердаков с Равчуком чуть не в обнимку из зала выходили? Рука руку моет, да обе свербят. Сейчас они диспозицию оперативно обговорят — и станешь в итоге бедным. Заодно и мне перепадет по твоей дурьей милости.

— Значит, по-вашему, я должен был молча оскорбление супруги в себе переварить? — нервно и отрывисто уточнил лейтенант, выходя из учкорпуса на центральный плац и розовея персиковым лицом.

— А кому сейчас легко? Тем более, она-то ведь его лично не слыхала. Так? Значит, и хвост петушить резона не наблюдалось. Хэх! Впрочем, довольно демагогии! Бегом в строй!

Через минуту на большом плацу, где поротно и повзводно (отдельной колонной офицеры и прапорщики управления) застыли едва ли не тысяча военнослужащих, раздалась команда:

— Часть, рррравняйсь! Смирно! — и оркестр грянул «встречный марш».

* * *

А пока в «учебке» идет утренний развод, есть время заглянуть

в биографии главных героев нашего повествования.

Лейтенант Марат Киндинов. Год с небольшим назад с отличием окончил Московский университет нефти и газа имени И. М. Губкина. Базовый факультет, специальность — бурение нефтяных и газовых скважин. Еще в середине последнего курса студентом, уже имеющим в активе несколько блестящих, восхищающих неординарностью научных работ, всерьез заинтересовался начальник военного секретного НИИ. Экспериментальный элитный институт разрабатывал перспективные сорта ракетного топлива и горючего для военной техники. Генерал обещал Марату золотые горы и скорейшую защиту кандидатской диссертации, — стоит лишь надеть на плечи офицерские погоны. Возможность для этого имелась: престижный вуз военную кафедру сохранил.

Получив университетский диплом и звание лейтенанта запаса, выпускник вуза решение связать судьбу с армией принял не сразу. А поначалу съездил на родину, где и провел последние каникулы, детально обсудив с родителями предлагаемый ему вариант трудоустройства. Уже ближе к концу июля созвонился с генералом, дав согласие на службу. И вскоре направил стопы в райвоенкомат, где подал рапорт об аттестации в армейской системе. К нему приложил привезенное из столицы — пришлось туда лишний раз прокатиться — отношение о предоставлении ему должности именно в упомянутом НИИ. Получил направление на военно-врачебную комиссию, обследовавшую молодого специалиста на предмет годности к военной службе. С медициной проблем не возникло, и в военкомате с завидной быстротой оформили личное дело, переслав его в секретное учреждение, где к концу сентября со вчерашним студентом был заключен трехгодичный контракт на военную службу.

Ужасный поворот судьбы: едва успел новоиспеченный лейтенант проработать в НИИ полтора месяца, как генерал скоропостижно скончался от обширного инфаркта: прямо в ходе рабочего совещания. Новый же руководитель — бывший зам покойного — спал и видел на должности Марата своего зятя. И хотя тот звезд с неба в науках никогда не хватал, короткая кадровая борьба тем не менее завершилась вручением Киндинову предписания, повелевающего «убыть для дальнейшего прохождения службы» к новому месту. На капитанскую, только теоретически равнозначную прежней, должность преподавателя — командира учебного взвода в ШМАСе, дислоцирующемся отнюдь не в столице. Офицер поначалу даже вовсе хотел разорвать контракт. Впрочем, поразмыслив и учтя трудности грядущего трудоустройства на «гражданке», с увольнением решил

пока повременить и убыл в периферийный областной центр.

Малопрестижную службу взводного Киндинов «тащил» добросовестно. Теоретические занятия с солдатами — будущими лаборантами ГСМ на военных аэродромах в целом вел грамотно. Но, несмотря на почти энциклопедические познания в нефтегазовой области, преподавательского опыта ему еще предстояло много добирать. Да и как строевик он, понятно, смотрелся пока весьма посредственно. Чего вовсе нельзя было сказать о физической подготовке Марата: в школе он серьезно увлекался снарядовой гимнастикой, к выпуску выполнив норматив кандидата в мастера спорта. В вузе же на первых курсах разрывался меж тренировками и занятиями научной работой, но в итоге ради последней с гимнастикой с сожалением «завязал».

По приезде в часть, в незнакомый город, лейтенант-холостяк вечерами вновь стал регулярно наведываться в спортивный зал, тем более что он в ШМАСе оказался оборудован профессионально. Особенно силен Киндинов был на перекладине, где без видимых усилий крутил «солнышко», и даже с перехватом рук, а завершал зрелищное упражнение эффектным соскоком с сальто.

Однако с недавних пор он свои тренировки заметно сократил — когда возвратился из календарного отпуска, опять же проведенного в родных пенатах, с молодой женой, очаровательной блондинкой в стиле Мэрилин Монро. Избранница только что окончила вуз, но с дипломом технолога по машинам и аппаратам пищевых производств пока домохозяйничала: работы по профилю, увы, не предвиделось.

Что касается заместителя командира части — начальника учебной части, то Чердаков два месяца назад прибыл в ШМАС еще с майорскими погонами на плечах с должности начальника штаба ОБАТО — отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения: на повышение. И, конечно, мало что смыслил в учебных занятиях по оборудованию складов горюче-смазочных материалов, применению ГСМ, анализу ГСМ… Вот Общевоинские уставы — это знакомый коленкор, тут можно и шашкой помахать! Особенно в части знания УГ и КС (Устава гарнизонной и караульной службы). А про методику и прочие теоретические учебные премудрости «учебки» Николай Ярославович даже и малейшего понятия не имел. Что самое прискорбное — овладевать всем этим он явно не торопился. В конце концов, не ему же лично будущих младших авиаспециалистов конкретно готовить, он — бери выше! — руководитель, контролирующее звено! А других проверять всегда и куда проще. Тем паче, чувствуя за спиной мощную родственную поддержку — попробуй

без нее, за счет только личных морально-деловых качеств, к тридцати трем годам и уже на подполковничью должность пробиться!

Не успел «зампоуч» толком оглядеться, в какую струю он попал, как часть с помпой отметила пятидесятилетие «папы» — полковника Сергачева. Завершал праздник роскошный банкет в лучшем ресторане города. На правах первого командирского зама к кругу избранных (функционеры из администрации области, директора предприятий, военком, начальник УВД и даже архиепископ — юбиляр слыл дипломатом и умел строить добрые отношения с любым власть имущим лицом) был приобщен и майор Чердаков. Но место ему выделили на самом дальнем конце стола и не предоставили слова для тоста, а ведь офицер специально заготовил солидный спич на бумажке и даже перед зеркалом в поте лица усердно репетировал!

Отчасти от обиды, отчасти от обилия спиртных напитков на богатом столе Николай Ярославович злоупотребил ими. В ресторан же после рабочего дня прибыл в форме.

А по завершении банкета приключился ужасный казус…

Отметим, что в городе, помимо ШМАСа, имелось два военных училища: связи, а также летчиков и штурманов ПВО, личный состав которых друг друга изрядно недолюбливал. На беду Чердакова, в тот день в городе за порядком по армейской линии надзирали связисты, и душевно набравшийся майор, трудно вышагивавший к стоянке такси, нарвался возле нее на возглавлявшего комендантский патруль полковника-краснопогонника. Вид пьяненького расхристанного офицера с голубыми просветами наплечных знаков различия немедленно привел «надзирателя» в ярость. «Голубой», в свою очередь, недовольный внеплановой встречей, загнул в полковничий адрес «дифирамб» по матушке этажей на пять. И в итоге — уникальный для старшего офицера случай! — он вскоре очутился в гарнизонной комендатуре, на гауптвахте.

Выручал своего нового зама весьма раздосадованный этаким финалом личномасштабного праздника сам юбиляр.

История получила мгновенную и широкую огласку. Как по этому поводу выразился комроты Пекарин, «пьяному море по колено, а лужа — по уши. Но вот „чердак в пьяной луже“ — это весьма, весьма оригинально».

А на следующие сутки в часть секретной почтой пришла выписка из приказа командующего войсками военного округа: о присвоении охвостившемуся майору звания подполковника.

В ШМАСе немедленно родился анекдот. «Что нужно сделать для получения очередного воинского звания? Нажраться до

потери пульса на халяву в кабаке, попасться на глаза комендантскому патрулю, отсидеть ночь на гарнизонной „губе“ — и готовься назавтра принимать поздравления».

Уважения и популярности случай этот Николаю Ярославовичу отнюдь не прибавил. А тут теперь еще и с телефонной записью непонятка. Хотя что уж тут особо было и понимать…

В кабинете заместителя командира части по воспитательной работе сам утробистый подполковник Анюшкин восседал в старинном, чуть ли не дореволюционном кресле и за широченным столом с полуэллипсным вырезом в крышке — для удобства размещения раздавшегося вширь живота. Комбат и ротный довольствовались местами за скромным приставным столиком. Лейтенант Киндинов стоял в торце мебельной буквы «Т».

— Рассказывайте, — повелел главный воспитатель, жадно выхлебав полстакана минералки и вытерев пот с одутловатого лица и складок шеи.

— Как, значит, было дело… — начал молодой офицер. — Узнал я случайно, что в учебную часть компьютерщица требуется. Расписание занятий набирать, планы, другие всякие документы. Прежняя-то сотрудница в «декрет» ушла. Я и пошел… кажется, в среду… да, именно, сразу после развода, к капитану Равчуку. Предложил на это место свою жену. Пусть хотя бы временно. А то ей уже осточертело целыми днями одной на съемной квартире сидеть. Ну и какой-никакой приварок в семейный бюджет. К слову, компьютерщица из нее неплохая — чуть не с первого класса технику эту освоила и набирает быстро. Равчук меня выслушал. Говорит: ладно, я только со своим непосредственным начальником посоветуюсь, потому что решать все равно ему. И как раз он же за командира части остался. Сергачев-то тогда в командировку, в округ уезжал. Выхожу я, значит, обнадеженный из кабинета и в дверях чуть не сталкиваюсь с подполковником Чердаковым. Зачем-то он самолично в учебный корпус прибыл. Ну, я отдал честь, вышел в коридор, а дверь в кабинет по случаю жаркой погоды открыта. Под ней и остановился: послушать, что по моей семейной проблеме скажут; вдруг да сразу «добро» дадут.

— Не послушать, а подслушать! — зло перебил комбат.

— Пусть будет так, не отрицаю… Но ведь грех-то небольшой?

— Еще бы ты только посмел отрицать! А сам поступок такой офицерскую форму чернит!

— Об этом позднее поговорим, — прервал хлесткие комментарии Булака Анюшкин. — Продолжайте, товарищ лейтенант.

— Есть… Телефон я тогда вынул и на беззвучный режим перевел, чтобы не запалиться. Ну, вы понимаете… Равчук сразу про мою жену вопрос засветил, а подполковник Чердаков ка-ак взорвется! И давай орать: да на кой ляд она нам нужна, и гнать такую-сякую в три шеи, и все перемежает густым матом… Я пока опомнился, он уже ей столько бранных ярлыков навесил!

— Ты, может, скажешь, что за год службы у нас никогда нецензурщины не слыхал? — уже с явным сарказмом поинтересовался комбат. — Рабочий момент, для связки слов…

— Если это лично меня касается — здесь без проблем, — уточнил лейтенант. — Соображаю, не маленький. Но жена-то тут при чем? Он ведь ее знать не знал, видеть не видел — и вот так моментально охаять? Да лет сто назад за подобное оскорбление… офицер офицера однозначно на дуэль вызывал! Если сам не тряпка, конечно. Кровью бранные слова смывались!

— Давайте не путать царскую армию и день сегодняшний, — возразил зам по воспитательной. — Лучше ответьте: вы запись с какой целью сделали?

— Да наперед знал, что Чердаков моментом от своих слов открестится: по человеку сразу видно. И чем бы я тогда свои претензии подтвердил? А телефон как раз под руку подвернулся. Начало диалога, правда, отсутствует, но и остальное, согласитесь, уже весьма красноречиво…

— Почему в таком случае непосредственному начальнику об инциденте не доложили, через его и мою головы полезли? — неприязненно спросил Булак.

— Смысл? — вопросом на вопрос ответил Киндинов. — Разве командир роты, да и вы, в общем-то, можете как-то повлиять на заместителя командира части? «Товарищ подполковник, как вам не ай-яй-яй, за что жену лейтенанта обидели? Он, бедный, плачет!» Навряд бы Чердаков пошел меня успокаивать.

— Тогда следовало бы самому к нему на прием записаться, — менторски посоветовал хозяин кабинета.

— Ага. Еще лучше, — не согласился комвзвода. — Уж меня бы он похлеще, чем мою жену, обгавкал.

— Вы выражения выбирайте, товарищ лейтенант! — насупился Анюшкин.

— Ага, конечно. Вот только подполковник Чердаков совсем к этому не стремился. Или, напротив, чересчур в выборе переусердствовал.

— Неуместная ирония, — осуждающе поджал губы зам по воспитательной. Еще налил минералки, выпил. Аккуратно промокнул платочком пухлые губы. Зевнул, прикрывая крупный рот жирной ладонью… — Кстати, у нас на КПП объявление висит,

аршинными буквами писано: «На территории воинской части видео- и аудиозапись строго запрещены». Припомнили? Указание распространяется на всех, а не только, допустим, каких-то наших гостей. Так что формально ваша запись подпадает под нарушение режима секретности переговоров, и в этом плане вами на будущее вполне может заинтересоваться военная прокуратура. Впрочем… — и замолчал, похоже, считая исчерпанной тему разбирательства.

Но через несколько секунд обратился к ротному:

— А что, собственно, вы отмалчиваетесь? Ваш же подчиненный, мягко выражаясь, громко начудил. Вот только по глупости или с умыслом подрыва единоначалия? Тогда это дело уже будет политическое.

— Я его ни в коей мере не оправдываю, — кивнул майор на лейтенанта. — Однако, товарищ подполковник, — насчет единоначалия… Может, не стоит так резко сразу? Мы же запись все слышали: и голоса там узнаваемы, и суть разговора… согласитесь, тоже офицерскую форму не красит.

— К чему вы клоните? — вперил подозрительный взгляд в Пекарина Анюшкин.

— Да к тому, что все это хоть и кругом некрасиво, но по большому счету выеденного яйца не стоит. Издревле говорилось: кто ругается, под тем конь спотыкается, однако и с нагольной правдой в люди не кажись. — И один неправ, но ведь и другой… Возможно, вкупе перекрестить и забыть? Кстати, Марат, а ты с Равчуком-то во второй раз на тему трудоустройства жены не разговаривал?

— Не-ет. Какой смысл? Он своим «все исполним, в лучшем виде» уже больше достаточного сказал.

— Ну, ты прямо как мальчишка! — обескураженно развел ротный руками. — Такой его ответ как раз очень понятен. Подполковник Чердаков — его непосредственный начальник, а капитану скоро майора получать срок подходит. Тем более, он никак не рассчитывал, что ты с телефоном за дверью притаился… Я сейчас о другом. Он случайно сам к тебе не подходил, в корректной форме от вакантного места не отказывал?

— Никак нет.

— Понятно… У меня все, товарищ подполковник.

— Сомнительная миротворческая позиция у вас, товарищ майор. Так. Пока все свободны. — И, не дожидаясь ухода офицеров, зам по воспитательной тут же поднял телефонную трубку. — Равчук? Подполковник Анюшкин. Товарищ капитан, приказываю срочно прибыть ко мне…

На этом в тот день «разбор полетов» по устной,

«неправильной» жалобе лейтенанта лично для него завершился…

* * *

Комвзвода прождал три дня. За это время никто из руководства части его персоной больше не поинтересовался, а сослуживцы хотя и не перестали здороваться, но комментировать гласный выпад против «зампоуча» тоже избегали. Наконец лейтенант сам обратился к командиру роты с вопросом: когда же подполковник Анюшкин доразберется в ситуации со словесным оскорблением и умалением чести и достоинства его супруги?

— Послушай, правдолюб — душа нагишом, — осуждающе покачал головой Пекарин. — Ты все никак не уймешься? Неужели очевидного не понял: ну не будет никто больше этим пустопорожним делом заниматься и в угоду тебе копья ломать. В ступе воду толочь — вода и будет! Комбат совершенно правильно сказал: для связки слов, рабочий момент. Сидел бы вон лучше да радовался, что с минимальными потерями из ситуации выкарабкались. Хотя… Рановато веселиться; еще сам Чердаков свое слово, опасаюсь, выразит.

— Так, значит? — обиженно сжал кулаки и весь напрягся Киндинов. — Выходит, мою жену, с которой я еще с младших классов дружил и которая для меня лучшая в мире женщина и ни с кем не сравнима, любой и каждый ни за понюх табаку оскорбить может? И послать на три буквы? А мне воспринимать все это как «рабочий момент»? Не-ет! Тогда я официальную жалобу подам! Письменную!

— Твое право, — неохотно кивнул рассудительный ротный. — По Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил РФ, таковая заявляется непосредственному начальнику лица, действия которого обжалуются. В настоящем случае, стало быть, командиру части. Хотя теоретически можешь еще в суд обратиться или в военную прокуратуру. Но повод мелковат, по-любому командиру же и завернут. Еще и с соответствующим комментарием. — Вздохнул и продолжил:

— Однако же и ему официально писать — всеми фибрами не советую. Больших приключений на все подразделение накликать можно. И в итоге поимеем чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда. Повод же, повторяюсь, ну явно неважнецкий.

— Тогда какой повод в схожей для армии «ругательной» ситуации, по-вашему, мог бы быть важнецким? Ну хотя бы один пример…

Подчиненный думал, что таким вот лобовым вопросом

поставит начальника в тупик, только ошибся.

— Пример, говоришь, — не раздумывая, отозвался майор. — Их есть у меня… Ты в комнате истории части портрет подполковника Кущева видел?

— Конечно. Настоящий герой! Еще бы: три боевых ордена!

— А что он при таких наградах соседней ротой так до конца службы майором и прокомандовал, звание же подполковника получил одновременно с увольнением в запас, знаешь? И что портрет этот — фотомонтаж?

— Как это? — не понял Киндинов.

— Очень просто. Изначально боевой офицер снимался в майорских погонах, в «парадке» для личного дела. Подполковничьи же ему много лет спустя, скопировав старый снимок, при помощи фотошопа на новом дорисовали.

— Для чего?

— Поскольку Кущев ну никак не хотел их на китель пришивать. Да и вообще после увольнения форму не надевал. Никог-да. Я теперь — говорил — отрезанный ломоть, военный пенсионер и носить гражданский костюм буду. И действительно, на всякие торжества, юбилеи части в шикарной серой тройке приходил. Правда, с орденами. Тебе интересно, что за этим кроется?

— Вообще-то да.

— Тогда слушай. В свое время Кущев закончил Качинское авиаучилище — старейшее из летных в России, оно еще царских офицеров готовило. Распределился в наш округ, лет пять отслужил, был уже капитаном, командиром звена. И орден Красной Звезды имел, за освоение новой техники. Переучился — жизнь так распорядилась — из летчика-истребителя на штурмовика. Согласись, не каждому дано и не каждому за то такую награду дают. Ведь с редкостной самоотдачей летал! Да как! Сослуживцы шутили: он будто в самолетной кабине родился…

И вот в семьдесят втором руководство части решает направить его во Вьетнам — там война с США уже лет семь шла. Лучших из лучших летчиков с интернациональной помощью туда посылали. Как водится, вызвали на беседу к руководству. Офицер и говорит комполка: «Понимаете, у меня отец с последней стадией рака лежит, месяца два, от силы три ему жить осталось. А из Вьетнама я на похороны ни при каких обстоятельствах не попаду. Туда даже телеграмму-то отправить проблематично: лишь через спутник. Так что нельзя ли как-то с отъездом повременить? Схороню батю — тогда хоть сразу после поминок убыть готов».

Полковник в ситуацию вник. «Коли так, — успокаивает, — я с

начальником управления кадров округа насчет замены перетолкую…» И на следующий день снова Кущева в кабинет требует. «Гневается, — говорит, — генерал, приказал, чтобы именно ты ехал, и даже слушать не желает про отца. Все понимаю, но выше головы не прыгнешь… Ну хочешь, — предлагает, — прямо сейчас, в твоем присутствии, еще раз ему позвоню?» — «Звоните…»

Командир громкую связь включил — чтобы подчиненный сам услышал, что именно генерал отвечать будет. Он и изрек на повышенных тонах: «Меня его отец не е…т! Это что еще за „обсасывание“ приказа? Орденоносец хренов! Небось уже полные штаны от страха наложил, а на немощного старика валит! Не хочет ехать — в момент сдерем погоны, пинка под зад — и пошел нах…! И ты знаешь: я своих решений не меняю!»

Кущев выслушал этакую угрожающе-матерную тираду молча — лишь зубы стиснул да глаза сузил. И пошел готовиться к заграничной командировке.

Много чего он там повидал и очень много летал. На так называемой «сушке», «Су-17», истребителе-бомбардировщике. Это был первый советский самолет с крылом изменяемой геометрии. Долгожитель: лет тридцать у нас на вооружении стоял.

Ладно… Значит, однажды Кущев, возглавляя звено штурмовиков, с разворота ринулся в атаку на указанный объект. Едва успел отбомбиться, как почувствовал, что самолет со страшной силой вправо тянет. Нет, конечно, он понимал, что противник внизу встретит их огневым заслоном. Но что произошло с техникой? Ведь не горит… Ему едва удалось выровнять самолет. Только после этого бросил взгляд на правое крыло. И увидел… Беспрецедентный случай. На один из пилонов… В курсе, что это?

— Нет, — быстро ответил Марат, захваченный рассказом ротного.

— Это опорная стойка, жестко крепящаяся к крылу, а уж на ней самой подвешиваются либо бомбы, либо блоки с реактивными снарядами типа «воздух-воздух», либо дополнительный топливный бак. Вот сорвавшийся с креплений такой бак на пилон и насадился — как кусок мяса на шампур, стоймя, отчего и возник мощный разворачивающий момент.

Как удалось Кущеву дотянуть до аэродрома — то настоящее чудо. Что руки, что ноги — от постоянного напряжения почти онемели. Из последних сил занял глиссаду снижения… И посадил, спас раненую машину! Потом уже выяснилось — уникальный вариант! — что пули крупнокалиберного пулемета ДШК сорвали бак с креплений и он на долю секунды опередил

сам штурмовик, еще и повернувшись в воздухе, а затем от удара о пилон на него наделся.

За личное мужество и сохранение дорогостоящей боевой техники позднее Кущев — к тому времени уже майор — был награжден орденом Красного Знамени.

Когда же до конца двухлетней командировки оставалось три с половиной месяца, при очередном боевом вылете был ранен сам. На этот раз прицельная очередь снизу угодила в фонарь кабины и разнесла ее плексиглас на куски. Осколками пилоту сильно посекло лицо, причем задело зрительный нерв. Из-за разгерметизации кабины и резкого перепада давления оказались повреждены и барабанные перепонки. С окровавленной головой, полуслепой и наполовину глухой, Кущев, опять-таки невероятной концентрацией сил, сумел вернуться на аэродром, откуда его немедленно препроводили в госпиталь.

Вторую Красную Звезду ему вручали перед самой выпиской. Однако радость получения очередной боевой награды была омрачена окончательным врачебным приговором: при значительном уменьшении порога слуха и ухудшении зрения к летной работе майор был уже по здоровью непригоден…

Трижды орденоносца, возвратившегося из забугорной командировки и излечения в строй, по прибытии в штаб военного округа затребовал к себе тот самый кадровый генерал, в свое время категорически отказавшийся пойти Кущеву навстречу. Улыбался, радушно похлопывал по плечу, обещал направить в военно-воздушную академию, в Монино, и в обозримом будущем — очередное воинское звание.

Прибывший же сначала мрачно отмалчивался, но, услышав вопрос, живы ли у него родители, не сдержался и под влиянием момента резко ответил: «Мать — да, а вот отца, лично по вашей милости, даже в последний путь проводить не смог». — «Не понял!» — действительно не понял большой начальник или только сделал вид.

Тогда Кущев почти дословно напомнил содержание давнего телефонного разговора, намертво врезавшегося в память, лишь заменив нецензурщину более мягкими выражениями. Генерал нахмурился. — «Ну и что ты этим хочешь сейчас сказать? Умный чересчур или как?» — «Да то-самое! — переклинило тут прошедшего крым и рым майора. — Тогда ты меня на три веселых буквы послал, еще и в трусости обвинив попутно, а теперь вот иди на х… сам!» — «Ну, ты у меня до конца жизни об этих словах жалеть будешь! — завопил главный кадровик округа так, что, наверное, не только в приемной, но и в коридоре услышали. — Шиш тебе, а не в академию! К черту на кулички поедешь на всю

оставшуюся жизнь и будешь там гнить заживо!»

Сказано — сделано. Так Кущев прошел огонь, воду и медные трубы, да попал к черту в зубы, в итоге оказавшись на должности командира учебной роты в нашем ШМАСе. Где мертво и просидел до самого увольнения в запас почти пятнадцать лет. Командир дважды его на комбата пытался выдвигать — сначала еще при действующем «обиженном» генерале, а потом и позднее, когда тот уже на пенсион свалил. Только в обоих случаях не проканало: видимо, главный кадровик по наследству своему преемнику фамилию Кущева сдал — для внесения в тайный список невыдвиженцев по негативу. И лишь когда майору самому срок «дембеляться» подошел, тогдашний командир и начальник политотдела — раньше он вместо зама по воспитательной был, и эта должность по всем канонам считалась круче — к начальнику Политуправления округа на прием записались и ему эту историю в деталях поведали. После чего наконец-то свыше две звезды, как кость собаке, орденоносцу кинули. А он их уже и не принял…

— Он, Кущев-то, живой еще сейчас? — тихо спросил Марат.

— Лет десять уж, как преставился, — печально вздохнул ротный. — Геморрагический инсульт в стволе мозга. Через сутки в больнице кончился, не приходя в сознание. Такое не лечится. Хэх! Жизнь — копейка… — И, помолчав, удовлетворенно прибавил: — Достойные похороны были. Внушительные. Даже несколько ветеранов — из тех, с кем покойный раньше служил, и во Вьетнаме тоже, издалека прилетали…

— А хоронили его в погонах подполковника или майорских? — против воли вырвалось у Киндинова.

— И вовсе не угадал, — хмыкнул Пекарин. — В той самой парадной серой тройке в землю-матушку и опустили.

— А я вроде слыхал, что ветеранов исключительно в форме…

— Такого закона официального нет. Кущев же, оказывается, жене и сыну предусмотрительно указал: в случае невыхода из пике обряжать его только в «гражданку». Как на поминках выяснилось, всю военную амуницию по увольнении в запас он сразу на даче спалил…

— Тем не менее, вы говорили, на праздники в части он появлялся?

— Да, приходил. Только редко и уже под конец жизни. Полагаю, хотел, да не сумел себя разом от прошлого с незаживающей раной отсечь. Хотя весь первый пенсионный год почти безвылазно на даче просидел. Он вообще-то из какой-то черноземной глубинки и к земле был сильно неравнодушен. Незадолго до инсульта такой собственной клубникой нас, нескольких молодых офицеров, угощал — чуть ли не со среднюю

картофелину…

Пекарин опять помолчал, потом подытожил:

— Суди теперь сам, насколько его повод конфликтовать с начальством, так сказать, более важнецким был. Да, Чердаков, конечно, не генерал-майор, но и ты сам не майор и трижды орденоносец. А ведь даже ему из-за нескольких запальчивых слов тут же карьеру на корню сломали. Причем несмотря на все предыдущие героические заслуги. И на всю оставшуюся службу. Так что и как командир, и как просто повидавший уже кое-чего в нашей армейской системе, откровенно советую: впредь серьезно подумай: весовые категории у вас с «зампоучем» сильно разнятся…

* * *

Увы: Киндинов многомудрому совету не внял. И на следующий день, после завершения учебных занятий, когда солдаты и сержанты подразделения отправились на ужин, а командиры взводов и оба заместителя командира роты уже разошлись по домам, постучался в канцелярию, где Пекарин заканчивал оформлять последнюю на сегодня официальную бумагу.

— Разрешите, товарищ майор?

— Ну заходи, присаживайся. Я тебе говорил: наедине можешь и по имени-отчеству. Так что нынче за проблема? Надеюсь, уже не про ту ругательную телефонную запись?

— Извините, Виталий Тимофеевич, но я долго думал… И в итоге все-таки решил подать на имя Сергачева официальную жалобу. Ну, вы понимаете…

— Не понимаю! — резко оборвал его ротный и в сердцах швырнул на стол авторучку «Senator» с массивным металлическим корпусом. — То есть я хорошо уяснил, что для тебя супруга — самый дорогой и близкий человек, что, впрочем, в идеале природой людской и определено. Только разве стоит оно того: из-за каких-то нескольких дурных слов в ее адрес, сказанных недалеким человеком и даже не в твоем присутствии, целое подразделение под огонь подставлять! Хэх! А я-то считал, что мы с тобой вчера этот вопрос окончательно закрыли…

— Еще раз прошу прощения, Виталий Тимофеевич, но… Это дело принципа.

— Так. — Майор шумно вздохнул и за блестящий пластиковый верх притянул к себе по столу отброшенную авторучку. — Ну и от меня, собственно, что хочешь,

принципиальный ты наш?

— Прочтите текст жалобы.

— А ради чего, позволь поинтересоваться?

— Вы же все-таки мой непосредственный начальник. Наверное, вам внизу и расписаться надо: ознакомлен, значит, и все такое прочее.

— Какое? Вот уж истинно «пиджак»: по горючему и смазочным материалам знаешь, наверное, раза в три больше меня и комбата, вместе взятых, а того не понимаешь, что жалоба — вовсе не рапорт. Составляется в достаточно свободном стиле, промежуточных виз не требует. Препятствовать ее подаче запрещено, наказывать самого заявителя либо — не приведи господь — как-то его ущемлять по службе, преследовать тоже противозаконно. Хотя на практике случается. И даже нередко — в нашей системе под это законную базу проще пареной репы подвести. Учти! Да, не вздумай — если, конечно, не передумаешь — со своими письменными претензиями напрямую к командиру соваться: пойдешь в строевую часть, там специальная книга имеется. Отдашь бумагу начстрою — он ее зарегистрирует и уже тогда, соответственно, Сергачеву на рассмотрение передаст.

— И… долго потом результата ждать?

— Недолго. Рассмотреть полученную жалобу или заявление в частях положено в трехдневный срок. Ну а решение по ним после этого принять — как правило, безотлагательно, но не позднее семи суток со дня поступления. Ясно, мой бедный Марат?

— Вроде бы да… Вот только почему «бедный»?

Пекарин дважды щелкнул кнопкой нажимного колпачка «Senator'a», полюбовался — вроде бы впервые увидел его — двухцветным, с тампопечатью логотипом. Потом спросил:

— Из сотни людей девяносто семь, приобретая новую авторучку, первым делом изобразят… Как думаешь, что?

— Предполагаю, свое имя, — рискнул угадать лейтенант.

— Точно. А «Мой бедный Марат» — это одна из лучших пьес Алексея Арбузова — непревзойденного мастера по изяществу интриги в любом, самом что ни на есть бытовом сюжете. Написана еще в середине шестидесятых, на сцене — и по сей день. Как понимаю, не видел? Жаль. В ней у главного героя — твоего тезки — жизнь слагается сплошь из ошибок и компромиссов. Ладно, давай сюда твое нетленное творение. Итак, что мы нынче имеем:

Командиру в/ч №…….

полковнику Сергачеву А. К.

ЖАЛОБА

Прошу Вас разобраться в ситуации со словесным оскорблением моей супруги Киндиновой Т. Е. вашим заместителем по учебной части — начальником учебной части подполковником Чердаковым Н. Я. 3 сентября сего года подполковник Чердаков, находясь в кабинете старшего помощника начальника учебной части капитана Равчука В. П., в разговоре с последним о возможности приема моей супруги на вакантную должность компьютерщицы учебной части допустил в ее адрес ряд нецензурных высказываний. Запись разговора Чердакова и Равчука, осуществленную при помощи мобильного телефона, прилагаю (на лазерном диске).

Преподаватель — командир учебного взвода лейтенант (подпись) Киндинов М. Б.

лейтенант (подпись) Киндинов М. Б.

10 сентября 2010

— По сути-то оно верно, — отложив лист, заключил ротный. — Только последний раз предупреждаю: в здоровом теле здоровый дух редко встречается. Надеюсь, подоплеку понял?

— Думаю, да, — кивнул «мой бедный Марат».

— Вот и подумай еще. Не грех…

Однако лейтенант назавтра же переправил жалобу в строевую часть. Начальник позволил себе короткое замечание в адрес ее автора:

— Глупо и чревато…

— К стенке за это не поставят, — попытался отшутиться Киндинов. — А с волками жить… Ну, дальше вы и сами в курсе.

— Естевственно… — усмехнулся начстрой, умышленно переврав слово, но сразу же посерьезнел. — Пойми: толку от твоего обращения будет, как с козла молока, но вреда, однако, много, и какого! Так, может, нет смысла головой об стенку-то биться?

— За свою слабую половину — всегда готов! — прозвучал твердый ответ.

— Ну-ну… Тогда дерзай. А жизнь отрезюмирует, — подытожил начстрой.

Уже через сутки, посреди рабочего дня, молодой офицер был вызван в штаб, где тот же начстрой официально вручил ему краткий командирский ответ. По сути, незамаскированную отписку: «Факты, изложенные в Вашей жалобе, в ходе ее рассмотрения подтверждений не нашли». И далее: «В случае несогласия с принятым решением можете обжаловать его военному прокурору». Словом, бывай здоров, лейтенант, и не кашляй!

— А я тебе о чем все уши прожужжал? — тем же вечером

поучал Марата наедине, в канцелярии, его непосредственный начальник. — Ворон ворону глаз не выклюет. В смысле, командир своему заму. Ну, попенял ему, возможно, тет-а-тет, за ненормативную лексику… Кто из нас, офицеров, в этом плане без греха? На том представлению и занавес.

— Но почему «факты подтверждений не нашли»? — недоумевал Киндинов. — А как же запись приложенная?

— Ну ты и наивный… Хэх! — Ротный что-то прикинул в уме. — Не хотел говорить, да чего уж теперь. Были мы вчера с комбатом у зама по воспитательной. Жалобу твою для разбора командир опять же ему отписывал. Тут ведь ситуация явно нетипичная, ее к статье уголовного кодекса «Оскорбление военнослужащего» — я на всякий случай полюбопытствовал — даже за уши не притянешь. Ругали-то не лично тебя и даже вовсе не при тебе, а некое не установленное записью, которая сама по себе и со всех сторон незаконна, гражданское лицо. Чердаков же и Равчук в своих объяснительных записках, слово в слово, пояснили, будто такой разговор — да, имевший место — касался вовсе не твоей слабой половины, а совершенно иной женщины, на должность компьютерщицы не претендовавшей. И теперь оба яро возмущены: образно говоря, а чье собачье дело, в каких выражениях мы меж собой беседу вели? О ком же конкретно — вопрос к делу абсолютно не относится.

— Однако какая двуличная позиция… — обескураженно произнес комвзвода. — Хитро придумано…

— Хитромудро. Равчук еще дополнил, что якобы в тот же день вы вторично, случайно в учебном корпусе встретились. И капитан, значит, прямо в коридоре тебе быстренько разъяснил указания Чердакова в отношении твоей супруги. Первое — от нее требуется официальное заявление на имя Сергачева для участия в конкурсе на образовавшееся вакантное рабочее место. Второе — ждать, когда на собеседование вызовут. Дальше — по его результатам. И тебе, стало быть, предложенный вариант не по нраву пришелся, ты на нахрап рассчитывал, чтобы жену без конкурса затолкать, вот из вредности и вылез… с записью. Так что боюсь, Марат, как бы с тобой теперь не вышло словно с тем самым утопленником, которому «повезло»: плыл, плыл да на берегу и утонул.

— Да это же форменное вранье! Белыми нитками через край шито! Вот же сволочь этот Равчук! — громко возмутился лейтенант.

— Не шуми. Яблоко от яблони недалеко падает, но далеко катится. Пойми: с бюрократической точки зрения здесь придраться не к чему: кругом шестнадцать с плюсом, а у тебя —

те же кругом шестнадцать, но отрицательные. И клеветой на руководство части в свете всех этих объяснений весьма припахивает.

— А само-то руководство — ну, командир и другие его замы, помимо Чердакова, — искренне в его и Равчука версию верят?

— Уверен, вовсе нет. И прекрасно понимают цену упомянутым объяснительным. Полагаю, они у мно-огих черную зарубку в памяти оставят. И надолго. Только все одно: ты не по правилам высунулся, не всякое лыко в строку. Вот теперь и прикидывай, что день грядущий нам готовит.

— Меньше взвода по-любому не дадут. В самом крайнем случае — что ж, разорву контракт. Вы ведь в курсе, что меня в Москве один большой начальник — мир праху его — золотыми горами в военную жизнь завлек? Ан нынче на периферии маленькой медной кучкой денежного довольствия довольствуюсь — в столице оно вдвое было, — и перспективы весьма туманны: как с жильем, так и с продвижением по службе.

— Ну, сук-то карьерный ты сам себе основательно подрубил.

— Да плевать на такую карьеру! Подумаешь, супермечта: к концу службы до командира батальона дослужиться! Да еще в таком лживом коллективе: серпентарий единомышленников! Все, стало быть, в курсе, что Чердаков нагло врет, а предатель Равчук ему подыгрывает, однако за оскорбление моей супруги мне же военной прокуратурой грозят! И к тому еще клевету приписывают! Как теперь жене в глаза смотреть?

— А ты что, уже и ей успел доложиться? — поморщился Пекарин.

— Нет… пока…

— Ну вот и дальше воздержись. Да не вздумай только к Равчуку с поисками справедливости соваться. Это еще то дерьмо: особого рода, даром что с харизматичной рожей. Помню, он в первом батальоне взводным начинал, так однажды своего командира роты настолько ловко подставил… Ну, детали тебе ни к чему: крепче будешь спать… Словом, скользкий он тип, с душком, а потому — прошу и приказываю: ни языку, ни — особенно! — рукам воли не давать, а то живо небо в клеточку узришь! Для тюрьмы и гроба двери всем открыты. Контракт же разорвать успеешь всегда, только навряд ли на «гражданке» кто-то тебя с распростертыми объятиями сильно ждет. Иначе давно бы туда, где медом намазано, в одночасье свинтил. Или не так?

— Ну… возможно… похоже…

— Тогда на всей этой истории ставим большую жирную точку. Домой, домой, к любимой жене под бочок!

* * *

Однако утвердить «жирную точку» под затянувшейся конфликтной ситуацией теперь воспрепятствовал подполковник Чердаков. С момента завершения рассмотрения жалобы в отношении его персоны прошло уже несколько дней, и вот он внезапно посетил занятия во взводе Киндинова.

Как и было положено в подобных случаях, лейтенант подал команду: «Взвод, смирно!» — и, имитируя строевой шаг, подошел к проверяющему, доложив:

— Товарищ подполковник! На занятиях по применению ГСМ пятьдесят пятый учебный взвод! Тема занятия — «Приемка горючего на склад авиатехнической части железнодорожным транспортом!»

Чердаков дал команду: «Вольно, садитесь!» — и потребовал план занятий.

— А почему это у вас, товарищ лейтенант, на доске одни вопросы, однако в плане расписаны совершенно иные?

— Так это же вопросы предыдущего занятия, — пояснил взводный. — Прежде чем новый материал объяснять, положено опросить по старому, в течение десяти минут. По текущему занятию — вот они, на другой странице.

— Ага… — глубокомысленно произнес заместитель командира по учебной части и уселся за последний стол, забрав себе для просмотра классный журнал.

Сказать, чтобы Киндинов сильно волновался, — так нет. Проверяющие лица занятия посещали достаточно регулярно (в первую очередь, конечно, командир роты и два его зама, но бывал и комбат, а однажды и Сергачев с целой свитой сопровождающих заявился). И все же, и все же…

Закончив опрос, лейтенант начал объяснять новую тему. Подполковник молча листал журнал, усердно строча что-то в своей рабочей тетради. Наконец отложил его и стал прислушиваться к рассказу командира взвода. Сразу было понятно: материалом тот владеет на уровне, излагает его доходчиво, акценты расставляет умело.

Вдруг Чердаков насторожился и прервал Киндинова:

— А вот ответьте: какие сигналы подает тепловоз, когда доставляет на склад цистерны с горючим?

Лейтенант замялся.

— Такой вопрос в курс этой лекции не входит, — наконец произнес он.

— Как так? — возмутился «зампоуч». — Да именно с этого занятие начинать и следует! Интересно: может, кто из бойцов

командира выручит? Ну?

Солдаты безмолвствовали.

— Плохо, плохо, — хмурился Чердаков. — Так-таки, значит, никто?

И тут поднялся сидящий рядом с ним заместитель командира взвода сержант Шешеня.

— Я знаю, товарищ подполковник.

— Вперед и с песней!

— Один сигнал — остановка, два —.предупреждение о начале движения…

— Достаточно! — прервал его проверяющий. — Товарищ лейтенант! В чем дело? Почему сержант знает материал глубже вас?

— Товарищ подполковник, я еще раз повторяю: данный вопрос выходит за пределы курса. Ну а сержант до призыва на срочную службу железнодорожный колледж окончил, потому и знает, — пояснил Киндинов.

— Так. С вами все ясно, — зло буркнул Чердаков, резко захлопнул рабочую тетрадь и, не дожидаясь конца занятия, покинул аудиторию, демонстративно не закрыв за собой двери.

Ближе к вечеру, во время самоподготовки, подполковник вызвал в свой кабинет Булака, Пекарина, его зама по учебной части капитана Ляльева и самого Киндинова. Присесть предложил только командиру батальона.

— Сегодня я проверял занятия в его взводе, — не называя фамилии лейтенанта, указал на него «зампоуч» кивком головы. — Вынужден доложить, товарищи офицеры: налицо весьма прискорбная картина. Начиная с того, что классный журнал исключительно грязно оформлен, а у бойцов в конспектах отсутствуют отдельные темы, так еще и сам командир взвода излагает новый материал с существенными изъянами. К примеру…

И подполковник подробно, в красках поведал историю о тепловозных гудках.

— В чем дело? — возмущенно вопрошал он присутствующих. — Сержант знает, а командир взвода — нет! А мне-то про него такого понарассказывали: чуть ли не академик! Ну? Чего молчим? Языки в зад… гм-гм… во рту не поворачиваются?

— Товарищ подполковник, но ведь командир взвода действительно прав, — наконец отозвался комбат. — Есть утвержденная свыше методика, мы ее обязаны твердо придерживаться, а что касается гудков… Действительно, никогда мы на этом внимание наших подчиненных не заостряли, да и к

чему? Гесеэмщик, он же сам тепловоз никогда не поведет…

— Зато сам под него попадет! Будучи сигналов не в курсе! — не согласился Чердаков. — И методика ваша — не догма, а руководство к действию! — При этих словах Булак и Пекарин трудно сдержали улыбки: разом вспомнили расхожую фразу из коммунистических времен. — Немедленно пересмотреть, добавить и выучить всем! Лично опрашивать буду!

— Есть! Так точно! Исполним! — разом ответили офицеры.

— Теперь — журнал подразделения. Я уже упоминал: ведется грязно.

— Подчерк у лейтенанта Киндинова не ахти, — попытался защитить Марата командир роты.

— Журнал — это лицо подразделения! — менторски заявил «зампоуч». — Вот пусть сядет и перепишет его на чистом экземпляре поопрятнее. Только чтобы сам, лично! Заодно и потренируется. Оценок мало — бойцов на самоподготовке надо больше опрашивать. И потом, это что за буква «а» против фамилии… идиотская какая-то… Глазуньев, что ли? — Чердаков сверился со своим талмудом, — ага, Яичницын. Ну, «н» — это понятно, наряд, «б» — болен, «о» — отпуск… Что там еще? «К» — командировка… Но «а» из какой он оперы взял?

— Товарищ подполковник, буква «а» в журнале обозначает дисциплинарный арест с содержанием на гауптвахте, — пояснил замкомроты по учебной части. — Трое суток рядовому Яичницыну военный суд определил в качестве наказания за самовольную отлучку.

— Во-во, у **таких** командиров взводов только и могут быть такие подчиненные, — тут же сделал нелестный для Киндинова вывод Чердаков, разом съехав с темы непонятной буквы. — Ладно, идем дальше. На занятиях мало учебных пособий — всего один плакат! Руководитель обращается к слушателям на «ты»! Вместо метода «рассказ-беседа» налицо как таковой только рассказ! Один боец недобрит! Двое — не стрижены!

В том же разгромном духе подполковник разорялся еще минут пятнадцать. И хотя большинство обозначенных им «скелетов в шкафу» взводного общими усилиями Булака, Пекарина и Ляльева, удалось «похоронить», итогом той проверки позднее стало объявление лейтенанту выговора: «За некачественное ведение журнала и самоустранение от проверки полноты ведения конспектов подчиненных».

— Новая метла по-новому метет, — резюмировал уже по дороге в роту Пекарин. — А как сломается, под лавкой валяется. Ну, Марат, разве не прав я был? Твоя наивная борьба за слабую половину уже бумерангом обернулась!

— Не спорю, — по-детски шмыгнул носом Киндинов. — Но это бесчестно!

— Тоже, нашел где честность искать: в погонной системе!

— Виталий Тимофеевич, — подключился к разговору Ляльев. — Хотелось бы ошибаться, но, полагаю, это только начало.

— Скорее да, чем нет, — согласился майор. — Посему — быть готовым ко всему.

И на вечернем совещании в канцелярии приказал всем офицерам роты на следующий день прибыть в подразделение к подъему и оставаться там до отбоя, контролируя личный состав. Заодно же и проверяя: содержание оружия и прикроватных тумбочек, наличие тапочек и туалетных принадлежностей, образцовость заправки кроватей и правильность развешивания на их боковинах полотенец, отсутствие в карманах мобильных телефонов (выдаваемых солдатам лишь после обеда в субботу и до отбоя в воскресенье) и наличие носовых платков, а также иголок с белой, черной и зеленой нитками плюс запасной во внутреннем кармашке пятнистой кепки-пиксельки — да мало ли что еще можно обнаружить, либо, напротив, не найти у солдата-срочника!

Взводные, разумеется, в меру экспрессивно высказались в адрес виновника столь удлиненного рабочего дня. Зато сколько недостатков в продолжение его устранили! Как говорится, не было бы счастья…

Впрочем, подполковник Чердаков новое наступление на подразделение, и в частности на лейтенанта Киндинова, предпринял, и вовсе не с казарменной, но опять-таки с родной учебной стороны.

Получив слово на очередном субботнем совещании офицеров, «зампоуч» красиво начал с полюбившейся ему фразы: «Журнал — лицо подразделения», огорошив затем и Киндинова, и Пекарина утверждением, что именно журнала пятьдесят пятого учебного взвода, единственного из всех, нет на месте.

— Вот, непосредственно перед совещанием проверил — отсутствует! — с апломбом заявил Чердаков. — А у дневального по учебному корпусу в специальной тетради регистрации он почему-то сданным значится. Лейтенант Киндинов! В чем дело?

— Журнал на месте, товарищ подполковник, — решительно не согласился комвзвода. — Я как раз перед заходом в конференц-зал посмотрел.

— Вы что, намекаете, будто я лгу? — повысил тон Чердаков.

— Не могу знать! А журнал я десять минут назад из ячейки вынимал. Новый экземпляр, по вашему же приказу переписанный.

Между прочим, два вечера за этой работой до полуночи просиживал.

— Этого не может быть! — вскричал «зампоуч». — В смысле, что журнал на месте! Своим глазам я пока верю!

— Извините, но и я тоже не слепой, — продолжал упорствовать Марат.

— Так. Весьма неоднозначная ситуация, — прокомментировал командир части. — Проясним эмпирически. Капитан Равчук! Лейтенант Киндинов! Бегом проверить наличие журнала в ячейке!

— Есть! — хором отозвались оба младших офицера.

Несколько минут в конференц-зале господствовало сдержанное оживление. Но вот в дверях появились посыльные за истиной: Равчук имел смущенный вид, Киндинов же — торжествующий. В руках он держал деревянный пенал с вложенным в него журналом. На длинной торцевой стороне пенала внизу черной краской были крупно выписаны цифры «55», под ними, помельче, значилось: «у/в» — учебный взвод.

— Товарищ полковник, разрешите доложить! — без энтузиазма обратился к Сергачеву Равчук.

— Слушаю…

— Журнал пятьдесят пятого учебного взвода действительно был на месте. Как, впрочем, и все остальные.

— Да нет же! — возмутился Чердаков. — Откуда он тогда взялся? Только что, перед совещанием, я его искал и не нашел!

— Товарищ полковник, разрешите пояснить… — предложил Киндинов.

— Попробуйте…

— Журналы хранятся в навесном шкафу возле дневального по учебному корпусу. Там две полки, обе разделены на ячейки, куда непосредственно и вставляются сами журналы вот в таких пеналах. — И лейтенант продемонстрировал офицерам свой. — Верхняя полка предназначена для хранения журналов первого батальона, на нижней — ячейки для второго, и под каждой, как и на пеналах, — повторяющиеся цифро-буквенные обозначения взводов.

— Чего вы нам тут лекцию, что Волга впадает в Каспийское море, устроили? — перебил Чердаков. — Всем и без того прекрасно известно! Я спрашиваю: ваш журнал где был?

— Николай Ярославович, да дайте же ему договорить! — окоротил подполковника Сергачев. — Товарищ лейтенант, продолжайте.

— Весь казус, товарищ полковник, здесь в том, что ранее в нашей роте имелось всего четыре взвода. Пятый же

санкционировали позднее, и на должность его командира как раз был назначен ваш покорный слуга. Но, поскольку за ячейкой с цифрами «пятьдесят четыре» — пятая рота, четвертый взвод — на полке второго батальона сразу следовала ячейка «шестьдесят один» — шестая рота, первый взвод, — а далее шли номера с шестьдесят второго по шестьдесят шестой, то, чтобы не перенумеровывать их все, пошли по наиболее дешевому пути. А именно; цифрами «пятьдесят пять» обозначили безномерную, запасную ячейку, которая имелась только в верхнем ряду, после занятой тридцать пятой — третья рота, пятый взвод.

— Ну, я же то самое и говорю: журнал пятьдесят четвертого взвода на месте, а за ним сразу шестьдесят первый стоял, так тогда пятьдесят пятый где был спрятан? — недоуменно буркнул так ничего и не понявший «зампоуч».

— Ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса, — прошептал на ухо капитану Ляльеву сидящий рядом с ним майор Пекарин.

А полковник Сергачев спрятал в густые усы лукавую улыбку и скомандовал:

— Капитан Равчук! После совещания объясните подполковнику Чердакову особенности размещения журнала пятьдесят пятого учебного взвода. И непременно покажите на месте, практически. Равчук, Киндинов — по местам! Не будем больше терять времени. Помощник по строевой, вам слово!

— Есть! — Мелковатый подполковник Груздяков быстренько прошел к трибуне и зачастил: — Анализ несения караульной службы за неделю показал, что…

В тот день, после завершения ежедневной процедуры утреннего развода, два комбата и заместитель командира части по МТО подполковник Лысиков — мужчина могучий, с густейшей, но рано поседевшей шевелюрой — задержались посреди большого плаца: главный тыловик части основательно втолковывал собеседникам что-то про грядущие изменения формы одежды. А затем он, по натуре не чуждый шуток, и порой даже рискованных, вдруг приложил к губам кулак и дважды протяжно гукнул. После чего заявил:

— Ну, я пошел…

— Ты чего? Мозги под фуражкой выкипели? — недоуменно фыркнул комбат-один. (Меж собой все три подполковника панибратски обращались на «ты».)

— Не понял? — ехидно ухмыльнулся Лысиков. — Это же я, как тепловоз, обозначаю начало движения. Чух-чух-чух — и к учебному корпусу. Журнал пятьдесят пятого взвода разыскивать буду.

Комбаты от души расхохотались.

— А ведь он действительно Чердак и есть, — философски рассудил зам по МТО. — Неспроста же при рождении такой фамилией смысловой наградили. В голове-то, соответственно, темно: один только слабый лучик света через слуховое окно пробивается.

— Советую с такими шутками поосторожнее, — предупредил осмотрительный Булак. — По моим точным сведениям, у него тесть — вице-адмирал. В Москве, в Главном управлении ВМФ, сидит. И везет же некоторым не по уму!

Спустя еще неделю Чердаков вновь появился во взводе Киндинова — на сей раз на занятиях по строевой подготовке. Темой их тогда были «Повороты в движении».

Подполковник с достоинством принял от командира взвода стандартный рапорт — на таких-то занятиях такой-то учебный взвод — и отошел на несколько шагов: по-видимому, желая понаблюдать за ходом урока со стороны.

Голосовые команды для выполнения строевых приемов подавал сержант Шешеня, Киндинов же фиксировал четкость их исполнения, указывал на ошибку, если таковая имелась, порой требовал повтора действий. Подобное «разделение труда» проверяющему абсолютно не понравилось.

— Почему это вы, товарищ лейтенант, на замкомвзвода, по сути, занятие перевалили, а сами самоустранились от личного состава? — недовольно поинтересовался он.

— Без проблем, могу покомандовать и сам, — согласно кивнул Киндинов.

— А вы мне тут одолжения не делайте! — возмутился «зампоуч». — И вообще: надо еще убедиться, насколько профессионально вы сами… поворачиваетесь! Ну-ка, извольте принять строевую стойку!

И тут же, на глазах нездорово оживившихся подчиненных лейтенанта, принялся нещадно гонять его «направо», «налево» и «кругом — марш». Что являлось грубейшим нарушением армейской субординации: ну, раз захотелось большому начальнику взводного на практике проэкзаменовать, так уведи последнего с глаз подчиненных долой и тренируй, сколь душе угодно. Но вот так, при них, да еще и с неприкрытой неприязнью…

Однако на сей раз Киндинов в бутылку не полез, хотя и заметно нервничал. Это не замедлило сказаться на качестве его индивидуальной строевой подготовки: при исполнении одного из поворотов «кругом — марш», нечетко развернулся на носках и едва не потерял равновесия.

— Стой! — сразу же скомандовал ему Чердаков. И с

удовлетворением язвительно протянул: — Ага-а! Элементарного приема продемонстрировать не в состоянии! Что и требовалось доказать… Ну, с практикой все ясно. Теперь проверим знание теории. Согласно строевому уставу, в армии всякое движение начинается с левой ноги. Но — на любое правило имеется и исключение. Какое? Вы это по должности знать обязаны.

Лейтенант серьезно задумался.

— Ну? — поторапливал его подполковник.

— Не знаю, — наконец пожал плечами Киндинов.

— Однако! — взвопил «зампоуч». — А как же вы тогда взвод водите?

— Куда? — не понял Марат.

— Да хоть куда. Так и быть, растолковываю популярно…

И Чердаков пояснил, а затем даже и лично продемонстрировал следующий строевой прием: он в роли командира взвода стоит лицом к колонне подчиненных, которым подается команда: «Шагом марш!» Колонна выполняет первый шаг, левой, а командир одновременно с этим делает первую часть поворота «кругом». Подчиненные осуществляют второй шаг, правой ногой. Заканчивая поворот, без промедления начинает движение вперед и сам командир, возглавляя колонну. Причем шагает тоже с правой, чтобы попасть в ногу с солдатами.

— Ну и какую я вам за столь «высокий» уровень занятия оценку поставить должен? — не без сарказма осведомился подполковник.

Лейтенант промолчал. На следующий день ему было объявлено новое взыскание: строгий выговор «за некачественную подготовку к занятиям и низкий личный уровень строевой подготовки».

— Курочка по зернышку клюет, да весь двор загадит, — пенял Киндинову позднее Пекарин. — По всему судя, озлобился «зампоуч» на тебя конкретно и надолго. Ведь талдычил тебе, талдычил: семью прикинь — однова отрежь. Почему не послушал? Не вник? Недоразмыслил? А теперь, через тебя, и меня шпыняют! Спрашивается, за что? Хэх! Одно слово: «пиджак»! Тьфу! Сгинь с глаз долой!

* * *

На последние числа сентября учебная часть традиционно запланировала сдачу зачетов по общевоинским уставам для всего личного состава ШМАСа. Начали, естественно, с офицерского звена. Но и здесь действовали поэтапно: в первый день, после

обеда, проэкзаменовали управление (то есть штабистов и начальников служб), во второй день «пытали» взводных и ротных первого батальона, на третий — настала очередь второго.

Приемную комиссию бессменно возглавлял подполковник Чердаков. Ассистировали ему капитан Равчук, непосредственно ведущий записи результатов сдачи и, поочередно, помощник командира части по строевой — при сдаче зачета управленцами, затем комбат-один, а на заключительном этапе — комбат-два.

По опыту предыдущих лет было известно, что практичнее всего, дабы не срывать учебный процесс в части в целом, проверочное испытание осуществляют по отдельным подразделениям. Итак, сначала вызывался командир одной из рот вместе с двумя заместителями, а уж когда руководящее трио «отстреляется» — субординацию следует чтить и соблюдать, — в аудиторию запускали командиров взводов.

Так, без особых проблем, были проэкзаменованы офицеры четвертой роты, наступила очередь пятой. Лейтенанта Киндинова Чердаков пожелал опрашивать последним из подразделения, причем на опросе присутствовал непосредственный начальник Марата. Впрочем, поскольку в саму комиссию ротный не входил, то и права оценочного голоса не имел.

Вопрос-зачин во всех билетах ставился одинаково: «должностные обязанности».

— Командир взвода (группы, башни) в мирное и военное время отвечает, — уверенно, почти цитируя уставные строки, начал лейтенант, — за постоянную готовность взвода и успешное выполнение им задач; за боевую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину и морально-психологическое состояние личного состава. Также за поддержание внутреннего порядка, состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого имущества взвода. Он подчиняется командиру роты и является прямым начальником всего личного состава взвода…

— Неплохо, неплохо, — оценил Чердаков, сверявшийся с книжным текстом. — Правда, забыли еще упомянуть про безопасность военной службы, да и задачи взвод выполняет не простые, а именно боевые. Ну, пусть, не столь важно.

— Продолжайте…

«По раскрытой книге и любой — герой, — мрачно усмехнулся про себя ротный. — Немудрено жить издеваючись, а мудрено жить измогаючись». — Но вслух пока и словом не обмолвился.

Расправившись с «ответственностью», Киндинов принялся перечислять многочисленные, вменяемые ему Уставом внутренней службы (УВС), обязанности.

— Достаточно, — вскоре прервал его Чердаков. — Вижу:

знаете. Давайте второй вопрос.

— «Какие помещения должны быть предусмотрены для размещения роты», — прочел Киндинов. И опять знающе зачастил: — Спальное помещение, канцелярия, комната информации и досуга, комната для хранения оружия. Также комната или место для чистки оружия, аналогично — для спортивных занятий, для курения и чистки обуви. Бытовка, каптерка, сушилка, умывальная, душевая… и туалет. Вроде все.

— Не «бытовка» и «каптерка», а комната бытового обслуживания и кладовая для хранения имущества роты и личных вещей, — уточнил «зампоуч». — Нечего, понимаешь, на зачете солдатским сленгом изъясняться.

Тут уж не только ротный, но и комбат мысленно попеняли придире. Хотя формально — ничего не скажешь, прав.

— Ладно, вопрос детский, и особого ума здесь не надо, — продолжил председатель комиссии. — А вот как насчет небольшого уточнения? Казарменное помещение, как правило, имеет подвал и — обязательно — чердак. Содержать что-либо из имущества и там, и там воспрещается правилами пожарной безопасности — читай приложение номер пять к УВС. За единственным исключением: в чердачном помещении разрешено хранить… что?

Лейтенант усиленно наморщил лоб.

— Не знаю, — честно признался он, чувствуя, что молчание затягивается.

— Плохо! — назидательно воздел указательный палец ввысь Чердаков. — Именно там в теплое время года, за временной невостребованностью, определено хранить вторые, зимние оконные рамы.

— Товарищ подполковник, но он же все-таки не старшина роты, — осторожно возразил Пекарин. — Это скорее по его и моей части. Да и вообще: у нас, в новой казарме, оконные переплеты не вынимаются совсем, весь год.

— И тем не менее желательно бы знать, — поучающее заявил «зампоуч». — Впрочем, пусть будет по-вашему. Какой там дальше вопрос?

— «Отдание воинской чести воинскими подразделениями», — зачитал Марат.

— Так. Время поджимает, давайте сузим рамки, — распорядился главный экзаменатор. — Ответьте только, в каком единственном случае подразделения не выполняют воинское приветствие, при нахождении вне помещения, и даже вне воинской части, в мирной обстановке, пусть бы им встретился сам министр обороны или — бери выше — Президент России?

Лейтенант вновь наморщил лоб. Командир роты и комбат задумались тоже. Минутное молчание — и подполковник вторично ткнул в потолок.

— Да элементарно же! Если упомянутые подразделения участвуют в похоронной процессии! Плохо! Следующий вопрос…

— «Что называется постом».

— Отвечайте.

— Постом называется все порученное для охраны и обороны часовому, а также место или участок местности, на котором он выполняет свои обязанности, — единым духом отчеканил Киндинов.

— Понятно. Ну, тоже из ряда элементарных. А вот вам известно, что на посту, как правило, имеется такой элемент его оборудования, как постовой гриб?

— Так точно, известно.

— С предназначением его тоже ясно: под крышей, на вбитый на столбе гриба гвоздь, при надобности вешают постовую одежду. Там же закрепляют и телефонный аппарат для связи с начальником караула. Но сейчас я о другом. В какой цвет этот гриб окрашивается?

— Ну… в гарнизонном карауле постовые грибы темно-зеленые.

— Ответ в корне неправилен.

— Да почему? Я точно в цвете уверен.

— Даю подсказку: в Уставе гарнизонной и караульной службы по поводу конкретики цвета гриба не напечатано ни слова.

— А… как же тогда? — недоуменно пожал плечами сбитый с толку лейтенант.

— Вот так же. УГ и КС на этот счет гласит: «…окрашивается под цвет охраняемого объекта или под цвет окружающей местности».

— Товарищ подполковник, ну это ведь в каком-то приложении значится, — рискнул вмешаться в явно пристрастный опрос комбат.

— Я не понял! — рявкнул Чердаков. — Уж кому-кому, а вам должно быть хорошо известно, что Устав гарнизонной и караульной службы до последней буквы писан солдатской кровью! Тут номер «от сих до сих» у вас не пройдет!

В аудитории воцарилась угнетающая тишина. Нарушила ее слегка скрипнувшая притворяемая дверь в коридор. Подполковник же, поразмышляв, задал экзаменуемому новый дополнительный вопрос:

— Я упоминал, что под гриб можно помещать постовую

одежду. А что применяется в ее качестве?

— Зимой — валенки и тулуп, летом — плащ с капюшоном и непромокаемая обувь.

— Почти верно. Забыли только, что заменителем плаща может служить плащ-палатка. Ну, так и быть, простим. А вот в особых случаях, по личному указанию командующего военным округом, какой еще вид постовой одежды предусмотрен?

— Про это я никогда даже не слышал… — сразу сознался комвзвода.

— Значит, запоминайте. В таких особых случаях часовые могут нести службу в стальных шлемах и бронежилетах. Что ж, опять плохо. Давайте последний вопрос!

— «Взыскания, налагаемые на военнослужащих срочной службы».

— Внимательно слушаю… — И Чердаков вновь без зазрения совести зашелестел переворачиваемыми страницами сборника «Общевоинские уставы».

— Выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, — воспрянул духом Киндинов. — Еще: снижение в воинской должности — если есть, конечно, куда снижать, досрочное увольнение в связи с невыполнением условий контракта, это для контрактников только… Ну и крайняя мера — дисциплинарный арест, когда военнослужащий содержится на гарнизонной гауптвахте… сейчас… вот! В условиях изоляции.

«А ведь мало у кого, даже из опытных взводных, так бы от зубов отскакивало. Прекрасная память!» — разом подумалось и Булаку, и Пекарину.

— Верно, — согласился главный экзаменатор. — Вот и давайте об этой крайней мере поговорим поподробнее. К кому из военнослужащих — имеются в виду не только солдаты-срочники, но возьмем шире — все погонные категории — ее запрещено применять?

— К офицерам, — сразу сказал Марат. Чуть подумал и дополнил: — И к тем, кто Военной присяги пока не принял.

— Пятьдесят процентов от полного ответа. Ну?

— …?

— Еще — к военнослужащим женского пола и также — к военнослужащим, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

— Как это? — не понял взводный. — До восемнадцати в армию не призывают.

— Узко мыслите! — торжествующе погрозил ему пальцем подполковник. — А как же курсанты военных училищ? Туда прием с семнадцати лет.

— Товарищ подполковник, но это же не наш профиль, —

вновь попытался возразить командир роты. — И женщин аттестованных в нашем ШМАСе тоже не имеется.

— Не оправдание! — сердито отмел аргумент «снизу» Чердаков, а его палец при критичном высказывании взлетел к потолку особенно высоко.

Все помолчали. Затем комвзвода рискнул-таки доложить, что он ответ закончил.

— Очень плохо. Прямо никуда не годится, — резюмировал председатель комиссии. Члены ее скромно промолчали.

— А давайте-ка я вам еще вопросец задам. Самый элементарный, — наконец решил Чердаков.

По лицу Пекарина при этих словах скользнуло брезгливое выражение, да и Булак на миг скривился: уж больно люто, незавуалированно стремился завалить лейтенанта подполковник.

А тот без стеснения наседал:

— Ответьте, из каких элементов состоит Боевое знамя воинской части?

Впервые за все время зачета, зашкаливающего разумную грань, внешне отреагировал капитан Равчук: невольно хмыкнул и тут же сжал губы полоской. «Элементарный вопросец» только на первый взгляд казался простым.

— М-м-м… Сейчас-сейчас, — подбодрил сам себя Марат.

— Значит, к таковым элементам относятся: древко, само знамя — ну, в смысле, ткань…

— Отнюдь не «ткань», а полотнище. Двустороннее, с рисунком, с каймой, — быстро поправил «зампоуч», на сей раз демонстративно отложивший закрытый сборник «Общевоинские уставы».

— Да, конечно… И еще сверху на древко надевается наконечник…

— Неверно! — отрубил «зампоуч».

— Почему же? — недоумевающее вклинился Пекарин.

— Потому! Вот уж воистину: каков поп, таков и приход! Зарубите себе на носу! — Начальствующий перст чуть ли не утянул ввысь приподнявшееся на долю секунды в кресле, в унисон собственному указанию, руководящее тело. — Это в старой редакции устава наконечник был, а в новой он переименован в навершие! В виде прорезного копья с рельефным изображением… Ну? Какой фигуры? Отвечайте! Молчите? Конечно! Опять не в курсе! Да двуглавого орла! Кстати: для закрепления навершия на древке последнее имеет специальный выступ. Дальше!

— Да оно вроде бы и все… — облизнул пересохшие губы лейтенант.

— Что вы говорите? — сочувствующе поцокал языком Чердаков. — Вы даже и половины элементов не назвали! И не стыдно? Не знать, из чего состоит святыня? Да вам вообще в погонной структуре не место!

В который раз аудитория замерла. Дверь ее опять скрипнула. Пекарину, сидящему лицом к ней, удалось разглядеть командира шестой роты и одного из его замов, в свою очередь прибывших для сдачи зачета и томящихся в коридоре в тревожном ожидании, гадая, в чем задержка.

— Равчук! Быстро доложите, кто там чересчур любопытный окопался! А я накажу! — Капитан суетливо шмыгнул за дверь. Подполковник же снова перевел взгляд на Киндинова. Тоном ниже уточнил: — Итак, это весь ваш ответ?

— Вроде да…

— Тогда попрошу вашего самого пристального внимания! — И, приосанившись, принялся загибать пальцы левой руки пальцами правой: — Тесьма с кистями, изготавливается из серебристой ленты «галун» жаккардового плетения, с окантовкой черными и оранжевыми нитями…

— Извините, а это что за вид плетения такой? — поинтересовался Пекарин, надеясь посадить «зампоуча» в калошу и хоть немного сбить с него спесь. Однако тот весьма удивил присутствующих.

— Жаккардово плетение — крупноузорчатое, обеспечивающее особую прочность и длительную износостойкость ткани. Названо так по имени французского изобретателя специального ткацкого стана, «машины Жаккарда». Ему даже памятник в Лионе поставили, — тоном немыслимого превосходства разъяснил председатель комиссии и загнул второй палец. — Знаменная скоба — латунная табличка в форме разрезанного цилиндра, закрепляется вокруг древка, под нижним краем полотнища. На ней гравируется надпись: такая-то воинская часть, сформирована тогда-то, награды… Третье — латунный подток формы усеченного конуса со сплошным узким концом. Насаживается на древко снизу — с его помощью, при необходимости, знамя втыкают в землю. Четвертое — знаменные гвозди, которыми полотнище крепится к древку. Мелкий, но тоже элемент! Пятое — соединительная металлическая муфта, скручивающая две равных половины древка: для выдерживания последним ураганного ветра. И это еще не все! — потряс сжатым кулаком Чердаков. — В комплект с Боевым знаменем включен знаменный чехол — брезентовый, с разрезами на концах и продетым в них капроновым шнуром. А также панталер — перевязь знаменщика со специальным кожаным стаканом для

ношения знамени. Добавьте еще две перевязи ассистентов знаменщика: тот же панталер, но без стакана. Последнее. Все металлические детали Боевого знамени покрыты натуральной позолотой…

Закончив лекцию, подполковник справился:

— Товарищ лейтенант, вам все ясно?

— Так точно!

— Мне тоже. За все время службы никогда не слышал ответа хуже вашего! «Ткань», «наконечник»… — передразнил он Киндинова. — Только еще и оставалось, как древко чем-то вроде слеги назвать! Все! Вы свободны! Командир роты — тоже! Пока сюда никого не запускать: мы посовещаемся…

Двумя голосами против одного комиссия приняла решение оценить ответ Марата «неудом».

Позднее Пекарин объяснил Киндинову:

— Мы с Булаком к командиру части пошли. За тебя, олуха, биться. Доказывать, что Чердаков на зачете себя предвзято вел. Ну, Сергачев, конечно, немедленно к себе Анюшкина выдернул. А тот, как только про знамя услышал — ну, что ты, из чего оно состоит, толком не назвал, моментально сторону «зампоуча» принял. Данное дело, мол, политическое. И если он — ты, стало быть, — даже этого не знает, то о чем дальше дискутировать? Двойки еще и многовато, следовало бы единицу влепить. Командир «неуд» и утвердил. Неделю срока тебе дали — и дальше на пересдачу.

Ротный пожевал губами и риторически вопросил:

— И вот за какие такие заслуги ты на мою голову свалился? Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу. Одно слово: «пиджак»! — и демонстративно отвернулся к окну.

Строптивый подчиненный трудно промолчал — стоящий к нему спиной начальник не обратил внимания на его напряженно замершую фигуру, стиснутые зубы и натянувшуюся кожу на плитах рельефно выступивших острых скул, вмиг покрывшуюся густым румянцем…

* * *

По субботам учебные занятия в ШМАСе проводились только до обеда. Отпустив своих подчиненных на недолгий — перед приемом пищи — перекур, Киндинов направился в казарму, на ежедневное короткое совещание офицеров подразделения в конце рабочего дня.

В канцелярии мрачный Пекарин сразу объявил ему:

— Немедленно собери конспекты своих воинов и представь Равчуку для контрольной проверки. В понедельник, прямо с утра, назад получишь.

— А по какому предмету?

— Не понял, что ли? По всем! — раздраженно буркнул обычно сдержанный ротный и полез в сейф за сигаретами, к которым прибегал только в минуты сильного волнения или, напротив, великого удовольствия. Закурив и глубоко затянувшись, он с долей иронии пояснил: — Обкладывают тебя, мой бедный Марат, со всех сторон и конкретно. Даром, что ли, Равчуку на выходных в поте лица пахать приказано? Из чего следует, что команду «фас!» уже дали, осталось только технически жертву на клочки разорвать. Вот она, цена твоей никчемной жалобы!

Пекарин жадно затянулся и не спеша выпустил дым из сложенных колечком губ.

— Что смотришь невинными глазками? — все сильнее раздражался он. — Накосячил по-великому один, а в говно всю роту мордами макать будут! И, прогнозирую, долго!

— И что я, по-вашему, должен сейчас делать? — неожиданно огрызнулся Киндинов, лицо которого постепенно багровело.

— Не знаю! — свирепо бухнул начальник кулаком по столешнице. — Повеситься! Тогда, за смертью, точно все грехи спишут! Великий российский принцип! — И в очередной раз затянулся всей грудью.

Командиры взводов старались на проштрафившегося сослуживца не смотреть и в разговоре участия не принимали. А вот заместитель командира роты по воспитательной работе капитан Плешков — худой до костлявости блондин с квадратным лицом и прической «каре» — негромко кашлянул.

— Разрешите, Виталий Тимофеевич?

— Ну?

— Тут вот еще какое дело. Только что узнал: на Марата, в его НИИ, откуда его к нам переводили, из штаба запрос послали. В плане, как он себя там зарекомендовал и все такое прочее…

— Час от часу не легче! — возмущенно изрек Пекарин. — Где тонко, там и рвется; где худо, там и порется. Киндинов! Ты сам-то что думаешь, ну, насчет тональности ответа?

— Я же вам рассказывал, как меня новый начальник всячески с места выживал, — тихо напомнил лейтенант. — Уверен: он грязи не пожалеет.

— Спасибо, удружил! — Пекарин досадливо затянулся в остатний раз и с силой, тычком раздавил бычок в керамической пепельнице хрущевских времен: медведь (с давно отколотым

ухом) обнимает кадку из-под меда. Затем извлек из брючного кармана-пистончика почти раритетный довоенный хронометр Чистопольского часового завода с «двойными» цифрами (над единицей — тринадцать, над двойкой — четырнадцать и т. д.) на цепочке — дедово наследство.

— Ого! Засиделись сегодня. Хрен с ним, понедельник субботы одно мудренее. Закрываем тему. Кто у нас сегодня «безответственный ответственный»?

— Дежурный клоун к вашим услугам! — пошутил капитан Ляльев.

— Вот и славненько. Контролируй, бди, и не вздумай смыться раньше отбоя. Остальные — свободны!

Однако отдохнуть тем вечером ни ему, ни Киндинову толком не удалось: в роту с внезапной проверкой около пяти вечера прибыл подполковник Чердаков. Капитану Ляльеву и старшине подразделения старшему прапорщику Фильберту быстро стало ясно: цель визита начальника — накопать как можно больше недостатков.

Отыскивать их «зампоуч» начал с комнаты для хранения оружия. Войдя туда, он именно во взводе лейтенанта методично перебрал все противогазы и радостно обнаружил на двух их коробках поржавевшие краешки, а на одной из противогазовых сумок — бирку с полустершейся фамилией. Автоматы же объявил «вкупе недостаточно смазанными».

Затем он продефилировал в кладовую, где особенно интересовался комплектами парадного обмундирования пятьдесят пятого учебного взвода, чуть ли не обнюхивая их и внимательно проверяя правильность клеймения кителей, брюк и галстуков. Разумеется, без накладок и тут не обошлось.

Потом придирчиво оценивалась заправка коек все того же подразделения, причем Чердаков не поленился заглянуть и под матрасы первого яруса, обнаружив там пару грязных носков, победно продемонстрированных заместителю командира роты и старшине.

Дошла очередь и до содержимого прикроватных тумбочек, откуда торжественно было извлечено несколько «неуставных предметов»: конфеты, куски хлеба, ушные палочки, детский крем, два зарядных устройства для мобильных телефонов… Особенно долго проверяющий размахивал прошлогодним журналом «Максим», добытым из тумбочки сержанта Шешени, и кричал, что в роте насаждают порнографию. Журнал в итоге был конфискован.

В комнату информации и досуга, бытовую, умывальную, душевую и туалет подполковник заглянул тоже, но — чисто

мимоходом. Однако везде и всем остался недовольным, так что около восьми вечера потребовал срочно вызвать на службу Пекарина и Киндинова. И долго потом распинался перед ними в канцелярии роты на тему «запущенности подразделения», где командир взвода «не желает и пальцем пошевелить для поддержания должного уставного порядка».

— Нам офицеры-ученые не нужны! Нам нужны офицеры-солдаты! — дважды изрек он, высказав также большое «фу» в адрес командования роты, которое «абсолютно утратило контроль за потерявшим совесть офицером, лишь обозначающим службу, но вовсе не исполняющим ее».

Капитан Равчук, как выяснилось позднее, тоже зря времени не терял. Он скрупулезно выискивал в представленных конспектах пропущенные или недописанные лекции, посторонние записи (аж три неоконченных письма «отрыл», причем одно из них — густо сдобренное ненормативной лексикой), непронумерованные и вырванные листы, неотчеркнутые поля…

И так далее, вплоть до фиксирования орфографических ошибок в текстах Государственного гимна России и Военной присяги, записанных в тетрадях по общественно-государственной подготовке. Под одну описку офицеру-красавцу даже удалось подвести политическую платформу: все тот же «самовольщик», дубоватый рядовой Яичницын, умудрился в первом слове строки припева «братских народов союз вековой» вместо «р» написать «л», следующая же буква у него определенно напоминала «я», а не «а». Это же явное неуважение или даже — страшно сказать! — осквернение атрибута государства! Да еще и в письменном виде! А почему командир взвода не проверил, не обнаружил, не устранил, не пресек?

Итог грандиозной всесторонней проверки состояния дел во взводе Киндинова вскоре был объявлен в приказе по части: ему самому — предупреждение о неполном служебном соответствии, Пекарину — строгий выговор, Ляльеву и Плешкову — по обычному, комбату-два — «строго указать».

Крайне разозленный Булак воинственно наорал на Пекарина:

— Ты можешь по-русски разъяснить этому недозрелому ученому фрукту, что Чердак от своего не отступит?! Один хрен, доведет он его до расторжения контракта по негативу! Лучше пусть сам по-хорошему увольняется! Говоришь, несправедливо?! А не высовывайся! Напротив, язык в ж…, и на полную длину, засунь! Не ты первый, не ты последний! Да когда я сам лейтенантские погоны носил, и не такое сносил! В смысле, от руководства! Короче, пусть валит в народное хозяйство, пока самостоятельная возможность такая есть!

Комбат перевел дух и продолжил разнос:

— И еще вдолби этому туполобому: я из-за него со вторым лицом части ссориться не собираюсь! Тем паче — при его мощных родственных связях! Живо хребет подслушивателю переломят! Вот же недоумок: за слабую половину — ур-ра и с мобильником наперевес! Экий герой с любимой женой — «пиджачная» пара! Да гнать его из части к такой-то матери!

— Гнать, получается, только за то, что Чердаков его супругу обматерил громогласно? И потом повел себя трусливо, недостойно старшего офицера: изолгался, как поймался, причем вся часть в курсе? Иже не ври же, его же не пригоже! — завелся тут и ротный. — А подло и мелочно мстить, корыстно используя служебное положение? Я сам ни про зимние оконные рамы, ни про особую постовую форму одежды, ни про такие элементы знамени, как подток и знаменные гвозди, тоже не знал! Сильно сомневаюсь, чтобы и вы в курсе этого были! К конспектам опять же придирки были чрезмерные: хотите, с любым другим взводом сравним? Надо же, и политику еще притянуть! Ошибся солдат-тормоз в одной букве, так вторую ошибку проверяющие лично домыслили, и гляди какой поворот: «осквернение атрибута государства»! Про тепловоз и потерянный «журнал — лицо подразделения» вообще вспоминать стыдно! А про недостатки в казарме скажу так: их и после нашего ухода на пенсию с тем же переменным успехом выявлять и устранять еще лет тысячу будут! Аз да увяз, да не выдрахся!

— А не подслушивай! А не записывай! А не жалобись всенародно! А не строчи кляузы на начальство! — проигнорировал Булак все доводы майора. — В армии виноватых… — и приговаривающе рубанул перед собой воздух ладонью: — назначают!!!

Пришлось Пекарину пожелание комбата, разумеется, в более корректной форме, но Киндинову передать. А тот вдруг неожиданно спокойно пообещал над ним крепко подумать и в самое ближайшее время…

Действительно, всего лишь через сутки лейтенант задержался в канцелярии уже после того, как ротный отпустил всех офицеров по домам. Сам он в тот день по графику был «безответственным ответственным» — то есть лицом, контролирующим соблюдение порядка в подразделении от подъема до отбоя, и дежурным мальчиком для битья — в случае выявления каких-то серьезных нарушений за это время.

— Поговорить надо, Виталий Тимофеевич, — без официоза попросил лейтенант.

— Надо — значит надо. Ты, похоже, что-то надумал? —

поинтересовался командир роты.

— Вроде да, — кивнул подчиненный.

— Ну и конкретно?

— А можно я это чуть позднее скажу? Просто кое в чем с вами хочу посоветоваться, прежде чем окончательное решение принять.

— Ты гляди, какой совестливый вдруг стал, — не удержался от подковырки майор. — Раньше-то все больше личным умом пробавлялся. А издревле известно: сам в своем деле никто не судья. Ну-к что ж: милости прошу к нашему грошу со своим пятаком.

— У вас на любую ситуацию в ответ «особ статья» припасена.

— Посмотри, какой, однако, сам докомысленный! Ладно, ближе к телу.

— Ага. Короче, мне тут ситуацию рассказали похожую, но не совсем мою. Хочу, чтоб вы сравнили и свое мнение озвучили.

— Давай, излагай.

— В общем, на совещании, типа нашего субботнего, стал командир части одного офицера ругать: в целом оно и было за что. Только увлекся полковник непечатной бранью. Ну, подчиненный терпел-терпел да и психанул: ушел с совещания. Командир в крик: «Стой, назад!» Куда там… А в итоге получилось, что об инциденте начальник гарнизона узнал. Так он словесно-то матерщиннику попенял за унижение чести и достоинства подчиненного, а того самого наказал круто — «за нарушение порядка взаимоотношений между начальником и подчиненным». Еще и заявил, что командир «заботился об единоначалии».

— В теории — неверно, по жизни — всегда будет именно так, — прокомментировал Пекарин. — Дальше-то что?

— Дальше я задумался: что же это за штука такая — единоначалие, ради которой закон попирается запросто? Полез в УВС — статья тридцать… Вот, я выписал. Единоначалие «заключается в наделении командира… всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего».

— Мог бы и не читать: это я уж лет двадцать, как глубоко уяснил.

— Тогда объясните другое. Никто не подвергает сомнению право командира единолично принимать решения и отдавать приказы — но только соответствующие требованиям законов и уставов. А как быть в тех случаях, когда командир отдает

заведомо незаконный приказ?

— Приказы, не имеющие отношения к службе или направленные на нарушение закона, отдаваться не могут — это тоже прописано в УВС, чти: статья сороковая.

— Зато там отсутствует само понятие уголовно-правового состава «незаконный» или «преступный приказ». Так что одно дело теория, только есть ведь еще и практика. Не буду сильно распространяться на тему, как комбат меня однажды за продуктами — для себя лично — в магазин гонял. Мелочевка, хотя к службе отношения… сами понимаете. Бывают приказные ситуации куда серьезнее… У меня дядька, младший брат отца, в середине восьмидесятых в Афгане срочную служил. И через много лет мне, уже студенту, рассказал, что у них на дорожном посту однажды местный автомобиль типа «газели» попытался без досмотра проскочить. Открыли стрельбу, убили шофера. Черт знает почему он по газам даванул — ни оружия, ни наркотиков при досмотре авто не обнаружилось. А пассажирами у погибшего, единственного мужчины, — несколько женщин и детей. Ну, стали звонить в полк: как дальше быть. Начальник штаба и приказал: всех задержанных расстрелять, тела отвезти подальше и скинуть в пропасть. Машину туда же. «Исполняйте!» А в составе патруля оказался рядовой — студент мединститута, которого после первого курса на службу загребли.

— Да, помню, процветала несколько лет такая практика, и именно в середине восьмидесятых. По тем годам дети детей, не родившихся во время Великой Отечественной, так сказать, призываться должны были бы. Но их-то нет… Вот и забирали всех наличествующих под одну гребенку: студент — не студент, лишь бы «медицину» прошел.

— Именно. Только впоследствии расстрельная история получила широкую огласку. Трупы нашли, вычислили, чья это работа, поднялся чуть ли не всемирный скандал, и подполковник — автор незаконного приказа — и рядовой-исполнитель угодили в тюрьму. Причем бывший «энша» оттуда куда как быстрее вышел. Ну а если бы студент в условиях боевой обстановки отказался от исполнения в прямом смысле убийственного приказа, грохнули бы его самого.

— По-моему, нет, — не согласился командир роты. — Впрочем, срок бы, конечно, солидный впаяли: война — это война.

— Вот видите. Хотя по тому же Уголовному кодексу РФ, статья сорок два, «неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность».

— Понимаешь, я в таких юридических тонкостях не силен, — на секунду поднял вверх согнутые в локтях руки Пекарин. —

Знаю лишь, что, получив приказ, военнослужащий обязан выполнить его не только точно в указанный срок, но еще и беспрекословно и без всяких обсуждений. Любой. Раньше вообще говаривали так: приказ командира — закон для подчиненного. А если этот приказ граничит с безумием — смотри пункт первый.

— Так-то оно так. Однако всякий носящий погоны человек в то же время есть гражданин РФ, стало быть, обязан чтить и уголовное законодательство, то бишь по-любому не совершать преступлений. Даже по приказу. Тупик?

— М-м-м… Что-то вроде того получается.

— Причем начальник нередко старается прикрыться дежурными фразами: мол, этого требуют интересы службы, обеспечение боевой готовности вверенной части, и вообще: раз я приказываю — значит, вся ответственность на мне будет лежать. Зато как тот «энша» полка, из Афгана, потом на суде ужом крутился! «Да я же сам и не стрелял и вообще людей этих в глаза не видел! Они там, на месте, тоже должны были соображать!»

— Н-ну… На мой взгляд, это, скорее, вовсе исключительный случай.

— Ага, как же! Откройте в интернете словосочетание «неправомерный приказ» — там таких «исключений» пруд пруди. И это ведь лишь те, сведения о которых в сети выставлены, на деле-то их гораздо больше! Вот пример из свеженьких… В автопарке солдату-сварщику приказали взрезать здоровенную бочку из-под горючего. Как именно он работу будет делать — способ, инструменты и т. д., — начальник заявил, его не колышет. И весь «инструктаж». Но чтоб непременно за двадцать минут! Почему он такой мизерный срок определил — позже и сам вразумительно сказать не смог. А вместо того чтобы работу подчиненного контролировать, свалил в бокс, пиво пить… Ну, начал воин в спешке эту бочку автогеном вскрывать: что под рукой имелось. Взрыв паров горючего, одежда на солдате загорелась и к коже «приварилась», с кусками отдирал. Результат — сильнейший ожог одной третьей части тела и больничка надолго. Начальник упорно открещивается от своих слов, свидетели же их подтверждают. Военный суд ссылается на отсутствие письменного распоряжения: в пользу начальника. Значит — шиш тебе, воин, компенсации за причинение тяжкого вреда здоровью.

А есть и давние, но так и не закрытые случаи… Пожалуйста! Командир технической роты приказывает солдату у «Урала» колеса подкачать. Нужной насосной установки нет — хватай аппарат для заправки самолетов жидким азотом. «Я так велю!» — «Есть!» Через минуту шина лопается, выстреливает массивным

стопорным кольцом бойцу в грудь и буквально размазывает его о другой автомобиль. В итоге — куча переломов рук и ног, многие со смещением костей, несколько операций и четвертый год по больницам, с неподвижной правой рукой. Документально вина ротного подтверждается, только его даже не наказали. Дескать, за что? В диагнозе-то, я в интере прочел, впечатана фраза: «Травм, представляющих опасность для жизни, не получено». Ведь не погиб, а что на всю оставшуюся жизнь теперь инвалид — то всего-навсего «рабочие моменты». И опять — никаких компенсаций, хотя мать всюду, до самого «верха», жалобы писала.

Самое же прискорбное — любой начальник, машущий шашкой направо и налево, когда пора приходит ответ держать, всегда трусливо хвост поджимает.

— И каково же резюме нашей маловразумительной дискуссии?

— Сейчас. Как вы считаете, в свете отдания заведомо незаконного приказа, не подменяются ли командирами слова о «всей полноте распорядительной власти» вседозволенностью? А неисполнение его — и даже в случае явной неправомерности — опять-таки, не отождествляются ли с подрывом единоначалия? Создается впечатление, что основное содержание его — это лишь право отдавать приказы, а ответственность за здоровье и деятельность подчиненных — всего-то какое-то дурацкое мелкозначимое приложение. Отсюда пренебрежение к правам подчиненных и гражданских лиц, их интересам… Хотя, казалось бы, уж по отношению к военнослужащим начальники как раз обязаны употреблять свою власть в первую очередь для защиты этих прав и интересов, борьбы за их обеспечение и создание условий для выполнения личным составом своих служебных обязанностей.

— И…?

— И теперь подумайте: как подполковник Чердаков, наплевав с высокой горки на мои права равно и на права моей супруги, заботится о создании условий для выполнения мною служебных обязанностей преподавателя — командира учебного взвода? И как остальное руководство ШМАСа ему в том помогает?

— Эге! Вон ты для чего такой длинный и путаный въезд про единоначалие загнул!

— Если хотите, да. Ну, что скажете? — напористо вопрошал лейтенант.

— Да то и скажу, что на данный момент он тебе не только не помогает, но напротив: всячески мешает своими придирками не по делу. Мыслю, будет мешать и в дальнейшем, потому как преследует цель: избавиться от тебя, поставившего его в весьма

двусмысленное положение перед всеми офицерами. Подразделение же в целом от начальствующего идиотизма устойчиво лихорадит. Только не бывать скорлатому богатому, то бишь думается мне, что Чердаков у нас в части ненадолго задержится. Хотя лично тебя дожрать успеет. Что ж, сам напросился. Увы… Так-то, мой бедный Марат.

Киндинов неожиданно улыбнулся.

— А знаете, Виталий Тимофеевич, я ведь эту пьесу в интернете разыскал. И прочел. И одна фраза главного героя мне в душу запала: «Даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала». Так что решение я принял. Окончательное. Буду разрывать контракт. Можете смело комбату доложить. Мне с армией теперь точно не по пути. Вот только должок один верну…

— Ты мне смотри! — заволновался Пекарин. — Не вздумай рукоприкладствовать или еще чего такого. Говорю же — весовые категории разные. Чтобы потом всю жизнь за минутную слабость не расплачиваться…

— Будьте спокойны, товарищ майор, — загадочно улыбнулся взводный. — Все продумано до мелочей и ничем серьезным мне никак не грозит…

— Наверное, тебе с собственной колокольни виднее, — пожал плечами ротный, закругляя диалог с философским подтекстом…

* * *

Следующим утром, сразу по окончании развода на занятия, к Чердакову прямо на плацу строевым шагом подмаршировал наш главный герой.

— Товарищ подполковник, лейтенант Киндинов, разрешите обратиться!

— Не разрешаю! — хмуро буркнул «зампоуч», сразу заподозрив в этом обращении что-то неладное. Неясно, конечно, что именно, однако лучше бы перестраховаться.

— А позвольте спросить, почему это вы мне отказываете? Причина?

— Я перед вами отчитываться не обязан и не намерен! И вообще: нечего тут рассусоливать! Шагом марш к личному составу!

— Сейчас, вот только над матерным «i» в адрес моей супруги точки расставим…

— Вы что это себе позволяете? — взъярился Чердаков. — Приказываю немедленно убыть во взвод! А я сегодня же обязательно проверю, чем ты там занимаешься! — незаметно для

себя сбился он на «ты», дрожащей рукой указуя в сторону учебного корпуса. — И если что — сразу накажу!

— Ну, если ты на «ты», так давай уравняемся, — с долей иронии, переходящей в презрение, усмехнулся лейтенант. — Дрожишь-то чего? Глазки так и бегают… Боишься? Ну да, ну да, знает ведь кошка, чье мясо съела!

И, краем глаза приметив спешно направлявшихся в его сторону комбата-два, ротного и его зама по воспитательной работе, поторопился с действием:

— За мою слабую половину — получи!!! — Всхрапнув, младший офицер смачно плюнул в лицо старшему — на глазах у множества свидетелей.

На секунду подполковник опешил. Марату этого времени с лихвой хватило, чтобы отскочить в сторону на несколько шагов.

— Ах ты гад! — по-крысиному оскалившись, взревел «зампоуч».

На ходу размазывая по липу чужую боевую слюну, он рванулся к обидчику. Сблизившись с ним до метра, Чердаков взмахнул правым кулаком, метя лейтенанту в лицо. Но бывший гимнаст, обладавший высоким уровнем быстроты реакций и отлично развитым чувством равновесия, без суеты отшагнул в сторону на чуть согнутых ногах и отклонил корпус назад.

Кулак начальника вхолостую просвистел в воздухе. Нападавший провалился вперед и, пробежав несколько мелких шажков, не удержав равновесия, растянулся животом на асфальте, вблизи газона. Шитая на заказ фуражка-аэродром с огромным верхом слетела с головы, покатившись, перескочила бордюр… и на редкость точно накрыла свежую порцию собачьего дерьма, наваленную на густую изумрудную траву. Производитель сего удобрения — давно прикормившийся в солдатской столовой чернющий пес Пиночет, дрыхнувший неподалеку, — заинтересованно подошел к головному убору. Лениво нюхнул его, соображая: что это, мол, за новшество возникло на исконно моей территории? — И тут же пометил фуражку тонкой струей.

Перепачканный «зампоуч» с кряхтеньем поднялся на ноги, кинул злой взгляд на свой опозоренный «картуз» и поднимать его с газона не стал. Киндинов меж тем, не теряя времени, удалился от подполковника шагов на шесть-семь.

— Учти: сам я к тебе даже не прикоснулся — свидетелей десятки, — нарочито громко предупредил он. — А за плевок — что ж, как по закону положено, отвечу. Зато ты теперь в стенах этой части на всю оставшуюся жизнь будешь зваться Обхарканным.

И зашагал через плац и дальше по центральной аллее части.

Чердаков же не нашел ничего умнее, как в бессильной злобе почти выкрикнуть:

— И все равно жена твоя — б…!

Лейтенант вмиг остановился. Повернулся кругом. С трудом сдерживаясь — оказавшийся в тот момент рядом с ним зам по МТО углядел, как неистово пульсирует на виске Марата вздувшаяся синяя жилка, а острые скулы моментально зарумянились, — отцедил:

— А вот этого не надо бы… Господь, он ведь все видит… И всем воздает… По личным заслугам… Так что придется в будущем… тебе… сильно пожалеть…

Повторно сделал поворот и неторопливо продолжил движение по аллее, обрамленной подстриженными кустами самшита, — прочь от учебного корпуса, в направлении казармы.

— Лейтенант Киндинов! — раздался за его спиной сердитый голос комбата-два. — Сейчас же вернитесь! Кто за вас занятия со взводом вести будет?

— Либо Обхарканный, либо вы сами! — моментально отпарировал Марат, даже не обернувшись. — Промеж собой разберетесь! А меня народное хозяйство ждет! Между прочим, как вы оба того всеми фибрами желали! Адью!

И с той минуты к взводу даже и близко не подходил, вообще отказываясь в роте палец о палец ударить. Хотя на службу прибывал вовремя, тяжко высиживая затем в праздности до конца рабочего дня в канцелярии или бродя по помещениям подразделения, а на все увещевания и приказы коротко твердил: «Хотели уволить? Увольняйте! Вперед!»

Помощником дежурного по части или начальником гарнизонного караула закусившего удила назначать опасались: кто его знает, как он себя поведет, получив на руки боевой пистолет и две обоймы патронов.

Тем временем Чердаков подал на Киндинова иск в военный суд. Подполковнику очень хотелось для заседания организовать хотя бы двух лжесвидетелей, которые подтвердили бы, что лейтенант не только оплевал, но еще и сильно ударил начальника, сбив того с ног.

Поначалу «зампоуч» даже нашел такое понимание в лицах капитана Равчука и прапорщика Погребецкого — коменданта учебного корпуса, также непосредственно подчинявшегося Чердакову. Однако, побывав в кабинете командира части, оба врать в суде наотрез отказались.

— Извините, товарищ подполковник, — пояснил начальнику Равчук, — но с Сергачевым я ссориться не собираюсь. Тем более, инцидент наблюдали человек пятьдесят и со всех сторон. Что

действительно видел — о том подтвержу без проблем. А на большее не рассчитывайте!

* * *

Раскладывать по полочкам ход памятного всей части заседания военного суда, подготовленного в рекордно короткий срок, не имеет смысла. Достаточно упомянуть, что на нем в качестве вещдока фигурировала и злополучная телефонная запись. О какой именно женщине в ней шла речь, ни Чердаков, ни Равчук так вразумительно и не ответили…

Как ни старался истец и какие только большезвездные начальники ни выходили телефонно на ведущего «наплевательское дело» судью, приговор лейтенанту по статье 336 Уголовного кодекса РФ «Оскорбление военнослужащего» в итоге гласил: две тысячи пятьсот рублей штрафа. (Не надо забывать, что слово полковника Сергачева в городе тоже кое-чего да стоило.)

И хотя с этим наказанием Марат вовсе не подлежал немедленному увольнению из армейских рядов, все руководство ШМАСа с огромным облегчением вздохнуло, когда лейтенант-«пиджак» сразу после объявления ему приговора сам подал рапорт на расторжение контракта о прохождении военной службы. Ну, для проформы ротный и комбат коротко с подчиненным переговорили. И быстренько подмахнули бумагу (следом поставил свою «министерскую» Сергачев), а начстрой в тот же день направил в штаб округа представление к увольнению с действительной военной службы, куда и был приложен рапорт Киндинова. Так что еще через месяц он покинул оказавшийся для него несчастливым город. Его слабая половина выехала много раньше…

Немаловажная деталь. До самого вручения ему выписки из приказа об увольнении из Вооруженных Сил молодой офицер не знал, что почти одновременно с написанием им последнего рапорта строевой частью был получен несколько запоздавший приказ командующего округом о присвоении лейтенанту Киндинову очередного воинского звания — старшего лейтенанта. Оставшийся в это время за Сергачева, убывшего в отпуск, в санаторий, Чердаков на пару с Анюшкиным немедленно спрятали приказ под сукно, и он так и не был официально озвучен. Тандем подполковников придерживался мнения, что «это дело политическое, и если перед строем объявить судимому о повышении его в звании, то неизвестно еще, каким образом

данный отрицательный факт отразится на общем климате подразделений». По сути же оба заместителя командира части тогда на полном серьезе рисковали погонами: за намеренное неисполнение генеральского приказа. Однако все благополучно устаканилось…

Зато прозвище Обхарканный к «зампоучу» с легкой руки мстителя за слабую половину прилепилось намертво. Добавьте, что большинство офицеров части с Обхарканным здороваться за руку перестали, в кулуарах утверждали, что инициативную группу бойкота возглавили подполковник Лысиков и майор Пекарин.

Двумя неделями позже подполковник Чердаков, будучи в тот день ответственным по части от руководства, на личном автомобиле выехал для проверки внутреннего караула номер два за город, на автодром, где располагались склады ШМАСа, несколько ангаров с самолетами, площадка для их запуска и буксировки спецавтомобилями…

Старший офицер придирчиво проверил несение службы часовыми на постах и порядок в караульном помещении: в целом службой остался доволен, о чем сделал запись в постовой ведомости, помеченную часом ночи.

Покинув караульное помещение, «зампоуч» таинственно исчез в неизвестном направлении вместе с автомобилем, не вернувшись больше ни домой, ни в часть.

Искали его долго и упорно. Чуть ли не всем личным составом. Телефонные звонки из столицы не прекращались. Военная прокуратура и городская полиция также не знали ни сна, ни покоя. Все напрасно: никакими розыскными мероприятиями так и не удалось обнаружить ни самого пропавшего, живого или мертвого, ни принадлежащего подполковнику автомобиля либо его отдельных узлов, хотя опера угрозыска методично прошерстили все авторынки и мастерские.

— Ну вот как ты сам думаешь, — пристал однажды подполковник Булак к майору Пекарину, — это не наш ли бывший «пиджак» насчет Обхарканного так глобально подсуетился? Обещал же ему тогда, на плацу, когда этот идиот вторично его жену обозвал: мол, еще пожалеешь!

— Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — оба глаза! — задумчиво протянул ротный. Чуточку помолчав, добавил: — Леший его знает… С одной стороны, да, обещал, и натура у него оказалась… прямолинейно-негибкая. Только это пока мало о чем говорит. Не забывайте: он ведь на Господа ссылался. Человека непросто похитить, а потом еще и через заповедь «не убий» переступить. Лозою в могилу не вгонишь, а

калачом оттуда не выманишь… Да и кто он, Киндинов, в самом-то деле? Что, маньяк, что ли? Или подпольный криминальный авторитет? Нормальный в принципе был офицер — ну, за исключением нонсенса с Обхарканным. В общем, сильно сомневаюсь… А и кончить человека — всего полдела. Куда ему в итоге было тело девать? Закопать? Сжечь? И с машиной как? Ведь концов так ни хрена и не нашли…

— Нет, ты включи соображалку, — не отставал комбат. — Смотри: допустим, Киндинов тайно прибыл в наш город и через кого-то вызнал, когда у Чердакова по графику проверка караулов. Согласись: тут никакого секрета, лист нарядов на текущий месяц имеется и в штабе, и в любой роте. Время плановой проверки лицами из руководства части тоже всем известно: от нуля до двух ночи. Предположим, мститель загодя приехал к автодрому, спрятался в кустах, поближе к входным воротам… Дождался Обхарканного… А в момент, когда тот после проверки караула подошел к машине, снял ее с сигнализации и уселся внутрь — запрыгнул на заднее сиденье. Дальше уже дело техники: тряпкой с хлороформом усыпить либо петлю на горло. Потом тем же скотчем руки-ноги обмотать, кляп в рот, поверх — опять скотч налепить, тело в багажник — и вперед!

— Ой, чересчур хлопотно, — не согласился майор. — Это сообщник нужен в части, потом к автодрому надо еще на чем-то подъехать и где-то этот транспорт упрятать; затем есть риск, что, пока будешь жертву паковать, кто-то из проезжающих на дороге увидит неладное. И главное, повторяю: куда после всего тело и машину девать? С машиной даже посложнее…

— Не скажи, — возразил Булак. — Пусть тот, кто Киндинова просветил — ну, когда у Обхарканного по графику проверка, — сам не ведал, во что это выльется. Потому сейчас сидит тише воды, опасаясь, как бы за соучастие в убийстве не пригребли. К автодрому добраться можно даже на велосипеде. Замаскировать в кустах — с этим глобальным потеплением у нас листва чуть ли не до декабря не опадает, — а вернуться за ним позднее: через день-два. Или вообще безмоторный транспорт бросить, предварительно отпечатки пальцев на нем стерев. Дорога эта в час ночи малозагруженная, кругом темно, для ближайшего часового въездные ворота далековато, а уж что за ограждением автодрома происходит, так он и вовсе не видит, не слышит, да это его и не колышет. Смущают машина и тело? Про Чертов камень, уверен, в курсе?

— Само собой. Под тем обрывом глубина загородной реки действительно невообразимая.

— Вот, может, пропащий ныне там и покоится. В водяной

могиле и в металлическом «гробу». Или же где-то в ином укромном уголке, причем есть другие варианты: без «футляра» — землей засыпанный, камнями закиданный, до пепла сожженный…

— Не исключено, наш лейтенант запаса тут и вовсе ни при чем, а элементарно нарвался Обхарканный ночью по собственной дурости на каких-нибудь братков: с него, деревянноголового, станется… Еще допускаю вероятность, что мог на любовнице погореть и обманутый муж его, будучи в состоянии аффекта, того… — чиркнул себя ребром ладони по горлу Пекарин.

— А что? — согласился Булак. — Не удивлюсь. Ведь не самостийно же он все бросил — и должность, и выслугу, и семью, и нажитое…

— Хэх! — подытожил бездоказательный спор Пекарин. — Не петь курице петухом, а и спеть, так на свою голову.

2011

notes

Примечания

1

САРПП — система автоматической регистрации параметров полета. Даже в случае авиакатастрофы, как правило, сохраняется пригодной для расшифровки, размещаясь в специальном защитном футляре, находящемся в хвосте самолета. В просторечии САРПП часто называют «черным ящиком», хотя на военных самолетах его футляр окрашен в ярко-оранжевый цвет.

2

Memento mori (лат.) — помни о смерти.

3

Массандра — на армейском жаргоне — обозначение различных водоспиртовых смесей, использующихся в авиации в качестве антиобледенительных жидкостей.

4

Южный военный округ (вымышлено)